

МЕЃУНАРОДЕН ЦЕНТАР ЗА СЛАВЈАНСКА ПРОСВЕТА - СВЕТИ НИКОЛЕ

«МЕЃУНАРОДЕН ДИЈАЛОГ: ИСТОК - ЗАПАД»
(ФИЛОЗОФИЈА, ЛИНГВИСТИКА И КУЛТУРОЛОГИЈА)

СПИСАНИЕ
на научни трудови

**СЕДМА МЕЃУНАРОДНА НАУЧНА КОНФЕРЕНЦИЈА
МЕЃУНАРОДЕН СЛАВЈАНСКИ УНИВЕРЗИТЕТ
„ГАВРИЛО РОМАНОВИЧ ДЕРЖАВИН“**

Година III

Број 4

Јуни 2016

- СВЕТИ НИКОЛЕ, Р. МАКЕДОНИЈА -
- 2016 -

Издавач: Меѓународен Центар за Славјанска Просвета - Свети Николе

За издавачот: Доц. д-р Јордан Ѓорчев, директор

Наслов: «МЕЃУНАРОДЕН ДИЈАЛОГ: ИСТОК - ЗАПАД» (ПСИХОЛОГИЈА, ФИЛОЗОФИЈА, ЛИНГВИСТИКА, КУЛТУРОЛОГИЈА И ОБРАЗОВАНИЕ)

Организационен одбор:

Претседател: Доц. д-р Јордан Ѓорчев

Заменик претседател: Проф. д-р Владислав М. Јурјев

Член: м-р Борче Серафимовски

Уредувачки одбор:

Проф. д-р Душан Николовски – Р. Македонија

Доц. д-р Александар Илиевски – Р. Македонија

Проф. д-р Мирослав Крстиќ – Р. Србија

Проф. д-р Здравко Гаргаров – Р. Бугарија

Доц. д-р Хаџиб Салкич – Р. Босна и Херцеговина

Д-р Татјана Осадчаја – Русија

Технички раководител: Михаела Ѓорчева

Технички секретар на конференцијата: Милена Спасовска

Уредник: Доц. д-р Јордан Ѓорчев

Компјутерска обработка и дизајн: Благој Митев

ISSN (принт) 1857-9299

ISSN (онлајн) 1857-9302

Адреса на комисијата: ул. Маршал Тито 77, Свети Николе, Р. Македонија

Контакт телефон: +389 (0)32 440 330

Организациониот одбор им се заблагодарува на сите учесници за соработката!

Напомена:

Организациониот одбор на Седмата меѓународна научна конференција «МЕЃУНАРОДЕН ДИЈАЛОГ: ИСТОК-ЗАПАД» не одговара за можните повреди на авторските права на научните трудови објавени во списанието. Целосната одговорност за оригиналноста, автентичноста и лекторирањето на научните трудови објавени во списанието е на самите автори на трудовите.

Печати: Печатница БУБАМАРА-ХИТ, Свети Николе

Тираж: 100

МЕЃУНАРОДЕН ДИЈАЛОГ
ИСТОК - ЗАПАД

(ФИЛОЗОФИЈА, ЛИНГВИСТИКА И КУЛТУРОЛОГИЈА)

СОДРЖИНА

<i>Проф. д-р Виолета Николовска</i>	
ЗА МЕТАФОРЧНИТЕ КОНЦЕПТИ И КУЛТУРАТА	1
<i>Елена Яковлева</i>	
ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В ТРУДАХ ТАТАРСКОГО	
ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ	7
<i>Доц. д-р Стојанов Трајче</i>	
ПЛАТОН VS. АРИСТОТЕЛ	13
<i>Јоана Хаци-Лега Христоска</i>	
ГРЕШКИ ПРИ ТРАНСКРИПЦИЈАТА НА ФРАНЦУСКИТЕ	
СОПСТВЕНИ ИМИЊА ВО МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК	17
<i>Игорь Евлампиев,</i>	
ЛИБЕРАЛИЗМ И СВОБОДА	23
<i>Виктор Куприянов</i>	
ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВА В	
РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ	29
<i>Лариса Чович</i>	
ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАРЕМИЙ В ПРОЦЕССЕ	
ПЕРЕВОДА НА БЛИЗКОРОДСТВЕННЫЙ ЯЗЫК	35
<i>Бранимир Чович</i>	
ПЕРВЫЙ УЧЕБНИК ПО ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ПЕРЕВОДУ И	
ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЮ У СЕРБОВ	43
<i>Д-р Благојка Здравковска-Адамова</i>	
<i>М-р Александра П. Танеска</i>	
СОВРЕМЕНИ ЛИНГВИСТИЧКИ ПРОУЧУВАЊА: ТЕКСТ И/ИЛИ	
ДИСКУРС	53
<i>Мещерина Е.Г., Гузенина С.В.</i>	
ПСИХОЛОГИЗМ КАК ОСНОВА «КРАСОТЫ – ПРАВДЫ» В	
РУССКОЙ ЖИВОПИСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	59
<i>Фёдоров А.И., Кузнецова Т.В., Ежов С.Ю.</i>	
ВС. Н. ИВАНОВ О РОЛИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДИАЛОГЕ	
«ВОСТОК – ЗАПАД»	65
<i>Гузенина С.В., Краснова Л.В., Сухомлинова М.В., Гузенина Е.О.</i>	
К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ	71
<i>Макарцева Н.Н.</i>	
ТРАДИЦИОННАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ	
АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ	77
<i>Пантелеј Кондратјук</i>	
НЕВИДЛИВИОТ ДИСКУРС НА СМРТТА ВО КНИЖЕВНОТО	
ТОЛКУВАЊЕ – „ФИЛОСОФЕМА НА ЧИСТИОТ ИДЕНТИТЕТ	
НАРЕЧЕН СМРТ“ ОД АВРААМОВАТА ЖРТВА СЕПАЛЕНИЦА	
НА СИНОТ ИСААК ВО ЈУДЕОХРИСТИЈАНСКОТО ПРЕДАНИЕ,	
ДО САМОУБИСТВОТО НА ПИСАТЕЛОТ ВО ХОЛОКАУСТОТ	
НА СОПСТВЕНОТО КНИЖЕВНО ПИСМО	83

<i>Д-р Билјана Нацковска - Вељковиќ</i> ПРИМЕНАТА НА ПРОФЕСИОНАЛНАТА ЕТИКА КАЈ ПОМАГАТЕЛНИТЕ ПРОФЕСИИ ВО СОЦИЈАЛНАТА ЗАШТИТА	91
<i>Проф. д-р Мирко Ѓошевски</i> НАУКАТА ВО ВИСОКОТО ОБРАЗОВАНИЕ: БЕЗ ПРЕЦЕНУВАЊЕ И ПОТЦЕНУВАЊЕ	97
<i>Трендевска Сан德拉</i> СОВРЕМЕННИТЕ ЛИНГВО-КУЛТУРОЛОШКИ ТЕНДЕНЦИИ	105
<i>Душица Ѓокиќ</i> НИЧЕ И ФИЛОСОФСКОТО ОБРАЗОВАНИЕ: МИСЛИТЕЛОТ ВО СЕНКАТА НА СОВРЕМЕНАТА ДРЖАВА	111
<i>Марија Тодоровска,</i> ОСНОВАЊЕТО НА БИОЕТИКАТА КАКО ЕТИКА ПРИМЕНЕТА НА ПРАШАЊАТА ПОВРЗАНИ СО ЖИВОТО(Т)	117
<i>Д-р Ангелина Јаневска</i> ФИЛОЗОФИЈАТА И ОПШТЕСТВОТО ВЛИЈАНИЕТО НА МАТЕРИЈАЛНАТА КУЛТУРА	123
<i>Наталья Лапаева-Ристеска</i> РУССКАЯ КЛАССИКА В СОВРЕМЕННЫХ ПОСТАНОВКАХ МАКЕДОНСКИХ ТЕАТРОВ: ВЕРСИИ	129
<i>вон. проф. д-р Марјана Ванева</i> ЗА ЕДЕН КРЕАТИВЕН ВИД НА НУЛТА НА ДЕРИВАЦИЈА ВО МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК: ОД ПРИЛОГ ВО ИМЕНКА	135
<i>Макарцева Н.Н.</i> К ВОПРОСУ О МЕНТАЛЬНОСТИ РУССКИХ	139
<i>Махрачев Георгий Сергеевич</i> ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА МАТЕРИАЛЕ РАСКОПОК ДАВЫДОВСКОГО ГОРОДИЩА	145
<i>Наталия Федоровна Полякова</i> ХРОНОТОП ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ А.Н. ТОЛСТОГО «МИШУКА НАЛЫМОВ (ЗАВОЛЖЬЕ)»	151
<i>Проф.д-р Христо Петрески</i> ФОТОГРАФИЈАТА, СЛИКАРСТВОТО И ФИЛМОТ КАКО ПРОПАГАНДА	157
<i>Татьяна Махрачева¹ (Tatyana Makhrachova), Сергей Махрачев² (Sergey Makhrachov)</i> ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ ГОВОРОВ: ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	163

ОБЛАСТ
**ФИЛОЗОФИЈА,
ЛИНГВИСТИКА И
КУЛТУРОЛОГИЈА**

Проф. д-р Виолета Николовска

ЗА МЕТАФОРИЧНИТЕ КОНЦЕПТИ И КУЛТУРАТА

Апстракт: Во трудот ќе бидат разгледани неколку метафорични концепти кои го отсликуваат нашиот поглед на свет. Според теоријата и примерите што ги даваат претставниците на когнитивната лингвистика Lakoff и Johnson, изложени во книгата "Metaphors we live by" (1980), ќе бидат споредени метафорични концепти во английскиот, хрватскиот и македонскиот јазик, со цел да се укаже на тоа што е универзално, а што специфично за дадена култура. Ќе се укаже и на тоа дека метафоризацијата и при развојот на полисемијата на некои лексеми се врши од поконкретни кон поапстрактни домени.

Клучни зборови: јазик, семантика, метафора, концепт, култура

A METAPHORICAL CONCEPTS AND CULTURE

Abstract: In this article, we will consider a few metaphorical concepts that reflect our view of the world. According to the theory and examples of representatives of cognitive linguistics, Lakoff and Johnson, presented in their book "Metaphors we live by" (1980), we will compare the metaphorical concepts in English, Croatian and Macedonian with intention to indicate what is universal and what is specific to a given culture. We will point out that the metaphorization is taking place from concrete to abstract domains even in the development of polysemy of the lexemes.

Key words: language, semantics, metaphor, concept, culture.

Основата за ова наше размислување ни ја даде теоријата на Лејкоф и Џонсон за метафоричната природа на системот на концептуализација во рамките на кој живееме и делуваме, изложена во широко познатата „Metaphors we live by“ (Lakoff and Johnson 1980). Според авторите на оваа теорија, метафорите се проткајуваат во секојдневниот живот, и тоа не само во јазикот, туку и во нашето мислење и делување.

Концептите кои управуваат со нашата мисла ја изградуваат нашата перцепција, начинот на снаogaње во светот, начинот на којшто се однесуваме со другите луѓе. Системот од концепти ја дефинира нашата стварност.

Овој систем од концепти, што управува со нашата мисла, во голема мера е метафоричен. Според тоа, и начинот на којшто мислиме и она што секојдневно го правиме се базира на метафора.

Потрадиција, метафората се разгледува само како јазичен феномен, јазичен израз со кој се описува стварноста. Она што го нуди когнитивната лингвистика, особено споменатото дело на Лејкоф и Џонсон е дека метафората е израз на концептуалниот систем на човекот, на начинот на кој човекот ја конципира стварноста. Истовремено, таа може да биде не само израз, туку и средство со кое се структурира нашиот концептуален систем и средство кое влијае на нашето делување низ секојдневните активности. На тој начин, метафората може и да ја

крира реалноста во која живееме и дејствувааме.

Неминовно, метафората се врзува со посебностите на културата. Одредени метафори се карактеристични за одредени култури. Концептуалниот систем во рамките на кој расудуваме и мислиме, може да припаѓа на универзалното интелектуално наследство, но може да биде и специфичен за културата на која припаѓаме, со што се доближувааме до поимот на менталитет на народот, поим употребуван особено во 19 век, исто така доведуван во врска со јазикот: Јазикот е израз на менталитетот на еден народ¹.

Воведувањето на нови метафорични концепти од една во друга култура, преку различни видови на контакт на говорните заедници може да доведе до културни промени (една од нашите илustrации за метафоричните концепти ќе биде и пример за таков вид на културна промена).

Авторите на оваа теорија за метафорични концепти, Лејкоф и Чонсон, изложуваат систем на метафори кои ја структуираат нашата перцепција, нашето мислење и нашето делување. Еден од тие метафорични концепти е концептот: Расправијата (кавгата) е војна. Како аргумент за ова тврдење ги приведуваат следните примери²:

-на македонски

Твоите тврдења не можат да се одбранат.

Ја нападна секоја слаба точка на мојата аргументација.

Неговите критики ја погодија целта.

Ги побив неговите аргументи.

Никогаш не победив во расправија со него.

Не се согласуваш? Зборувај!

Ако ја користиш таа стратегија, ќе те збрише.

Ги поби сите мои аргументи.

-на англиски

Your claims are indefensible.

He attacked every weak point in my argument.

His criticisms were right on target.

I demolished his argument.

I've never won an argument with him.

You disagree? Okay, shoot!

If you use that strategy, he'll wipe you out.

He shot down all of my arguments.

На хрватски

Tvoje su tvrdnje neobranjive.

Napao je svaku slabu točku moje argumentacije.

Njegove su kritike pogodile metu.

Uništio sam njegove argumente.

Nikad nisam pobedio u raspravi s njim.

Ne slažeš se? Pucaj onda.

1 Познатата поставка од теоријата на В. Хумболт

2 За илustrација ќе ги приведеме примерите во оригинална верзија, на англиски јазик, на македонски и на хрватски јазик во превод на Лука Матиќ в. <http://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCEQFjAA&url=http%3A%2F%2Fhrcak.srce.hr%2Ffile%2F121411&ei=Ad1dVcjyH4HoUJiFgdgK&usg=AFQjCNHsusMjP0XYa34Bqkl7F014uuuzTZg&sig2=5hFGST62aHcr7YA0vUYEQQ&bvm=bv.93756505,d.d24>

Ako budeš rabio tu strategiju, pomest ќете.
Oborio je sve moje argumente.

Како што може да се види, двата концепти војна и расправија ги обединуваат исти јазични изрази: одбрана, напад, цел (мета), побие (војска), победа, стратегија. Во едниот случај се работи за физичка борба, во другиот за вербална борба. Расправијата е вербална борба. Тоа е метафоричниот концепт. Овој метафоричен концепт го најдовме во три различни културни и јазични средини: англосаксонската и балканската словенска, и тоа на дел од словенскиот југоисток на Балканот и на дел од словенскиот запад на Балканот. Би можеле да кажеме дека се работи за универзален метафоричен концепт.

Според Лејкоф и Џонсон, во метафоричниот концепт се разликуваат два домена: изворен и целен (onoј што е цел на концептот). Во метафоричниот концепт Кавгата е војна изворен домен е војната, а целен кавгата.

Истражувањата во когнитивната лингвистика покажуваат дека „лүгето со помош на концептуалната метафора и метонимија еден, најчесто апстрактен домен (целен домен) го разбираат преку конкретен (изворен) домен.

Оваа појава ја согледавме и како карактеристична при создавањето на полисемијата на лексемите (Николовска, 2012). Разгледувајќи ги значењата на лексемата фати, утврдивме дека нејзината полисемичност се развива во три правци: едниот е од значењето 'улови', другиот од значењето 'успее' и третиот од значењето 'почне'. Утврдивме дека најголема метафоризација се јавува кај значењето 'улови' и тута се развиени најмногу значења.... во развојот на метафоричноста на оваа лексема како да постојат скалила, етапи: фати - 'земе нешто со рака' (Пр. Го фати детето за рака. Фати го материјалот на фустанов.) ; фати – со екstenзија на значењето до 'улови' (нешто што е во движење) (Пр. Ја фати топката. Фати мува); потоа спецификација на значењето до 'улови (само) дивеч или риба' (Пр. Фати неколку риби. Фати дива свиња.); кога се работи за човек, модификација на значењето 'улови' до 'уапси' (Пр. Го фатија крадецот.); па по пат на метафоризација - 'разоткрие некого во нешто, затекне некого во нешто' (Пр. Го фати мажот како ја изневерува. Го фати во лага. Ги фати конечно како бегаат од работа. Човек не може да те фати на спиење. Извинете ве фатив на спиење.); 'улови со поглед – успее да види' (Пр. Се обираше долж двете насоки на улицата и се напрегаше во сенките да го фати заминувањето на Вети. Зборуваше обидувајќи се да ѝ го фати погледот.); 'улови превозно средство – успее навреме да се качи на тоа средство' (Пр. Го фатија автобусот.); 'улови радио или ТВ сигнал – има прием на радио или ТВ сигнал' (Пр. Колку канали фаќаш со обична антена?); 'улови, пронајде партнери/ка, некаква позиција, работа, средства (најчесто материјални)' (Пр. Слушам си фатил нова девојка. Фати добар проект.)" (Николовска 2012: 148). Како што може да се види од примерите, изворниот, физички домен се метафоризира до нефизички значења: 'улови со поглед,' затекне некого во нешто,'се здобие со нешто' (добар проект) и сл.

И следните метафорични концепти што ги приведуваат Лејкоф и Џонсон зборуваат за метафоризацији од поконкретни кон поапстрактни домени:

- » Understanding is seeing. / Разбирањето, сфаќањето е гледање .
- » Seeing is touching. / Гледањето е допирање. / Eyes are limbs. / Очите се раце (или нозе).
- » Последниот концепт ќе го илустрираме со неколку примери на англиски и на македонски.
- » I can't take my eyes off her. / Не можам да ги (от)тргнам очите од неа.
- » He sits with his eyes glued to the TV. / Седеше со очите залепени до телевизорот.
- » Her eyes picked out every detail of the pattern./ Нејзините очи го забележаа (буквално: го одбраа) секој детаљ од шарата (моделот, дизајнот).
- » Their eyes met. / Нивните очи се сретнаа.
- » She never moves her eyes from his face. / Таа никогаш не ги оттргнува своите очи од него.
- » She ran her eyes over everything in the room. / Таа помина (буквално: претрча) со очите преку сè во собата.
- » He wants everything within reach of his eyes./ Тој сака сè до што ќе допрат неговите очи (буквално: сè што е во дофат на неговите очи).

Во прилог на овој концепт доаѓа и едно од значењата на глаголот фати за кое зборувавме: 'фати (улови) со поглед': Се обсираше долж двете насоки на улицата и се напреташе во сенките да го фати заминувањето на Вети. Зборуваше обидувајќи се да ѝ го фати погледот.

Следниот концептот за кој ќе зборуваме е концептот Времето е париз. За него би можеле да кажеме дека не е универзален во мерка во која беше концептот Кавгата е војна. Го анализираме во јазични контексти на англиски јазик, на хрватски (преземени од веќе споменатиот превод на Лука Матик) и на македонски.

на англиски јазик

You're running out of time.

You need to budget your time.

Put aside some time for ping pong.

Is that worth your while?

Do you have much time left?

You're wasting my time.

This gadget will save you hours.

I don't have the time to give you.

How do you spend your time these days?

That flat tire cost me an hour.

I've invested a lot of time in her.

I don't have enough time to spare for that.

He's living on borrowed time.

You don't use your time profitably.

I lost a lot of time when I got sick.

Thank you for your time.

на хрватски јазик

Ponestaje ti vremena.

Moraš pažljivo gospodariti svojim vremenom.

Odvoji nešto vremena za stolni tenis.

Je li to vrijedno tvog vremena?

Je li ti ostalo puno vremena?

Tratiš moje vrijeme.

Uz pomoć ove sprave uštedjetće puno vremena.

Nemam vremena koje bih ti posvetio.

Kako trošiš vrijeme ovih dana?

Probušena guma koštala me puno vremena.

Utrošio sam puno vremena u nju.

Nemam dovoljno vremena da ga potrošim na то.

Živi u sudačkoj nadoknadi.

Pazi na то да ти се улоžено vrijeme isplati.

Zbog bolesti sam izgubio puno vremena.

Hvala ti za tvoje vrijeme.

на македонски

Ти изминува времето.

Треба (добро) да го менаџираш времето / да управуваш со времето.

Најди малку време за пинг-понг.
 Вреди ли да троиш време за тоа?
 Ти остана ли многу време? / Имаш ли уште многу време?
 Ми го троиш времето. / Ми го тепаш времето.
 Оваа направа ќе ти скрати / ќе ти заштеди многу време.
 Немам време да ти посветам.
 Како го поминуваш времето деновиве?
 Дупната гума ми одзема еден час.
 Потрошлив многу време на неа. Вложив / инвестираш многу време во неа.
 Немам време да го трошам на тоа.
 Живее подарено време. / Живее живот на подарок.
 Не го поминуваш времето корисно.
 Изгубив многу време кога бев болен.

Од примерите се гледа дека времето е нешто што се поседува (има), што се „буџетира“ – менаџира, се става на страна (буквално на англ. put aside), што се троши или се штеди. Во примерите на английски јазик, во буквален превод, времето се дава, нештата чинат време како што нештата чинат извесна сума пари, времето се инвестира, се живее позајмено време, времето се користи профитабилно или се губи.

Живееме во време во кое минутите телефонски разговор чинат пари, часовите, седмиците или месеците работа се исплаќаат, дури и времето поминато како казна во затвор може да се измери / замени со пари. Навистина живееме во време кое ја отсликува метафората Времето е пари.

Ако ги споредиме примерите на английски јазик и нивните преводи на хрватски и на македонски, ќе забележиме дека во хрватските и во македонските примери има помалку експлицитни примери што времето го поврзуваат со пари. И овде времето се штеди и се троши, но и се посветува. Уште повеќе, во нашиот јазик важи и метафоричниот концепт Времето е река⁴. Тоа тече (Пр. Ти истече времето.), поминува (Пр. Никако да ми помине времето. Брзо ми поминува времето. Бавно ми поминува времето.). Тоа е сè уште скапоцено богатство кое се троши и штеди, може да се губи, но и да се поминува (корисно, со некого и сл.). Може некому и да се посвети. Во нашиот менталитет, би можеле да кажеме дека времето не е пари во голема мерка, туку е повеќе богатство и река што тече, што поминува. Тоа сè уште нè разликува од модерната западна цивилизација. Нашиот концептуален систем сè уште не е многу зафатен од материјалистичкиот поглед на свет, иако со придобивките од модерната цивилизација (минутажата за телефонските разговори и сл.), тој сè повеќе има шанси да се доближи до него.

„Голем број од нашите активности (расправиите, решавањето проблеми, управувањето со време и сл.) се метафорични по природа. Метафоричните концепти кои ги карактеризираат овие активности ја структуираат нашата сегашна реалност. Новите метафори имаат моќда креираат една нова реалност. Тоа може да започне да се случува кога ќе почнеме да го разбирааме светот во рамките на метафората, а станува подлабока реалност кога ќе почнеме да делуваме во

⁴ За илустрација ќе ги приведеме примерите во оригинална верзија, на английски јазик, на македонски и на хрватски јазик во превод на Лука Матик в. <http://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCEQFjAA&url=http%3A%2F%2Fhrcak.srce.hr%2Ffile%2F121411&ei=Ad1dVcjyH4HoUJiFgdgK&usg=AFQjCNHsusMjP0XYa34Bqkl7F014uzTZg&sig2=5hFGST62aHcr7YA0vUYEQQ&bvm=bv.93756505,d.d24>

рамките на метафората. Кога нова метафора влегува во концептуалниот систем врз кој ги засноваме нашите активности, таа ќе го направи поинаков тој систем, како и перцепциите и акциите што произлегуваат од него. Многу културни промени произлегуваат од воведувањето на нови метафорични концепти, како и од загубата на некои стари концепти. На пример, вестернизацијата на културите во светот делумно се должи на воведувањето на метафората Времето е пари” (Lakoff and Johnson 1980).

Метафорите не се само облик на книжевно изразување. Тие се слика на концептуалниот систем кој го обликува нашето секојдневно живеење. Уште повеќе, тие може, како што видовме, преку туѓо јазично и воопшто културно, животно влијание и да го променат нашиот поглед на свет, а со тоа и нашиот секојдневен живот.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николовска В. (2012) Од семантиката на фати и фатален. Македонски јазик, LXIII, стр. 143-153.
2. Lakoff G and Johnson M. 1980. Metaphors we live by. Chicago and London: The University of Chicago Press.
3. Lakoff G and Johnson M. 1980. Metaphors we live by. Chicago and London: The University of Chicago Press (превод од Лука Матик на стр. 3-9). <http://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCEQFjAA&url=http%3A%2F%2Fhrcak.srce.hr%2Ffile%2F121411&ei=Ad1dVcjyH4HoUJiFgdgK&usg=AFQjCNHsusMjP0XYa34Bqkl7F014uuzTZg&sig2=5hFGST62aHcr7YA0vUYEQQ&bvm=bv.93756505,d.d24>

929Nasyri, K.

Елена Яковлева
 ИЭУП (г. Казань), mifoigra@mail.ru
 Elena Iakovleva

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В ТРУДАХ ТАТАРСКОГО ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

THE PROBLEM OF IDENTITY IN THE WORKS OF TATAR LEONARDO DA VINCI

Аннотация: Объектом исследования становится творческое наследие татарского ученого Каюма Насыри, связанного с проблемами осознания и формирования национальной идентичности. Последняя наиболее ярко проявляется в образе Родины и отношения к ней личности. Единицей образа Родины выступает город, эмоционально-интеллектуальное исследование которого становится показателем «нравственной оседлости».

Ключевые слова: Каюм Насыри, национальная идентичность, образ Родины, город, телесность.

Abstract: The object of study becomes a creative heritage of the Tatar scientist Kayum Nasyri associated with the problems of awareness and the formation of national identity. The latter is most evident in the image of the country and the relationship to her personality. The unit performs the image of the motherland city, emotional and intellectual research which becomes an indicator of "moral Settlement".

Keywords: Kayum Nasyri, national identity, the image of the motherland, the city, physicality.

Интерес к прошлому – культуре определенной исторической эпохи/народа/отдельной личности – всегда находится в центре внимания исследователей, в результате чего расширяются знания и появляются новые факты, позволяющие перекинуть своеобразный «Мост Времени» от прошлого к настоящему и будущему. Подчеркнем, что множество существующих сегодня интерпретаций одного фрагмента действительности связаны с плюралистичностью современности и возможностью интеллектуального выбора определенной трактовки. Последнее становится актуальным в виду существующих проблем, связанных с поиском национальной идеи в условиях глобализирующегося мира, выработкой политики мультикультурализма, обретением идентичности, в том числе национальной, и интеллектуально-этическим возрождением человека.

В творческом наследии Каюма Насыри, которого в виду универсальности его деятельности по праву можно назвать татарским Леонардо да Винчи, можно обнаружить осмысление сути национальной принадлежности. Неслучайно часть наследия татарского Леонардо да Винчи связана с этнографическим и историческим материалом.

В первую очередь, Каюм Насыри, изучая историю татарского народа, пытался осмыслить его истоки, чтобы наиболее ярче показать **национальную**

идентичност. Если рассматривать идентичность как ценность, связанную с появлением благоприятного пространства минимизации ущерба жизни, то, подчеркнем, человек нуждается в своем распознавании, осмыслении, определении и оценивании, а значит – культурной идентичности. Сам процесс выстраивания идентичности как результат самоопределения осуществляется двунаправлено: через генерализацию (соотнесение себя с чем-то большим) и индивидуализацию (различие себя от иного). Идентичность обладает разнообразным количеством модусов (национальная/социальная/политическая/конфессиональная и др.), сплетающихся в хаотичный клубок, что рождает собственное представление о Я и восприятие Я Другими. Благодаря способности идентифицировать себя, представляющую собой мыслительно-логическую процедуру, человек осознает смысл конкретной культурно-исторической среды, в которую он погружен, и модель проявления в ней. В итоге *внешнее социальное воспринимается индивидом как объективированное внутреннее, позволяющее демонстрации Я.*

Идентичность связана образом Родины, осознание которого влечет за собой позитивные последствия, связанные с проявлением национальной самобытности, воспитания патриотизма и гражданской ответственности. Подчеркнем, образ Родины как фундаментальный символ олицетворяет сакральность образа мира и оплот веры, землю предков и источник жизни, судьбу и место проживания, что влечет за собой его ассоциацию с законом, справедливостью, безопасностью и силой. Неслучайно преданность стране была одной из важнейших ценностей духовной и социальной жизни.

По мнению исследователя С.В. Гузениной, с чьей позицией мы солидарны, образ Родины бинарен, что проявляется в наличие *индивидуального образа Родины*, связанного с эмоционально-созерцательным отношением, и *идеологизированного образа Родины*, который олицетворяют вербальные символы, знаки, идеологемы¹. Подчеркнем, идеологизированный образ Родины формируется целенаправленно, о чем писал еще Платон.

У Каюма Насыри наличие индивидуального образа Родины, связанного с любовью к своему краю и изучением его истории/самобытности/бытийных проявлений, повлияло на формирование идеологизированного образа Родины в процессе обучения у своих воспитанников. Дело в том, что ученый (сознательно/бессознательно) пришел к заключению, что наличие позитивного образа Родины помогает осознать свою идентичность. Позитивно сформированный образ Родины и любовь к нему как нечто сакрально-невысказанное позволяет проявиться «нравственной оседлости» (Д.С. Лихачев), сопряженной с совестливостью, порядочностью, заботой, душевной чуткостью, то есть этической позицией личности по отношению к образу. Понимание этого подвигло Каюма Насыри изучать историю и этнографию Казанского края.

Он писал, что жители края «любили называть себя булгарами и из поколения в поколение не забывали об этом»². Исследователь считал, что основу татарского этноса составляют булгары. При этом, проявляя толерантное отношение к окружающему миру, К. Насыри считал, что и другие народы края (чуваши, мордва, мары) вносили вклад в формирование его ментальности. Определяя специфику татарского народа, Насыри называет его признаки: «народ тюркского племени»,

¹ См.: Гузенина, С.В. (2013), Образ Родины как предмет научного анализа. Белгород: НИУ «БелГУ». 276 с.

² Насыри, К. (1948), Материалы научных сессий, посвященных 120-летию со дня рождения. Казань. С. 102.

живущий в России «в Сибири, Оренбургской, Казанской и других губерниях правой стороны Волги и в Астраханской губернии», имеющий «свою литературу» и наречие «среднее или татарское, на котором говорят народы тюркского племени, мы обычно называем татарским языком», являющимся самым «чистым» и красивым из всех тюркских языков³.

Обращение к образу Родины как важной составляющей национальной идентичности приводит нас к пространствам личностного бытия. Человек живет в определенном пространстве, осваивая его и делая комфортным для себя. Совокупность географических названий, имеющих свой адрес, образуют *топонимическое пространство*, становящееся для личности в зависимости от жизненных обстоятельств близким/далеким, родным/чужим, знакомым/незнакомым и их сочетаниями между собой. Одним из таких пространств можно назвать *город*. Каждый город имеет свой неповторимый колорит и облик, своеобразие которым придают не только национальная/государственная принадлежность, очертания, имена и творения гениев, но и субъективные восприятия и переживания, рождаемые этим пространством.

В своем обширном наследии Каюм Насыри пытался осмыслить телесность пространства, в том числе и города Казани. Он, как люди в древности, одухотворял окружающие его ландшафты, трепетно относясь к ним, понимая, что в родном краю можно найти несметные богатства. Неслучайно он собирал и сушил лекарственные растения, прибегая к их помощи во время болезней. Как пишет А. Ахунов, Каюма Насыри «очень раздражал тот факт, что люди лечатся привозными лекарствами. Он полагал так: «На нашей земле растет достаточно пригодных для лечения растений. Целебные свойства произрастающих на нашей земле трав, гораздо выше, чем заморских»»⁴. В фольклорном наследии, собранном татарским Леонардо да Винчи, можно обнаружить пословицу, опосредованно олицетворяющую его анимистические взгляды: «деревня – рот, лес – уши, поле – глаза», что говорит в пользу телесного восприятия пространств.

Город по-разному (активно/пассивно/агрессивно/комфортно) воздействует на человека, обволакивая/захватывая/подавляя, тем самым оказывая влияние на подсознание, сознание, образ мыслей и действий личности. В свою очередь, личность присваивает себе город, отождествляя его со своим/чужим пространством и переживая как продолжение себя. Наиболее ярко это качество проявилось в пословицах и поговорках разных народов: «Родимая сторона – мать, а чужая – мачеха», «В гостях хорошо, а дома лучше», «Свой сухарь лучше чужих пирогов», «Свой уголок – свой простор», «Ищи добра на стороне, а дом люби по старине», «В чужом доме не осуждай!», «Каково на дому, таково и самому», «В чужом доме побывать – в своем гнилое бревно увидать», «На чужой каравай рот не разевай, а пораньше вставай, да свой затевай», «Как бы ни было сладко жить на чужбине, всегда тянет к родной стороне» (тат.), «На родной стороне даже дым сладок» (тат.), «Бежал от дыма, да попал в огонь» (тат.), «В Астрахани телка рубль да перевоз тысячу» (К. Насыри⁵), «Понадеялся на гору, где и дично не водится» (К. Насыри), «Свое – в сердце, чужое – под мышкой» (К. Насыри), «Хочешь знать, что в твоем дому творится, – спроси у соседа» (К. Насыри), «Хоть палец в рукавице пошевелишь – от глаз людских не утаишь» (К. Насыри), «Где-

³ Насыри, К. (1860), Краткая татарская грамматика, изложенная в примерах. Казань. С. 1-11.

Ахунов, А. Каюм Насыри: долгий путь к людям. Режим доступа: <http://kitap.net.ru/ahunov7.php>

5 Насыри, К. Фольклор. Загадки. Пословицы и поговорки. Режим доступа: <http://kitap.net.ru/nasvyri2.php>

то там, говорят, котел есть, а пойдешь, и черпака не найдешь» (К. Насыри), «Не стучи в чужие ворота, не то в твои постучат» (К. Насыри), «Гость – ишак хозяина» (К. Насыри), «В вашем доме, что ни день, то праздник или свадьба. В нашем доме, что ни день, то горе иль кручина» (К. Насыри) и др. Приведенные пословицы иллюстрируют бинарную оппозицию, дошедшую до нас с глубокой древности. Здесь используется архаический принцип противопоставления (свое – чужое, дома – в гостях), позволяющий посредством ассоциаций познать и описать мир, в нашем контексте – город как место жительства. При этом, свое пространство, несмотря на недостатки, оказывается родным и близким, заставляя переживать за него.

Город служит одним из главных звеньев в идентификации личности. Бинарная оппозиция, порою неосознанно присутствующая в сознание личности, помогает выстроить схему, согласно которой родной город для человека, как правило, бывает *своим*, в то время, как другое городское пространство воспринимается чужим. Но само пространство родного города (*своего*) дискретно, оно рассматривается личностью через призму «свое – чужое»: какие-то районы/объекты в городе человеку близки и знакомы, что-то – является далеким, чуждым и даже неприятным.

Судя по научным исследованиям Каюма Насыри, он с удовольствием путешествовал по городу, познавая его тело в тончайших нюансах, фиксируя этнографические и статистические особенности. Описания современной ему Казани XIX века прекрасно детализированы и пронизаны особой теплотой и любовью, говорящими о чувстве патриотизма и нравственной оседлости. «Казань находится в 1400 километрах от Петербурга. Красивый, хорошо застроенный город. Озеро Кабан и Булак делят Казань пополам. К югу от них находятся мусульманские постройки. Есть они и в окрестностях Казани – в слободах Бишбалта и Ново-Татарская, возле Порохового завода. На всей этой территории четырнадцать мечетей. При каждой мечети имеется большое медресе. Есть у мусульман своя площадь, называемая Печан базары – Сенной базар. Ее окружают около двухсот лавок. Торговлю в них ведут мусульмане. Самый ходовой товар – мануфактура, чай, сахар и все то, что едят и пьют. Ремесленники торгуют шапками, ичигами, кавушами⁶ и прочими изделиями своего ремесла. Только обувь мужской и женской за год в Казани изготавливается на 250 тысяч рублей, и все это – дело рук мусульманских умельцев. Много в Казани мастерниц среди женщин, которые трудятся в основном над изготовлением тюбетеек, такий⁷, калфаков⁸. В одной только Казани за год шьют более 600 тысяч головных уборов. Ежегодно здесь печатается около 500 тысяч книг, в том числе и Коран. Есть у мусульман свои мыловаренные, суконные, а также свечной заводы. Издавна славится и восхваляется всеми казанское мыло. Растет Казань, увеличивается из года в год. Судя по календарю пятидесятых годов, в городе было 45 тысяч человек, а сейчас их насчитывается около 81-82 тысяч. На неделе в Казани бывает три больших базара – в понедельник, среду и пятницу. Больших площадей, где проходят базары, тоже три: Сенная, Рыбная и Хлебный базар. В дни базаров отовсюду в Казань стекается добро и нет ему конца и края. И никто еще не увозил свой товар обратно – иногда ввезенного оказывается недостаточно. И самое большое оживление – в мае на

6 Кауши – национальные мягкие кожаные калоши.

7 Такия – вид женского головного убора, вышитого жемчугом.

8 Калфак – национальный женский головной убор, расшитый бисером или жемчугом.

Булаке, где каждый год проходит весенняя ярмарка Ташаяк»⁹.

Особое внимание татарского ученого было сосредоточено на мусульманских архитектурных сооружениях – мечетях, что очередной раз подчеркивает его конфессиональную принадлежность и трепетное отношение к исламу. Строительство мечетей он рассматривает в историческом ракурсе, подчеркивая, что «до царствования Екатерины II в Казани каменных мечетей не было. Были лишь холодные помещения, кое-как сколоченные из досок. Как рассказывает старый Мустафа ага, при жизни Хромого Каратуна¹⁰ в Казани не осталось ничего, похожего на мечеть. Для сотворения намаза мусульмане собирались в ветхих шалаших, крытых древесной корой»¹¹. Значимой точкой в истории мусульманской архитектуры стал 1767 год, связанный с приездом в Казань Екатерины II. Именно она по просьбе самых уважаемых мусульман разрешила строительство мечетей, указав место для них. «Она проявила большое великодушие к мусульманам и, бывая среди них, расспрашивала, не терпят ли они беды от русского народа. Мусульмане же, нисколько не жалуясь на русских, отвечали ей: «Слава аллаху, не ведаем никаких мучений». Рахматулла Амирханов рассказывал так: после получения согласия царицы был заготовлен материал и началось строительство здания каменной мечети. В первую очередь были построены мечеть Зфенди и мечеть Баев. Их постройкой с большой поспешностью занялись самые состоятельные бай города, желая как можно скорее использовать благоприятный случай, предоставленный царицей Екатериной II. Но спешка привела к тому, что при закладке здания было неточно определено направление на Мекку, поэтому кыбла в обеих мечетях оказалась несколько смещенной. (Мечеть должна быть обращена фасадом к святыне мусульман Каабе в городе Мекке.) Когда дело, дошло до возведения минарета, городские власти, обеспокоенные его высотой, написали Екатерине II: «Ты хоть и дала мусульманам разрешение на строительство мечетей, но они строят очень высоко». На это царица ответила так: «Я определила им место на земле, а в небо они вольны подниматься по своему усмотрению, потому что небо не входит в мои владения»¹².

Неповторимый облик городу придают знаменательные метки в виде памятников, старинных построек и др., связанных с историческими именами. Описание исторических меток можно найти и в исследованиях Каюма Насыри. К ним он относил некрологи и могильные камни, посвященные выдающимся личностям прошлых эпох. Например, Насыри выделял имя духовного учителя Казанской губернии и уезда Габденнасыра аль Курсави (1776-1812), считая, что он «один из заслуживающих уважения ученых эпохи, приобретший известность как не чуждый новых веяний мулла. Любое свое суждение стремился он вынести из Корана, в соответствии с ним творил суд справедливости. При этом повторял: «Не прошли еще времена познания нового, и пусть каждый сообразует свои действия согласно разуму и воле. Постыдно следовать общему потоку мысли»¹³. Возможно, именно ярко выраженная нравственная позиция и испытания, выпавшие на долю Курсави, перекликающиеся с биографией самого Каюма Насыри и созвучные его образу жизни, оказались привлекательными и послужили стимулом для появления этой метке. Оба татарских просветителя трепетно относились к своему

⁹ Насыри, К. Научные исследования. Режим доступа: <http://kitap.net.ru/nauchnye.php>

¹⁰ Хромой Каратун – Лука Канашевич, архиерей, насильственно насаждавший христианство среди мусульман.

¹¹ Насыри, К. Научные исследования. Режим доступа: <http://kitap.net.ru/nauchnye.php>

¹² Насыри, К. Научные исследования. Режим доступа: <http://kitap.net.ru/nauchnye.php>

¹³ Насыри, К. Научные исследования. Режим доступа: <http://kitap.net.ru/nauchnye.php>

вероисповеданию и трактовке Корана, что подчеркивает сакральность этой сферы их жизни. У Курсави читаем: «все многочисленные упоминания аллаха в Коране есть не что иное, как единая восхваляющая его молитва».

В целом, Каюм Насыри как истинный сын своего народа на страницах трудов затрагивал проблему идентичности, высвечивая ее в своих исследованиях фольклора, обычаях и повседневности. Благодаря его историческим и этнографическим записям сегодня можно реконструировать прошлое татарского народа, что формирует позитивный и многоплановый образ Родины. Сегодня, ввиду утраты национальных корней и чувства причастности к Родине, данные записи приобретают особую актуальность, помогая в процессе воспитания и образования молодого поколения не прерываться традиции, осуществляя преемственность в виде связующей линии времен прошлое – настоящее – будущее. Более того, осознание национальной идентичности, связанное с образом Родины и таких ее компонентов, как город и дом, способствует формированию «нравственной оседлости» (Д.С. Лихачев) и чувств патриотизма и гражданской ответственности.

Список литературы

1. **Ахунов, А.** Каюм Насыри: долгий путь к людям. Режим доступа: <http://kitap.net.ru/ahunov7.php>
2. **Гузенина, С.В.** (2013), Образ Родины как предмет научного анализа. Белгород: НИУ «БелГУ». 276 с.
3. **Насыри, К.** (1860), Краткая татарская грамматика, изложенная в примерах. Казань. С. 1-11.
4. **Насыри, К.** (1948), Материалы научных сессий, посвященных 120-летию со дня рождения. Казань. С. 102.
5. **Насыри, К.** Научные исследования. Режим доступа: <http://kitap.net.ru/nauchnye.php>
6. **Насыри, К.** Фольклор. Загадки. Пословицы и поговорки. Режим доступа: <http://kitap.net.ru/nasyri2.php>

130.2.1(38)

Доц. д-р Стојанов Трајче
 Универзитет „Гоце Делчев“ – Штип
 trajce.stojanov@ugd.edu.mk

ПЛАТОН VS. АРИСТОТЕЛ

(философско-религиските основи на културните разлики во Европа)

Современиот човек, сиот втурнат во емипириското и фактографското, не може да проникне во подлабоките, скриени основи на духовниот менталитет на едно општество. На денешниот човек сосема легитимно му изгледа да се запраша: дали е можно културата да биде религиозно и философски детерминирана? Тој попрво би се согласил да признае нејзините материјални основи и да ја третира културата како надградба - според познатата Маркова поделба на материјална база и идејна надградба – отколку да признае дека духот на современието во своите основи има религиозни димензии.

Но една подлабока анализа ќе ни покаже дека културните идентитети и духовноста воопшто, се фундирали во многу подлабоки онтолошки длабочини отколку што на прв поглед се чини. Есејов има за цел да ги покаже тие онтолошки нивоа на кои лежи духовноста во културата, и тоа низ следниов методолошки пристап: да осветли некои историски религиозни и философски идеи од антиката до денес, да ги компарира Источниот и Западниот културен менталитет за да ги посочи специфичните философско - религиозни обележја кои ги оформиле културните идентитети. Притоа поимот „култура“ ќе биде сфатен во најшироко значење во кој влегуваат сите човекови творби од материјала и духовна природа како и специфичната духовност и идеологија во дадените општества, а дистинкцијата, пак меѓу Истокот и Западот се однесува на Западно – европските (католички и протестантски) и источно – европските (православни) земји.

Имено, сакаме да покажеме дека сегашната состојба во културната свест е резултат на долготрајно историско ферментирање на религиозни и философски теории кои оставиле типичен белег како на Истокот така и на Западот и низ овие разлики да докажеме дека духовните физиономии и културните феномени не се само актуална надградба на конкретните материјални околности, туку дека дури можеби и напротив, идејно-духовните карактериситки и менталниот склоп на луѓето создале токму таква материјална база. Значи не база па надградба, материја па идеја, туку можеби токму спротивното - идеја па материја.

Можеби Ренесансот бил прав кога инсистирал на враќање на античкиот дух и ревитализирање на античките идеи. Оти навистина, ништо ново под сонцето. Во извесна смисла сите подоцнежни наводно ултра - оригинални идеи можат, во зачетоци да се најдат во античката култура. Во таа смисла и ние ќе се навратиме на историјата на идеите во античка Грција и ќе го проследиме развојот на тие идеи низ Средновековието, Ренесансот и Новиот век.

Во античка Грција двете најмаркантни имиња - Платон и Аристотел, како да ја имаат судбината да ги поделат луѓето на идеалисти и материјалисти, рационалисти и емпиристи, а со тоа да им дадат специфичен тон на културите. Имено, Платон го создаде објективниот идеализам и постоечкото го подели на

два дела: на материјален и минлив, земјен свет и на идеален и вечен, небесен свет. Притоа за вистински реален го прогласи светот на идеите светот на небото од кој зависи материјалниот свет, светот на земјата. Со ова Платон и не сакајќи ќе формулира една философија на ескапизам и вистинските вредности и смислата на постоењето воопшто ќе ги бара во идеалните сфери на битието. Вакавата философија на Платон, во понатамошниот развој од неговите следбеници, ќе доведе до неповратно разделување на светот на две, ќе го востоличи манихејскиот дуализам и нормално, на крај и ќе заврши во миситцизам. Така, неоплатонизмот на чело со Плотин и Ориген ќе ја доведе Платоновата теза до нејзините крајни консеквенци и ќе ја преобликуваа неговата мисла од филозофска во повеќе или помалку религиозна. Така, неоплатонистичките идеи директно ќе ја инспирираат Источната христијанска мисла и ќе го оформат источно - хриситјанскиот светоглед по однос на клучните онтологшки и метафизички претпоставки.

Од друга страна истиот тој хриситјански светоглед ќе живее и под влијанието на Аристотел. Овој друг умен филозоф од античка Грција ќе стои на спротивни позиции од својот учител Платон. Тој е емпирист, научник, зоолог, ботаничар, истражувач... а помалку теолог и философ на митови како Платон. За него, како за врвен логичар Бог е само нужна последица на системот. Бог кај Аристотел не е егзистенцијална потреба, туку логичка нужност. Ваквото поимање на божеството, пак, ќе го детерминира Западниот религиозен дух, а со тоа и Западната духовност и култура воопшто.

Спротивставувањето на нивната философија ќе биде препознатлив белег на духовноста на Средниот век, иако заради доминацијата на Западната Црква, долго време Аристотел ќе биде неприосновениот авторитет во докгата. Докгата ќе се толкува *sub specie Aristotelis*.

Спротивставувањето на аристотеловци и платоновци, ќе ја достигне кулминацијата, во XV век во учењата на Плитон, Висарион, Схолариј (Генадиј). Но оваа борба помеѓу застапниците на двајцата антички авторитети, ќе започне многу порано, уште во IX век со храброто Фотијево проучување на античката мисла. Со ова Византија станува претходница на Европскиот ренесанс, пет века пред тој да стане доминантна појава на Запад. Нема да изнесеме нов факт ако кажеме дека всушност Византија го шири хуманизмот на Запад, каде овој зема огромен замав. Многу учени доаѓаат од таму да го учат грчкиот јазик во Византија, а и многу Византиски учени предавале на Западните универзитети.

Разликата помеѓу Истокот и Западот е во следново: Западот ќе се пронајде и целосно ќе се исрцпи, т.е. ќе ја живее таа нова духовност, додека на Истокот таа појава ќе биде забележителна, но нема да ја детерминира духовноста, во онаа мера во која тоа е случај на Запад. А и двете средини всушност одговараат на новите предизвици на времето. Имено, религијата веќе не е во состојба да ги апсорбира сите нови духовни движења, да ги одговори отворените прашања. Па така, првобитно одговорот ќе се бара со враќање кон изворите – античка Грција. Се обновува платонизмот, поточно неоплатонизмот, се враќа Аристотел во схоластичката варијанта. Првото ќе ги поттикне мистичките движења, второто рационалната теологија. Првото ќе кулминира во Тома Аквински, второто во Григориј Палама. Западот ќе се обиде сите отворени прашања да ги одговори со разумот, со Аристотеловата логика. Истокот пак, со доживувањето - кое ќе го третира како гносеолошка категорија, под директно влијание на Платон и неговото инсистирање на непосредниот увид како повисок степен на познание

од рационалното. Отворените прашања за Западот ќе станат предизвик за рационалноста, за Истокот за срцето. Најдлабоките религиозни дилеми, Западот ќе сака да ги разреши, Истокот ќе ги стави отаде разумот, не како нерешливи, туку како недостапни за разумот. Аристотел ќе победи на Запад, Платон на Исток. Аквински го прочистува Аристотел и го става во функција на догмата, во учењето на Палама, пак триумфира концепцијата на Платон и неоплатонизмот, прилагодени на догмата. Овој момент на спротивставување на мистичното и рационалното, кој кулминира во т.н. Исихастички спор ќе ја дефинира физиономијата на источната Црква, која дефинитивно, суштински ќе се раздели од Западната, и тоа пред се по менталитетот, по духот, по приодот кон религиозното, а не само по однос на некои канонски, литургиски и други несогласувања. Тоа што христијанството на Исток се одлучува за срцето наместо за разумот, за доживувањето, наместо за рационалното познание, ќе ја спаси од подоцнежните превирања што ќе ја снајдат Западната црква. Успехот на Ренесансот, неопаганизмот, црковните реформации, всушност се резултат на таа одлука на Западот да му верува на разумот, пред срцето. Овие превирања на Западот конечно ќе доведат на крајот и до протестантската реформација. Ваквите процеси дефинитивно ќе го детерминираат и духот воопшто на Истокот и Западот.

Со тоа што Истокот се решава отворените прашања, поставени пред разумот на тогашниот човек, да ги стави отаде разумот, ја детерминира засекогаш духовната клима како ирационална. На Истокот, кога се зборува за Бога, најдобро е да се молчи. На Запад кога се зборува за Бога, треба тоа и да се докаже. На Западот ќе завладее интелектуалистички реализам, на Исток, мистичен реализам. На Западот Аристотеловата логика ќе го докажува Бог, додека на Истокот Платоновиот увид, како повисок степен од разумското познание, ќе бара да се доживее Бог. Платонизмот, подоцна доследно развиен во еден аспект во неоплатонизмот, на местото на непосредниот увид ќе ја стави екстазата, мистичкиот увид, што конечно ќе триумфира на Истокот во исихастичката традиција во концептот на обожување - можноста за лична средба на човекот и Бог низ мистичкото искуство.

Се покажува дека овие одлуки во средниот век, се онолошкиот фон на кој се градат разликите на Западната и источната култура. Истокот станува контемплативен, а методата му е дедуктивна. Западот е емпириски, а методата му е индуктивна. Истокот е поезија, Западот физика. Истокот е срце, Западот разум. Истокот е копнеж и восхит, Западот е калкулација и резултат. На Истокот никогаш не можеше да никне прагматизмот, позитивизмот и сциентизмот. Западот мораше да заврши во протестантзам.

Капитализмот целиот е во протестантски дух. Благодарение на рационализацијата на религиозното чувство во средниот век со Тома Аквински, Августин и Вилијам Окам, Западот мораше да кулминира во протестантизам, затоа што дури и верата не трпи надворешни авторитети, туѓи на срцето, па макар тоа бил и разумот. Протестантизмот беше нужна реакција на вака сфатената теологија во средниот век на Запад. Затоа и сосема е логично капиталистичкиот дух да биде идентичен на протестантската философија, која се бунтува против авторитетот на Црквата, инсистира на индивидуалноста (наместо личноста) и ја ценi слободата „од“ (наместо слобода „за“). Истокот поѓа од „големата слика“ кон деталите, Западот е вкостен во деталите. Затоа и наспроти Марковите очекувања комунизмот попрво триумфираше на Исток, наместо таму каде што наводно беа „созреани условите за револуција.“ Комунизмот беше прифатен на Истокот како

пророчко исполнување на надежите. Оти Истокот е сиот пророчки, есхатолошки, апокалиптичен. Комунизмот за Истокот беше пред сé сотирологија, а после социјална теорија. Источниот човек живее целосно, магиски, а комуницираше токму таква визија – целосна, магиска, сотиролошка. Затоа и речиси немаше интелектуалец во Русија кој не се „фати“ за социјализмот или пак, не се обиде социјализмот да го спои со христијанството – од Достоевски до Берџаев. Русите и социјализмот го доживуваа религиозно.

Протестантизмот спасението го третира како прашање на одработување и добивање на заслуги за сработеното, а не како дар Божји кој не го добиваме единствено заради нашите напори, туку пред сé заради предобрата воля Господова. Затоа протестантизмот мора да е „фајтерски,“ затоа што мора да си го одработи спасението. Затоа Западот е сиот втурнат во овој свет, затоа што верува дека спасението треба да се заработи уште тука врз основа на сопствениот земен успех, со средства од земјата. Затоа пак, Истокот е вознесен кон небото, затоа што знае дека за спасението се работи овде, но не се добива овде. Истокот ја бара слободата од природниот детерминизам, но ја заработка целосно во натприродното. Источниот човек знае дека сопствената личност се гради овде, но се здобива апсолутно во Христос. За Истокот, Царството не е од овој свет, за Западот тоа се создава во овој свет. Истокот е место на средба на човекот со Бога, живот на човекот во Бога, Западот е докажување на Бога.

Затоа Истокот тешко ќе може да ги сподели вредностите на т.н. Западна Европа, или пак ќе ги сподели само надворешно, формално. За европјаните сме и премногу „ориентални“, за да можат да не проголтаат. Тие нам нù се, пак и премногу ладни и стерилни за да можеме да ги доживееме. Затоа и тешко ќе комуницираме, оти за нас да се комуницира значи да се доживее. Дијалогот за Истокот е допир на души, мистичко искуство, љубовен однос. За Западот тоа е и премногу утописко, „нерационално“. А тие и тоа како му веруваат на рационалното, му веруваат до стерилност.

811.133.1'373.231:003.035=163.3

Јоана Хаџи-Лега Христоска
 Филолошки факултет „Блаже Конески“ - Скопје
 Универзитет „Св. Кирил и Методиј“ – Скопје
 joana_77_99@yahoo.com

ГРЕШКИ ПРИ ТРАНСКРИПЦИЈАТА НА ФРАНЦУСКИТЕ СОПСТВЕНИ ИМИЊА ВО МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК

ERRORS IN TRANSCRIPTION OF FRENCH PROPER NOUNS INTO MACEDONIAN

Резиме: Транскрипцијата, односно пренесувањето зборови од појдовен јазик во јазикот-цел претставува постапка која е директно поврзана со фонолошкиот систем на двата јазика и која се одвива во согласност со определени правила. Целта на овој труд е да ги разгледа грешките што се прават при транскрипцијата на француските сопствени имиња во македонскиот јазик, со посебен акцент на пренесувањето на француските усни и носни самогласки. Посебен извор на потешкотии претставуваат фонемите што не постојат во македонскиот јазик, при што се забележува и влијание од француската графија.

Клучни зборови: транскрипција, француски јазик, македонски јазик, имиња, самогласки

Summary: Transcription, that is transfer of words from a source language into a target language represents a process that is directly linked with the phonological systems of two languages and it is performed in accordance with set rules. The purpose of this paper is to address the mistakes made when transcribing French proper nouns into Macedonian, with a particular stress on transferring French oral and nasal vowels. A particular source of difficulties arise when French phonemes are non-existent in the Macedonian language and an influence of the French orthography can be noticed.

Keywords: transcription, French, Macedonian, names, vowels

Транскрипцијата, односно пренесувањето зборови од појдовен јазик во јазикот-цел претставува постапка која е директно поврзана со фонолошкиот систем на двата јазика и која се одвива во согласност со определени правила.

Проблемот што го обработува овој труд е транскрипцијата на сопствените (лични и географски) имиња од францускиот во македонскиот јазик. Освен што се генеалошки различни, овие два јазика користат и различно писмо: францускиот - латиница, а македонскиот кирилица. Следствено на тоа, при одредени дејности, како на пример при преведувањето, неизбежно е размислувањето за начинот на пренесување не само на фонемите, туку и на графемите од едниот во другиот јазик.

Во принцип, транскрипцијата најпрво имплицира познавање на правилата за изговор на поединечните графии или на нивните комбинации во појдовниот јазик, а потоа соодветно пренесување на изговорената форма во јазикот-

цел (Хаци-Лега Христоска). Со други зборови, начинот на кој едно име ќе биде транскрибирано во јазикот-цел зависи од неговиот фонетски изглед. Доколку појдовниот јазик не поседува специфични фонеми коишто не постојат во јазикот-цел, пренесувањето се сведува на едноставно пресликување на изговорот на даденото име. Но доколку изговорот на името содржи непостоечки гласови за вториот јазик, се наметнува прашањето за правилата што треба да бидат земени предвид за нивно соодветно пренесување. Сепак, мора да се напомене дека во практиката терминот правила може да биде премногу силен затоа што извесен број имиња, поради нивното навлегување во македонскиот преку други јазици, не се пренесени во согласност со утврдените правила за транскрипција (пр. Paris /pa i/ - Париз). Тоа значи дека одредени форми по традиција имаат свое место во системот на сопствени имиња и не треба да бидат занемарени.

Во овој труд се осврнуваме на грешките при транскрипцијата на француските сопствени имиња што можат да се забележат во македонските печатени и електронски медиуми. Обработените примери најчесто претставуваат лични или географски имиња, но и имиња на весници, списанија или имиња на институции. Со оглед на фактот дека во францускиот јазик постојат повеќе фонеми кои се извор на потешкотии, се задржуваме само на самогласките, имајќи предвид дека во францускиот јазик постојат две категории самогласки: усни и носни. Во рамките на секоја категорија, примерите се распоредени според гласот во прашање, а анализата на грешките нужно треба да помине преку прецизирање на востановеното правило. Секој погрешно транскрибиран пример е следен од правилната форма, а на крајот наведуваме неколку автентични примери кои го илустрираат правилото. Напоменуваме и дека, иако една француска фонема може да се реализира преку повеќе графии, во овој труд се задржуваме само на оние кои се јавуваат во примерите.

Некои од обработените примери се јавуваат во повеќе поглавја, но за различни гласови кои се погрешно пренесени. Имињата се наведени со наводници доколку тоа е потребно во македонскиот јазик кога станува збор за имиња на институции, на улици или на медиуми. Конечно, самогласките се претставени како архифонеми зашто македонскиот јазик не прави дистинкција меѓу полуутворени и полузатворени самогласки како што тоа е случај со францускиот јазик.

УСНИ САМОГЛАСКИ

/y/

Станува збор за самогласка од преден ред која не постои во македонскиот вокален систем. Вообично се пренесува со и, но литературата бележи и извесни дилеми (Настев 1965: 20) и Арсова-Николиќ (1998: 81):

Daniel Duveau - Даниел Дуво (УВ - 25.01.2015) Даниел Диво

Olivier Duhamel - Оливие Дуамел (УВ - 24.10.2014) Оливие Дијамел

Jean-Paul Huchon - Жан-Пол Јушон (УВ - 13.03.2014) Жан-Пол Ишон

Levure Littéraire – „Левју литерер“ (УВ - 12.02.2015) „Левир литерер“

Bures-sur-Yvette – Бур сур Ивет (УВ - 14.11.2014) Бир-сир-Ивет

Точни примери:

Bruxelles - Брисел (УВ - 20.03.2014)

Christian Duguay – Кристијан Диге (ФИС)

Сепак, за некои имиња кои во македонскиот јазик се навлезени и преку други

јазици, прифатлива е и формата со у. Тоа може да се констатира и од различните форми кои можат да се сретнат во изворите. Во такви случаи, формата со и може да биде дури и несоодветна, како што е случај со последниот пример:

Jean-Luc Mélenchon – Жан Лук Меленшон (УВ - 28.01.2015) Жан-Лук Меланшон

Juliette Binoche - Жулиет Бинош (Вест - 14.09.2014) / Жилиет Бинош (УВ - 14.09.2014)

Julie Gayet - Жули Гаје (УВ - 04.09.2014)

Michel Lucas - Мишел Лукас (УВ - 24.10.2014)

Public - „Паблик“ (УВ - 03.04.2014) „Публик“

/Œ/

Оваа самогласка од преден ред (прикажана како архифонема која се однесува на вокалите /ø/ и /œ/) исто така не постои во македонскиот јазик. Конвенцијата претпоставува таа во македонскиот јазик да се пренесе со самогласката е (Настев 1965: 21). Со оглед на фактот дека таа според изговорот се наоѓа помеѓу е и о, неретко се случува при транскрипцијата да биде заменета со о. Во одредени случаи, погрешно транскрибираната форма се должи и на влијанието на француската графија.

Jean Dieudonné - Жан Диодоне (УВ - 14.11.2014) Жан Диедоне

Leuven - Леувен (Вест - 12.02.2016) – Левен

Точни примери:

Sainte-Beuve - Сент-Бев (УВ - 26.01.2015)

Claude Perdrieu - Клод Пердрие (УВ - 24.10.2014)

Le Nouvel Observateur – „Ле Нувел опсерватор“ (УВ - 24.10.2014)

Daniel Auteuil - Даниел Отеј (ФИС)

/E/

Оваа архифонема ги заменува полуутвореното / / и полуузатвореното /e/ кои во македонскиот јазик се реализираат како е. Двете француски самогласки се јавуваат со доста графии, меѓу кои и трите што ги наведуваме овде. Може да се забележи дека грешката често се состои во пристапот на транслитерација на француската графија:

1° ai /E/ e

Rainier – Рајнер, Раинер (УВ - 10.05.2014) Рение

Nid d'Aigle - Нид Деаигле (УВ - 17.09.2014) Ни д'Егл (Орловско гнездо)

2° ay /E/ e: проблемот со оваа графија е тоа што таа, доколку се наоѓа пред самогласка, се реализира како ај. Оттука и фонемата ј која се наоѓа во погрешно транскрибираните имиња:

Orsay - Орфеј (УВ - 03.06.2014) Орсе

Raymond Barre - Рејмонд Бар (УВ - 25.01.2015) Ремон Бар

Raymond Picard - Рејмон Пикар (УВ - 26.01.2015) Ремон Пикар

Laurent Bayle - Лоран Бајл (УВ - 21.11.2014) Лоран Бел

Jean-Marc Ayrault - Жан-Марк Ајру (Дневник - 24.03.2014) Жан-Марк Еро

Сепак, мораме да го наведеме името на францускиот политичар François Bayrou кое, согласно со изворниот изговор, треба да се пренесе како Франсоа Бајру (Франсоа Бејру (УВ - 10.02.2015)).

Следат правилно пренесени имиња со кои го илустрираме изговорот ај на оваа графија пред самогласка:

Olivier Assayas - Оливие Асаја (УВ - 14.09.2014)

Jean-François Payen - Жан-Франсоа Пајен (УВ - 23.10.2014)

Julie Gayet - Жули Гаје (УВ - 04.09.2014)

Alain Mayor - Ален Мајор (УВ - 19.06.2014)

3° ey /E/ е : во примерот што следи се забележува интерференција со англискиот начин на изговарање на името:

Audrey Tautou - Одри Тату (УВ - 09.02.2015) Одре Тоту

Точен пример

Vélizy-Villacoublay - Велизи-Вилакубле (УВ - 25.01.2015)

Нестабилно / /

Оваа самогласка е најчесто позната како немо / /, но тој назив не е сосем соодветен (Malmberg, 1976:74; Léon, 1978:70) зашто во одреден контекст нејзината реализација е дури задолжителна. Но иако францускиот јазик има правила кои ги уредуваат ситуациите на нејзино реализирање, самиот нестабилен карактер на оваа самогласка е извор на грешки при пренесувањето на имињата. Имено, кога таа се наоѓа на крајот од зборот, таа не се изговара, а исто е и во средината на зборот, освен кога доаѓа до акумулација на согласки при што нејзината реализација е задолжителна (Правопис, 2015: 268).

Caroline Vigneaux - Каролине Вињо (УВ - 02.10.2015) Каролин Вињо

Bernard Cazeneuve - Бернард Казеневе (<http://www.makdenes.org> - 16.11.2015)

Бернар Казнев

Pascal Bonnefoy - Паскал Бонефој (УВ - 22.03.2013) Паскал Бонфоа

Michelin - Мишелин (<http://plusinfo.mk> - 5.11.2015) Мишлен

Доста проблематично е пренесувањето на француските имиња кои содржат предлог или определен член во чии рамки влегува нестабилната самогласка / /. И покрај нејзината нецелосна реализација, таа се транскрибира како е, а во случај на нејзино отпаѓање (пред вокал), нејзината елизија се бележи со апостроф исто како и во францускиот јазик. Предлогот, доколку се наоѓа помеѓу името и презимето, секогаш се пренесува со мала буква.

Île-de-France - Ил-д-Франс (УВ - 21.11.2014) / Ил ди Франс (УВ - 13.03.2014) / Ил де Франс (УВ - 20.03.2014) Ил-де-Франс

David Revault d'Allonne - Давид Рево Далоне (УВ - 15.01.2015) Давид Рево д'Алон

Quai d'Orsay - „Ке Д'орсе“ (УВ - 19.06.2014) „Ке д'Орсе“

Nid d'Aigle - Нид Деаигле (УВ - 17.09.2014) Ни д'Егл (Орловско гнездо)

Точни примери

Christophe de Margerie - Кристоф де Маржери (УВ - 21.10.2014)

Dominique de Villepin - Доминик де Вилпен (УВ - 19.06.2014)

Cité de la musique - „Сите де ла музик“ (УВ - 21.11.2014)

La Gazette de Corse - „Ла Газет де Корс“ (УВ - 24.10.2014)

Joséphine de Meaux - Жозефин де Мо (УВ - 19.06.2014)

Quai d'Orfèvre - „36 Ке д'Орфевр“ (УВ - 04.02.2015)

Valéry Giscard d'Estaing - Валери Жискар д'Естен (УВ - 28.01.2015)

Истите правила важат и за имињата кои се образуваат со определениот член le, односно l'. На почетокот на зборот, членот се пишува со голема буква.

Le Carillon - Л Карилон (<http://plusinfo.mk> - 15.11.2015) Ле Каријон

Le Figaro - „Фигаро“ (УВ - 20.03.2014) „Ле Фигаро“

Pont de l'Alma - Понт дел Алма (УВ - 14.10.2014) Пон де л'Алма

Што се однесува до следниот пример, името на козметичката марка вообичаено се пренесува слеано:

L'Oréal – „Лореал“ (УВ - 22.03.2013) „Л'Ореал“

Точни примери

Le Figaro - „Ле Фигаро“ (УВ - 24.10.2014)

Le Monde - „Ле Монд“ (Дневник - 09.11.2014)

Le Monde diplomatique - „Ле Монд дипломатик“ (УВ - 24.10.2014)

Marine Le Pen - Марин Ле Пен (УВ - 15.01.2015)

L'Opinion - „Л'Опинион“ (УВ - 24.10.2014)

L'Express - „Л'Експрес“ (УВ - 18.09.2014)

НОСНИ САМОГЛАСКИ

Носните самогласки се специфичност на францускиот јазик. Ги има вкупно четири и се поставува прашањето за нивното соодветно пренесување, при што познавањето на правилата за изговор е клучно. Во примерите што следат, застапени се само две од овие самогласки и тоа со релативно мал број графии и може да се забележи влијанието на графијата врз начинот на кој тие се пренесени во македонскиот јазик.

/ /

1° an / / ан

Drancy - Дренси (УВ - 25.01.2015) Дранси

2° en / / ан

Laurence Auer - Лоренс Оер (УВ - 20.11.2014) / Лорен Оер (УВ - 19.06.2014)

Лоранс Оер

Yves Saint Laurent - „Ив Сен Лорен“ (УВ - 19.06.2014) „Ив Сен Лоран“

Laurent - Лорен (УВ - 25.01.2015) Лоран

Jean-Michel Gentil - Жан-Мишел Жентил (УВ - 22.03.2013) Жан-Мишел Жанти

Jean-Luc Mélenchon - Жан Лук Меленшон (УВ - 28.01.2015) Жан-Лук

Меланшон

/ /

1° in / / ен

Michelin - Мишелин (<http://plusinfo.mk> - 5.11.2015) Мишлен

2° ain / / ен

Alain Carpentier - Ален Карпентер (УВ - 25.01.2015) / Алан Карпантие (УВ - 25.01.2015) Ален Карпантие

3° oin /w / оен

Le Point - „Ле поан“ (УВ - 24.10.2014) / „Ле поинт“ (УВ - 03.04.2014) „Ле Поен“

ЗАКЛУЧОК

Анализираните примери во овој труд упатуваат на сложеноста на процесот на транскрипција, особено кога таа засега јазици што меѓу себе се во многу нешта различни. Честопати, графичката форма на името е фактор на интерференција и изворниот изговор на името не се почитува доследно. Сепак, постоечките прирачници, а особено делот за транскрипција и транслитерација во новото издание на Правописот на македонскиот јазик (2015), се доволно богати за да можат да бидат успешно користени и од страна на лица што немаат познавања од даден јазик.

БИБЛИОГРАФИЈА

1. Арсова-Николиќ, Лидија (1998). Странски имиња (адаптација и транскрипција). Скопје: Матица македонска.
2. Хаџи-Лега Христоска, Јоана (2015). „Транскрипција на француските имиња во македонскиот јазик“, на Меѓународната конференција „Јазиците и културите во времето и просторот“, Филозофски факултет на Универзитетот во Нови Сад (Србија), 31 октомври 2015.
3. Léon, Pierre (1978). Prononciation du français standard. Paris : Librairie Marcel Didier.
4. Malmberg, Bertil (1976). Phonétique française. Malmö : Liber Läromedel.
5. Настев, Божидар (1965). „За транскрипцијата на француските лични и географски имиња во македонскиот јазик“. Литературен збор 12/2, 18-26.
6. Правопис на македонскиот јазик (2015). Универзитет „Св. Кирил и Методиј“ – Скопје, Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“ – Скопје.

ИЗВОРИ НА ПЕЧАТЕНИ И ЕЛЕКТРОНСКИ МЕДИУМИ

1. Вест
2. Дневник
3. УВ – Утрински весник
4. ФИС – Француски институт од Скопје
5. <http://plusinfo.mk>
6. <http://www.makdenes.org>

130.2:34
316.344.5:130.2

Игорь Евлампиев,
Санкт-Петербургский государственный университет

ЛИБЕРАЛИЗМ И СВОБОДА

(русская философия права о формах либерализма)¹

Во второй половине 19 – начале 20 века в русской философии права и государства сформировалась либеральная традиция, ее представителями были Б. Чичерин, А. Градовский, П. Новгородцев, П. Струве, С. Франк, И. Ильин и др. Русские либералы критиковали западный либерализм за то, что в нем человек понимался как самодостаточное существо, независимое от общества, и за сведение свободы к формальному внешнему выбору. В русском либерализме человек признавался зависимым от общества и духовной культуры, свобода понималась прежде всего как внутренняя свобода, выражаясь в культурном творчестве. В этом случае высшей целью государства является не охрана системы права, а развитие духовной культуры.

Ключевые слова: западный и русский либерализм, свобода как выбор, свобода как творчество, государство как форма организации культуры.

LIBERALISM AND LIBERTY (RUSSIAN PHILOSOPHY OF LAW ON THE FORMS OF LIBERALISM)

In the second half of the 19th – early 20th century in Russian philosophy of law and state the liberal tradition have been formed, its representatives were B. Chicherin, A. Gradowsky, P. Novgorodtsev, P. Struve, S. Frank, I. Ilyin. Russian liberals criticized Western liberalism for that it was understood person as a self-sufficient entity, independent from the society, and for the reduction of the liberty to the formal choice. The man confessed by Russian liberalism as dependent on society and the spiritual culture, liberty is understood primarily as inner freedom which is expressed in cultural creativity. In this case the supreme goal of the state is not the protection of the legal system, but the development of spiritual culture.

Keywords: Western and Russian liberalism, freedom as choice, freedom as creativity, state as a form of organization of culture.

¹ The article was prepared as part of the research program of St. Petersburg State University, project No. 23.38.328.2015.

В русской философии права и государства во второй половине 19 века сформировалась либеральная тенденция, которая, с одной стороны, признавала, как и западный либерализм, безусловное значение свободы отдельной личности, но, с другой стороны, резко критиковала западную либеральную традицию за ее слишком поверхностное понимание идеи свободы. Одним из главных теоретиков этого направления был Борис Чичерин, который написал большое количество фундаментальных сочинений по проблемам права и государства, в том числе 5-томный труд «История политических учений» (1869–1902). Другими яркими представителями русского либерализма в конце 19 – начале 20 века были А. Градовский, П. Новгородцев, П. Струве, С. Франк, И. Ильин и др.

Чичерин первым осуществил критику западного либерализма и противопоставил ему русскую версию либеральной идеологии. Наиболее принципиальным для него здесь было очень разное понимание идеи свободы. Признавая за классическим либерализмом ту заслугу, что он впервые выдвинул на первый план в понимании общества и государства свободу отдельной личности, Чичерин тем не менее подчеркивает безусловную ложность философских оснований этой политической теории. Ведь либерализм полагает личность отдельного человека (в ее развитом, разумном состоянии) абсолютно независимой от общества и первичной в отношении общества и государства. Чичерин считает эту теорию крайней формой индивидуализма: «Исходною точкою служит здесь отвлеченная природа человека, помимо всех жизненных условий, и сущностью этой природы полагается голое понятие об особи, принадлежащей к одному разряду с другими, т. е. о человеческом атоме» (Чичерин, История политических учений 47–48).

Возникновение общества и государства в этой теории описывается в рамках концепции «общественного договора». Люди только для того отказываются от части естественной свободы, переходя в общественное состояние, чтобы добиться более прочного охранения своей свободы и еще более полного ее раскрытия. Функции охраны свободы и обеспечения условий ее более полного раскрытия исчерпывают задачи государства, и если государство начинает плохо выполнять их или подменяет их другими функциями, ограничивающими свободу граждан, то последние имеют полное право «восстать» и сменить политический режим. Как пишет Чичерин, в теории Локка получается, «что то, что он называет верховною властью, вовсе не имеет этого характера. Действительно, по его учению, над нею возвышается другая, еще более верховная – власть самого народа, который в силу неотчуждаемого права самосохранения вечно оставляет за собою право сменять правителей, злоупотребляющих его доверием. <...> По этой теории, всякое правительство исходит от народа, который, не правя сам, всегда сохраняет власть сменять неугодных ему правителей. Но тут очевидно господствует полное смешение всех политических понятий. Над законными, организованными и постоянно действующими властями ставится воображаемая власть, не имеющая никакой организации и проявляющаяся единственно в восстании и разрушении» (Чичерин, История политических учений 59).

Этот вывод развивали наследники Локка – французские просветители, которые пытались понять, как же можно обеспечить устойчивость и прогрессивное развитие государства в условиях, когда граждане могут при первом же недовольстве свергать правительство. Проблема становится еще более острой, если учесть, что граждане редко способны точно и полно представить себе

политическую ситуацию и адекватно понимать меры правительства, поэтому возмущение может происходить по любому незначительному поводу и даже по корыстному умыслу отдельной агрессивной группы, навязывающей свое мнение народу. В этих условиях представители Просвещения (Гельвеций, Гольбах, Руссо) выдвинули требование «воспитания народа» правителями. Это «воспитание» должно осуществляться незаметным образом и вести к такому мировоззрению, когда люди полностью довольны своим бытием и не способны критически относится к правителям.

Здесь возникает противоречие, которое особенно наглядно в политической теории Гольбаха. С одной стороны, он в самой резкой степени утверждает право народа в любой момент «расторгнуть» «общественный договор», но, с другой стороны, он признает отдельного человека «куклой в руках правительства» и считает, что правительство имеет власть «делать из граждан все, что угодно, давать народу любой характер, нравы и направление» (Чичерин, История политических учений 157). Тем самым, делает вывод Чичерин, «Гольбах, так же как и другие философы этой школы, начинает с абсолютных прав человека, несовместных ни с каким государственным бытом, а кончает полным подчинением лица обществу» (Чичерин, История политических учений 167).

В конечном счете самой главной ошибкой классического либерализма Чичерин признает абсолютно неверное понимание свободы человека, связанное с тем, что эта политическая теория опирается на самую примитивную и поверхностную форму философии – механистический материализм и эмпиризм. В рамках этой философии человек оказывается примитивным существом, ничем не отличающимся от механического автомата (что ясно высказал Ж. Ламетри в скандально известной книге «Человек-машина»), свобода человека здесь понимается исключительно как внешняя свобода, как отсутствие ограничений и выбор между различными вариантами поведения, возможными в данной ситуации, при этом никакой внутренней свободы либеральные идеологи не признают, точно так же как и внутренней, духовной сущности человека как таковой.

Для любого человека, хорошо знающего историю философии, ложность этой системы идей совершенно очевидна. После эпохи упадка философской мысли в 18 веке, сначала в системах немецких идеалистов (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель), а затем и в неклассических системах второй половины 19 – начала 20 века (Шопенгауэр, Ницше, Бергсон и др.) европейская философия достигла вершины своего двухтысячелетнего развития. Одним из важнейших достижений философии стало правильное понимание общества и соотношения личности и общества (в философии Гегеля и его наследников). При этом философская модель общества, лежащая в основании классического либерализма, была подвергнута уничтожающей критике; центральной идеей новой, правильной философии общества стало понимание того, что общество первично в отношении личности, поскольку каждая личность создана, сформирована обществом. В своей внутренней духовной сущности личность неразрывно связана с обществом и с другими людьми, а ее внутренняя свобода, которая является ее главным сущностным качеством, по своей метафизической сущности есть свобода саморазвития духа и наиболее полно выражается в актах культурного творчества. Внутренняя и внешняя свобода, конечно, диалектически связаны между собой, но и в существенной степени независимы друг от друга; учитывая,

что внутренняя свобода является безусловно первичной и главной, приходится признать возможность того, что человек может быть внутренне свободным, будучи полностью лишенным внешней свободы (например, пребывая в тюрьме), и, наоборот, быть совершенно несвободным, не будучи формально ничем связанным в своем внешнем существовании.

Для большинства русских теоретиков права и государства – от Чичерина до Ильина – именно философия Гегеля выступала в качестве основания для понимания человека, общества и государства. В противоположность этому в современной западной либеральной литературе Гегель предстает исключительно в качестве негативной фигуры, поскольку предполагается, что именно он дал философские основания для политического тоталитаризма. На деле только философия Гегеля дала реальную основу для построения правдоподобных теорий общества и государства, а весь западный либерализм, так и не ушедший в своих философских основаниях из 18 века, может существовать только за счет постоянно совершаемых подмен: провозглашая идеалы свободы и демократии, он выстраивает самую изошренную систему всеобщего (по сути, тоталитарного) контроля за гражданами (их взглядами) и манипулирования ими. Устойчивость политической системы развитых либеральных стран прямо зависит от способности средств массовой информации навязать гражданам убеждение, что они живут в «совершенном» обществе при «абсолютно совершенной» политической системе, так что у них нет ни малейших поводов потребовать при случае немедленной смены власти – что предполагается либеральной теорией и что при необходимости используется «либеральными» странами для дестабилизации неугодных (конечно же, «нелиберальных») режимов.

Также совершенно не случайно, что окончательной формой реализации западного либерального идеала стало «общество потребления», в котором гипертрофия материальных потребностей ведет к почти полному исчезновению содергательных духовных потребностей и всей сферы внутренней, духовной свободы в человеке; гражданин такого общества становится подобным человеку-машине просветителей, и именно благодаря осуществлению такой деформации сущности человека, ложная теория оказывается в частичном соответствии с действительностью. Но «побочным» следствием такого соответствия является исчезновение человека как творца культуры; и это означает, что происходит подлинная антропологическая и культурная катастрофа, которая в перспективе грозит уничтожением всей нашей цивилизации.

Что же смог противопоставить этой безрадостной картине русский либерализм? Чичерин отталкивается непосредственно от идей Гегеля. Чичерин полагает совершенно неверным мнение о том, что у Гегеля отдельная личность «растворяется» в Абсолютном Духе и тем самым лишается какого-либо значения. Наоборот, Гегель вслед за Кантом и другими немецкими философами придает личности абсолютное значение именно за счет того, что признает ее «укорененной» в Абсолюте. «Как носитель абсолютного начала, – пишет Чичерин, – человек сам по себе имеет абсолютное значение» (Чичерин, Наука и религия 149). Однако человек актуально не является абсолютным существом, главная цель его жизни в том и заключается, чтобы в наибольшей степени раскрыть свою абсолютность, и сделать это он может только через все более полное раскрытие своей свободы. Хотя внутренняя свобода связана с внешней, Чичерин настаивает, что абсолютный характер каждой личности реализуется именно через раскрытие

внутренней свободы, которая является потенциально бесконечной, в отличие от внешней. Охране и развитию внешней свободы в обществе служит право, но именно поэтому, не имея непосредственного отношения к внутренней свободе, оно не может быть главным элементом политической системы, таким главным элементом является государство, которое выражает духовно-культурную целостность народа и гарантирует охрану и раскрытие не только внешней, но и внутренней свободы личности.

Здесь можно зафиксировать самое главное отличие концепции русских либералов от идеологии западного («формального») либерализма. Если в западном либерализме, наследующем все основные принципы от классического либерализма, государство подчинено праву и главной своей функцией полагает охрану системы права, то русские либералы признают государство стоящим выше права. Это вовсе не означает, что государство может не считаться с правом. Поскольку право – это универсальная форма реализации внешней свободы, а государство имеет целью раскрытие всей полноты человеческой свободы, оно обязано охранять право и безусловно считаться с ним в своей деятельности, но это не может быть единственной и высшей его задачей; высшая его задача – через стимулирование духовно-культурного развития нации в целом и отдельной личности в частности давать основу для бесконечного процесса раскрытия внутренней, духовной свободы личности.

О том, что государство есть «политико-юридическая форма народности» и она должна быть направлена на организацию национальной культуры, писал Александр Градовский в 1873 году в работе о соотношении государства и принципа национальности (Градовский 30). Уже в начале 20 века те же идеи развивал Петр Струве, один из основателей самой влиятельной либеральной партии России – Партии конституционных демократов (основана в 1905 году). «Враждебный государству дух, – писал Струве, – оказывается в непонимании того, что государство есть “организм”, который, во имя культуры, подчиняет народную жизнь началу дисциплины, основному условию государственной мощи» (Струве 54). В конечном счете даже право, которое непосредственно связано с материальной стороной жизни человека, русские мыслители стали интерпретировать как форму организации духовной жизни; наиболее последовательно такую интерпретацию осуществил Иван Ильин в книге «О сущности правосознания», написанной в 1919 году, но впервые опубликованной только в 1956 году. По мнению Ильина цель права «состоит в ограждении и организации духовной жизни человечества на земле» (Ильин 236). Таким образом, все основные элементы общественной системы и государства русский либерализм выводит из понятия духовной культуры, а не из законов материальной жизни человека.

Works cited

1. Градовский, Александр. Национальный вопрос в истории и литературе. Москва: Государственная Президентская историческая библиотека России, 2009. Print.
2. Ильин, Иван. "О сущности правосознания". Сочинения в 10-ти томах. Том 4. Москва: Русская книга, 1994. Print.
3. Струве, Петр. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. Москва: Республика, 1997. Print.
4. Чичерин, Борис. Наука и религия. Москва: Республика, 1999. Print.
5. Чичерин, Борис. История политических учений. Том 2. Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия, 2008. Print.

141.7(47)

Виктор Куприянов
Санкт-Петербургский государственный университет

ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВА В РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ¹

В статье на примере творчества А.Д. Градовского и Б.Н. Чичерина рассматривается понимание государства как органического целого, бытие которого определяется его цель. Такое понимание государства характеризуется как телеологическое. Автор рассматривает эту концепцию как наиболее влиятельную для русской политической философии и противопоставляет ее механистическому взгляду на государство, распространенному на Западе.

Ключевые слова: телеология, индивидуализм, рационализм, органицизм, русский либерализм, государство.

TELEOLOGICAL CONCEPTION OF STATE IN RUSSIAN POLITICAL PHILOSOPHY

Using the A.D. Gradovsky's and B.N. Chicherin's creative work as a material for the analysis, the author of the article considers state as an organic whole determined by its own purpose. Such a conception of state is treated to be teleological. The author understands that conception as the most influential for the Russian political philosophy and contrasts it to the mechanistical approach to state, the conception dominating in the West.

Key words: teleology, individualism, rationalism, organicism, Russian liberalism, state.

¹ The article was prepared as part of the research program of St. Petersburg State University, project No. 23.38.328.2015.

Современные западные государства и модель организации общественной жизни на Западе принято называть либеральными. При этом зачастую можно встретить убеждение, что именно западный тип либерализма является вершиной развития не только самой либеральной идеи, но и венцом истории человечества. Западный вариант либеральной демократии изображается как некий земной рай, к которому все обязаны стремиться. На деле западный либерализм не является абсолютной и неоспоримой политической доктриной. Наоборот, как теория, так и практика этого учения достаточно спорны с точки зрения строгого и непредвзятого философского рассмотрения. Более того, еще на этапе кристаллизации либерализма как самостоятельной политической доктрины в европейской философии сформировались две его противоположные разновидности, которые, оставаясь в рамках одной мировоззренческой парадигмы, совершенно по-разному трактуют ряд фундаментальных проблем политической философии. К числу таковых проблем политической теории можно отнести вопрос о соотношении индивида и общества. От решения этой проблемы зависит отнесение конкретной либеральной теории к тому или иному течению либерализма, именно она составляет основу спора двух конкурирующих между собой версий либерализма, и поэтому должна рассматриваться как наиболее фундаментальная. Условно можно охарактеризовать отношение двух этих основополагающих разновидностей либерализма через актуализированную немецким классическим идеализмом оппозицию «механизм» – «организм», и исходя из этого, первую версию либерализма можно назвать механистической, а вторую –teleологической или органической.

Механистическая версия либерализма является наиболее ранней – именно она определяет родовой характер либерализма как такового. Эта та политическая философия, которая сформировалась в трудах философов Нового времени: Дж. Локка, Ш. Монтексье, Г. Лейбница и И. Канта.

Появление второй версии либеральной философии, т. е. обновленного либерализма, относится к 19 веку и связано с переосмыслением сущности государства под влиянием историзма и национализма (т. е. после формирования самого концепта нации), которые были одинаково характерны как для позитивизма, так и для разного рода метафизических теорий, вдохновленных питательной средой немецкой классической философии начала 19 века.

Философскую традицию, идущую от «Двух трактатов о правлении» Дж. Локка, и достигшую вершины в политической философии Канта и раннего Фихте, принято охарактеризовать термином «классический либерализм». Исходя из того, как в рамках ее мировоззрения выстраивается теория государства, мы называем такой либерализм механистическим. В рамках этой доктрины государство, как гласит известное определение Канта, понимается как «объединение множества людей, подчиненных правовым законам» (Кант, Метафизика нравов в двух частях 354). Люди, живя в естественном состоянии, обладают всей полнотой своих прав и возможностей для достижения желаемых целей. Единственное, что может препятствовать их свободной деятельности – это отсутствие безопасности жизни и собственности. Для получения гарантий безопасности они заключают между собой договор в целях формирования института, обеспечивающего безопасность и равноправие – государство. Оказываясь в государстве, каждый человек становится гражданином, но при этом остается и личностью, а весь государственный механизм ориентирован на удовлетворение потребностей

индивидуа. Поэтому государство оказывается механическим агрегатом отдельных личностей, не имеющих между собой никакого единства, кроме общего законодательства.

Согласно Канту, государство основывается на праве, как форме реализации внешней свободы, и является, таким образом, правовым состоянием. Идеалом такого правового состояния является республика: «Устроить, установленное, во-первых, согласно с принципами свободы членов общества (как людей), во-вторых, в соответствии с основоположениями о зависимости всех (как подданных) от единого общего законодательства и, в-третьих, по закону равенства всех (как граждан государства)» (Кант, К вечному миру 267). Основой государства является свободная автономная личность и всеобщее правовое равенство (т. е. формальное равенство перед законом). Отсюда следует, что каждый человек сам себе господин и сам имеет право решать свою судьбу. Государство не может посягнуть на внутреннюю сферу личности, где человек пребывает исключительно наедине с самим собой, перед лицом всеобщего и абсолютного нравственного закона. А сфера общественных отношений – это сфера формальной свободы. Каждый человек, будучи также подданным и гражданином, остается прежде всего индивидом и от государства ему не нужно ничего, кроме свободы действий и гарантий безопасности.

Подчеркнем, что такой взгляд на государство как на агрегат индивидов, призванный только лишь обеспечить правовую свободу (так называемый «государственный минимализм»), характерен не только для Канта и его англо-французских предшественников, но он и до сих пор преобладает в западной политической философии либерального направления и закреплен в ряде основополагающих международных документов ООН, трактующих права человека и взаимоотношения людей в государстве и с государством сквозь призму механистического индивидуализма.

В русской либеральной мысли, расцвет которой приходится на вторую половину 19 столетия и на начало 20 века, эта доктрина встретила серьезную критику. Причем механистический либерализм подвергался критике со стороны очень разных по своему общефилософскому мировоззрению и научно-методологической позиции мыслителей; его критиковали А.И. Градовский, Б.Н. Чичерин, П.Б. Струве, П.И. Новгородцев.

Развернутую критику принципов классического либерализма можно обнаружить в трудах Александра Градовского (1841–1889), профессора кафедры государственного права С.-Петербургского университета и основателя юридического общества при университете. По мнению Градовского, корни механистической теории общества необходимо искать, с одной стороны, в особенностях социального строя европейских стран периода раннего Нового времени (Градовский, Государственное право важнейших европейских держав 3–37), а с другой, в характере науки того времени, что для Градовского еще более важно. «Общественные теории 18 века отправлялись от гипотезы единичного человека, взятого вне общества» (Градовский, Общество и государство 42). Наука и философия того времени исходили из того, что человек одарен разумом и стремлением к благу, однако на его пути есть другие такие же индивиды, которые могут этому помешать, поэтому один человек нуждается в защите о другого человека. Для этого формируется государство, которое определяет меру произвола для каждого. Человек, соединяясь с другими, «желает прежде

всего оставаться самим собою, даже сам по себе» (Градовский, Общество и государство (теоретические очерки) 42). Такой подход Градовский характеризует как индивидуализм, его суть состоит в гипотезе отвлеченной и изолированной личности. В результате наука, построенная на этом подходе, не может рассматривать общество как «целое, предполагающее зависимость всех его частей» (Градовский, Общество и государство 42). Напротив, теория и практика такой науки «должны были атомизировать, так сказать, общество, обратить его в простое число, составленное из такого-то количества единиц» (Градовский, Общество и государство 42).

Более того человек, оторванный от общества, рассматривается такой наукой не как конкретный индивид, а во всеобщем смысле, т. е. как человек вообще, индивид как таковой. Это объясняется тем, по мнению Градовского, что любой индивидуализм есть нечто иное как последнее и самое яркое слово рационализма, поэтому исходным теоретическим основанием механистической либеральной теории государства является для него именно рационализм, пораженный пороком антиисторизма и априоризма. Причем антиисторическим и антинациональным пороком, оказывается, были поражены также и те мыслители, которые выступали с позиций эмпиризма и сенсуализма, в связи с чем европейский эмпиризм 17–18 веков вполне можно охарактеризовать как «рационализм наоборот». В основе же рационализма лежит принцип тождества бытия и мышления, а это очень часто ведет к навязыванию реальности представлений, имеющих исключительно произвольное и субъективное происхождение.

Этой философии Градовский противопоставляет свою теорию национально-прогрессивного государства, в основе которой лежит исторический метод. По его мнению, государство является формой организации национальной культуры того или иного народа, достигшего зрелости в ходе своего исторического развития, что находит выражение в осознании народом своего культурного единства и стремлении к независимости, обеспечивающей культурное сохранение народа. Государство, таким образом, представляет собой политическую форму бытия народа, поскольку «<...> народность есть нормальное, естественное основание государства; <...> назначение государства, ближайшим образом, определяется всесторонними целями народной культуры; <...> государства, в тесном смысле, есть не что иное, как политико-юридическая форма народности» (Градовский, Постановка национального вопроса по отношению его к политике 30). Уклад общественной жизни постепенно вызревает в традициях и обычаях народа; в ходе истории формируется его нравственная личность. Постепенно это развитие приводит к формированию верховной власти и законодательному «скреплению» людей в единое юридическое целое. Именно этим государство отличается от догосударственных форм общежития. Государство, таким образом, «вырастает снизу» – из национальной культуры и поэтому призвано ее всемерно развивать, т. е., как отмечает Градовский, способствовать ее прогрессу. Поэтому государство не основывается на договоре как акте волеизъявления индивидов, а оказывается бесконечно прогрессирующей органической целостностью культурной жизни народа, в которой каждый отдельно взятый человек, оставаясь личностью и будучи связанным с другими своей национальной идентичностью, работает как часть общего целого. В этой связи Градовский может быть признан важнейшим русским теоретиком национального государства.

Градовский не достаточно ясно выразил телеологический характер новой

концепции либерального государства, хотя элементы телеологии есть и в его концепции в связи с использованием понятия прогресса и культуры. Его деятельность более ценна той критической составляющей, которая помогла раскрыть недостатки классического либерализма. Позитивную сторону самого русского либерализма в большей степени раскрыли Борис Чичерин (1828–1904) и Павел Новгородцев (1866–1924). В отличие от Градовского Чичерин не отрицал тождества бытия и мышления и естественного права, оказавшись основоположником возрождения этой правовой теории в России. Не настаивал Чичерин и на историзме, считающем эмпирическую историю основой наук о человеке и беспрекословной судьей философии, хотя он часто говорит в своих трудах об историчности сферы человеческого духа. Чичерин является не узким теоретиком права и государства, как это мы видим в случае с Градовским, заимствовавшим свои философские взгляды уже в готовом виде, а автором всеобъемлющей метафизической системы, созданной под влиянием философии Гегеля.

Как известно, согласно Гегелю, нравственная субстанция проходит в своем развитии последовательно три стадии: семью, «природное наличное бытие в форме любви и чувства» (Гегель 95), гражданское общество, когда «семья распадается, и ее члены относятся друг к другу как самостоятельные лица, объединенные лишь узами потребности друг в друге» (Гегель 95), и, наконец, государство, «где происходит необычайное объединение самостоятельности индивидуальности и всеобщей субстанциальности» (Гегель 95). По мнению же Чичерина, который сводит бытие к четырем причинам (началам) – производящей, формальной, материальной и конечной, в общественной жизни присутствует прогрессирующая последовательность не трех, а четырех стадий: семья, гражданское общество, церковь и государство. А государство, хотя и объединяет в себе противоположности гражданского общества и церкви, не поглощает их, а «воздвигается над ними как высшая область, господствующая над ними в сфере внешних отношений, но оставляющая имнюю самостоятельность в принадлежащем каждому круге деятельности» (Чичерин, Философия права 235). Государство, пишет Чичерин, – это «союз народа, связанного в одно юридическое целое, управляемое верховной властью для общего блага» (Чичерин, Курс государственной науки 37). Государство выступает «примирителем» множественности частных воль, приводит их к гармоничной работе ради общего блага, т. е. придает частным целям нравственное значение, приводя к единству сферу свободы и нравственности. Таким образом, физиологическая связь народа возводится к абсолютному, духовному началу, а государство, будучи выражением божественного, абсолютного бытия, оказывается венцом системы общественных отношений.

Важнейшей составляющей понимания государства является у Чичерина понятие общего блага как принципа, организующего само бытие государства, или его цель. Здесь Чичерин в большей мере апеллирует к аристотелевской традиции. Общее благо и цель государства означают для Чичерина «мир, порядок, свобода, общая польза, и все это приводится к высшему гармоническому единству» (Чичерин, Курс государственной науки 7–13). Государство оказывается единством, обеспечивающим для народа как его физиологической основы гармоничное бытие и социальное благодеяние. При этом государство является, согласно Чичерину, высшей формой человеческого общежития, к которой

стремится все историческое развитие цивилизации, поэтому формирование государства, причем наиболее совершенного, выступает целью истории как таковой. Идея государства является логической первопричиной других, более простых, общественных союзов, хотя генетически оно возникает на поздних стадиях развития, отражая зрелость и прогресс человечества. А поскольку как право, так и общее благоденствие (включая материальное) являются смыслом бытия государства, то они же оказываются и целью мировой истории, приближая человечество к Абсолюту. Очевидно, что такое понимание государства в полной мере можно охарактеризовать как телеологическое.

Надо отметить, что это понимание государства стало наиболее влиятельным в русской общественной мысли. Телеологическая, или органическая концепция государства рассматривает государство как единство людей, деятельность которых взаимосвязана в едином целом. Признавая значимость личности и ее частной активности, телеологическая концепция государства исходит из понимания того, что человек – существо общественное, его бытие определяется пересечением его собственной деятельности и деятельности целого, частью которого он сам является. В свою очередь государство как целое выполняет в отношении общества созидающую функцию, способствуя культурной реализации индивидов. В телеологической концепции государство трактуется как ценностное понятие, как нравственная «личность», имеющая цель и смысл своего собственного бытия. Это понимание резко противостоит концепции «государственного минимализма» и взгляду на государство как на формально-юридическое объединение («агрегат») множества независимых индивидов.

Works cited

1. Градовский, Александр. “Государственное право важнейших европейских держав”. Собрание сочинений в 9-ти томах. Том 4. Санкт-Петербург, 1900. Print.
2. Градовский, Александр. “Общество и государство (теоретические очерки)”. Сочинения. Санкт-Петербург: Наука, 2001. Print.
3. Градовский, Александр. “Постановка национального вопроса по отношению его к политике”. Национальный вопрос в истории и литературе. Москва: Государственная Президентская историческая библиотека России, 2009. Print.
4. Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Философия права. Москва: Мысль. 1990. Print.
5. Кант, Иммануил. “Метафизика нравов в двух частях”. Критика практического разума. Санкт-Петербург: Наука, 2007. Print.
6. Кант, Иммануил. “К вечному миру”. Сочинения в 6-ти томах. Том 6. Москва: Мысль, 1966. Print.
7. Чичерин, Борис. Философия права. Москва, 1900. Print.
8. Чичерин, Борис. Курс государственной науки. Часть 1. Москва, 1894. Print.

811.163.41'255.4=161.1

Лариса Чович
 (г. Баня-Лука, Республика Сербская)

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАРЕМИЙ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА НА БЛИЗКОРОДСТВЕННЫЙ ЯЗЫК

Аннотация. Цель настоящей работы - исследование дискурсов, относящихся к художественному стилю, служащих источником индивидуальной интерпретации отдельных пословиц и поговорок о женщинах в русском языке и способах их перевода на близкородственный сербский язык. Одним из важнейших краудинальных вопросов теории художественного перевода, безусловно, является вопрос о границах перевода: где кончается перевод и начинается интерпретация? Корпусом исследования послужили паремии о женщинах из новеллы В. Ерофеева "Бог бабу отнимет, так девку даст," равно как и принципы, и приемы перевода с применением различных переводческих операций: замены, трансформации, креолизации и т.д.

Ключевые слова: интерпретирующий перевод, калькирование, контаминация, креолизация, сравнительно-сопоставительный метод, лингвокультурологический аспект.

THE INTERPRETING POTENTIAL OF PROVERBS IN TRANSLATION INTO GENETICALLY RELATED LANGUAGE

Summary. THE INTERPRETING POTENTIAL OF PROVERBS IN TRANSLATION INTO GENETICALLY RELATED LANGUAGE deals with a crucial problem in the theory of literary translation: where are the boundaries of the translatability of proverbs? Where does translation end and interpretation begin? This is mostly related to those elements in a language, such as idioms and proverbs, which clearly express authentic components of one culture and which are often not present in other cultures, even in the genetically related languages as Russian and Serbian. The goal of this study was to analyse the discourse of a literary work which is a source of individual interpretation of some proverbs and sayings about women in Russian and the way they are translated into genetically related Serbian. The analysis is based on the corpus of the proverbs about women from the story by Viktor Erofeiev "Bog babu otnimet, tak devku dast" from the collection Men and the aim was to determine principles and strategies (transformation, substitution, creolisation, etc) in translation of proverbs.

Keywords: the interpreting translation, a kontamination, tracing, a kreolization, a comparative and comparative method, linguoculturological aspect.

Одним из важнейших краудиальных вопросов теории художественного перевода, безусловно, является вопрос о границах перевода: где кончается перевод и начинается интерпретация? Прежде всего это связано с такими единицами языка, как пословицы, поговорки, фразеологические единицы с четко выраженнымми культурными компонентами, присутствующими – в одном из анализируемых языков и отсутствующими – в другом, даже когда речь идет о близко родственных языках, таких как русский и сербский.

При сравнительном подходе к изучению культурных компонентов пословиц, в данном случае, о женщинах, в русском и сербском языках, первоначальной задачей, как нам кажется, является интерпретация компонентов значения конкретной пословицы на языке оригинала. Для этого необходимо найти для анализируемой пословицы ряд более или менее соответствующих пословиц-синонимов в исскомом языке, что является подготовкой к последнему этапу – поиску функционально-смысовых эквивалентов-пословиц в языке перевода, выполняя основную цель данного исследования – представить интерпретирующий потенциал паремий в процессе перевода на близкородственный язык.

Но прежде, необходимо провести имманентный анализ каждой из подобранных пословиц-синонимов в двух анализируемых языках и затем перейти к анализу пословиц со сравнительно-стилистического и семантического аспектов, опирающегося на результаты предходного имманентного анализа.

Без выше перечисленных аналитических процедур редко с уверенностью и без колебаний можно назвать точный функционально-смысовой эквивалент, так как весьма редки идентичные пословицы, как мы уже подчеркивали, даже в близко родственных языках. Так, например, в одной из новелл современного русского писателя Виктора Ерофеева Бог бабу отнимет так девку даст из сборника рассказов Мужчины (Ерофеев, 1997, с. 22-24), являющейся предметом анализа данного исследования, из 17 пословиц о ступусе русской женщине только одна пословица была идентичной в другом языке (У бабы волос долог, да ум короток У жене је дуга коса, а кратка памет), а в остальных шестнадцати – были различия и на смысловом, и на стилистическом, и на культурологическом уровнях, «поскольку большинство пословиц -- это стереотипы народного сознания» (Маслова, 200 , с.40). Довольно часто ни какая аналогия не может помочь в поиске адекватного эквивалента из-за немотивированности культурного компонента той или иной пословицы с культурным компонентом или фразеологизмом.

Поэтому вначале необходимо было с помощью словарей найти синонимические ряды пословиц в двух анализируемых языках или с основным компонентом "баба" "жена", или передающие искомое значение (из Словаря Владимира Даля – для русского языка (Даль, 1994) и словарей пословиц и поговорок Вука Стефановича Караджича (Караджич, 1977) и Данича (Данић, 1871) – для сербского языка), равно как и обратиться за консультацией к ряду монографий специалистов в этой области, рассматривающих пословицы в контексте культуры (Маслова, 2001; Телия, 1993, с.305; 1996; 1999, с.13-24; Требјашанин, 1985, 85-103).

Следующая фаза проведенного исследования была посвящена анализу паремий о женщинах непосредственно с лингвокультурологического аспекта, и только после этого был осуществлен перевод русских паремий на сербский язык, выбранных из текста новеллы Мужчины.

Следует отметить, что после многих разнообразных трансформаций, которые проведены в передаче русской пословицы на сербский язык можно

сделать вывод, что этот тип перевода может вполне справедливо быть назван интерпретирующим, поскольку в нем пересекается три вида интенций: в первую очередь, интерпретация и трансформация пословиц и поговорок о неблагоприятном социальном положении русских женщин автора новеллы Виктора Ерофеева, адаптирующего их в юмористическом духе, приспосабливая к основному шутливому тону рассказа.

Так, Ерофеев достаточно часто добавлял новые компоненты в пословицы и поговорки, расширяя или сужая их значение, порой меняя стилистическую окраску и присущие коннотации значения.

Таким образом, переводчик должен был учитывать не только общеязыковые характеристики пословиц и поговорок, но и индивидуально-авторские преобразования, при том учитывая коннотативно-оценочные компоненты эквивалентных сербских пословиц. Пересечение этих двух интенций включает третью - модификацию оригинальной русской и сербской пословиц с помощью приема контаминации: переводчик, интерпретируя пословицы из двух языков, создает свою «креолизованную» пословицу, состоящую из двух частей: одна часть - из оригинала и другая - из языка перевода.

Далее приведем следующие иллюстрации, подтверждающие выше изложенные наблюдения.

1. Так, например, на основании паремии из названия рассказа (Бог бабу отнимет так девку даст) и сербского функционально-смыслового эквивалента-пословицы (Једна се погреће друга се доведе) переводчиком составлена модифицированная пословица с элементами структуры, относящимися и к русской, и к сербской пословицам - Бог једну погреће другу младу доведе. Из русской пословицы сохранил компонент "Бог", так как в пословице говорится о смерти старой жены и новой, молодой, как даре божьем.

2. Иногда автор актуализирует один из многочисленных дифференциальных культурных компонентов пословицы, имплицитно присущих в ее семантической структуре, но весьма эффективно содействующих созданию комического эффекта всего юмористического рассказа. Это, естественно, открывает для переводчика широкие возможности интерпретации с помощью контаминации, включая интерпретацию, представленных также имплицитно, культурных компонентов, и по необходимости компилируя элементы из русской пословицы, соединяя их с сербскими. Например, из двух синонимичных пословиц - русской Собака умней бабы: на хозяина не лает и сербской, представляющей функционально-смысловой эквивалент, Жене су мудрије од гусака кад киша пада она су у суво склоне переводчиком предложено два варианта «русско-сербской», «креолизованной» пословицы:

- Женетина је глупља од пса: лаје на газду, а мудрија од гуске: кад киша пада она се у суво склони и

- Пас је паметнији од жене: на газду не лаје, а жена од гуске: када пада киша она се у суво склони.

Имеется и другого типа трансформация пословицы переводчиком: сербская пословица включается в русскую как составная ее часть, то есть с помощью калькирования расширяется компонентный состав индивидуально-авторской пословицы: Дошо враг по свој цак инкорпорирована в русскую: Пришла смерть

по бабу - не указывай на деда. "Дошо враг по бабин џак, не упри прстом у деду пак".

3. Метаязыковые комментарии автора не редко выражают его отношение к определенным стереотипам:

- если с бабой что-то случится не жалко: баба с возу -кобыле легче;
- "бабе" отказано в сострадании: баба плачет - свой норов тешит";
- робкого, бессловесного, бесполкового мужика на Руси традиционно принято дразнить бабой: "Эка баба, что нюни распустил"!

Это, как мы полагаем, - подсказка переводчику как метаавтору – помочь передать привносимые автором новеллы в пословицы такую же экспрессивно-эмоциональную оценку и отношение автора в сербский эквивалент, что помогает читателю понять те дополнительные индивидуально-авторские коннотации, появившиеся в данном общеязыковом инварианте пословицы, «обросшем» дополнительными контекстными смыслами.

Вполне понятно, что, «соревнуясь» с автором новеллы, переводчик порой начинает импровизировать на заданную тему. Для лингвиста, анализировавшего переводческие интерпретации, - это является загадкой с изюминкой, которую интересно разгадать: в какой степени удалась переводчику попытка сохранить комический тон новеллы, и с помощью каких приемов переводчик передал нестереотипные, окказиональные дополнительные нюансы общеязыкового значения пословицы?

В этом плане перевод предыдущих пословиц выглядит следующим образом:

- Баба с возу: кобыле легче - Срећноме умиру жене, а несрећном кобиле цркавају"; - Баба плачет,. свой норов тешит - Више жена плаче од лукавства него од жалости;

- Эка баба, что нюни распустил! - Ко се жене боји нека дјецу доји!

4. Следующим по частотности являлся принцип перевода с помощью пословичных эквивалентов и пословичных аналогов. При этом, особое внимание переводчик обращал на архаичный стиль пословиц, и желаемую стилизацию черпал из указанных выше словарей пословиц и поговорок Вука Караджича и Данича, пытаясь сохранить ритм, метр и рифму оригинала, где это было возможно:

- Сорок лет бабий век Жени четрес лета - ето краја века;
- Сорок пять - баба -ягодка опять - Четрес пета жена опет цвета;
- Скачет баба и задом и передом, а дело идет своим чередом Баџака се женетина и задњицом и боком, а ствар се одвија својим током;
- Бей бабу молотом - сделаешь золотом Удри бабу млатом да постане злато;
- Пришла смерть на бабу - не указывай на деда Кад је, бабо, дошо враг по твој џак , не упри прстом у деду пак.

5. Иногда в русском языке имеются пословицы-варианты, отсутствующие в сербском языке, и тогда переводчику приходилось находить пословицу близкую по значению, но с другой внутренней формой, то есть межъязыковой пословичный синоним: Не стать курице петухом, не стать бабе мужиком и Курица не петух, баба не человек. В сербской языке переводчик нашел только: Больє бити пијевац један дан, него кокош мјесец.

В качестве проверки полученного перевода все это переводческие трансформации и креолизации (пословичные интерпретации) были переведены

на русский язык. Не вызывает сомнения, что таким интерпретирующими переводом паремий с близкородственного языка с помощью контаминации (креолизации элементов двух культур, в данном случае, русской и сербской) возможно было более точно подобрать соответствующие адекватные пословицы в сербском языке и передать сочный юмористический колорит языка новеллы.

Таким образом, следует только добавить, что книга Виктора Ерофеева «Мужчины» написана языком современной ему прозы, характерным для русского модерна, где переплетаются элементы эссея и беллетристики, московского жаргона и арго. Кроме того, отличием данной новеллы является интерпретация, индивидуально-авторская семантизация узальных пословиц Виктором Ерофеевым. Именно это было основной причиной, что переводчик этой новеллы на сербский язык Бранимир Чович выбрал интерпретирующий способ перевода пословиц в отличии от перевода пословиц в классической литературе, как например, при перевода пословиц и поговорок в произведениях Льва Николаевича Толстого.

Виктор Јерофејев
 Бог једну погребе, другу млађу доведе
 (Бог бабу отнимет, так девку даст)
 (Превод новеле на српски језик)

Баш су лепу утеху у Русији нашли за удовца. Негде онамо, у другим земљама уцвељени (јес' клинац!) вitezови су лили кодилске сузе када би остали без вољене жене, писали би (јес' клинац!) срцепарајуће епитафе, одлазили би у манастир, а нашем гејаку ни на ум није падало да је оплакује. Њега је испуњавало чудно осећање олакшања што се ослободио беде, пред њим су се отварале нове животне перспективе. Па наравно! Руски Бог је добар. Он ће њему млађано и слађано девојче подарити. Не постоји ниједна народна култура било где у свету у којој би однос према жени био толико циничан, какав је одвајкада био код нас. Све је то у генима записано до данашњег дана.

Својевремено је Лењин тачно запазио да у Русији постоје две културе: племићка и наша. Племићка култура није штедела снагу да подигне статус руске жене. Генијалним стиховима и прозом Пушкин и Тургењев, Тургењев и Пушкин упињали су се из све снаге да утврде у руске главе да је жена нешто више, поштеније и племенитије од мушкарца. Њекрасов је описао жене декабриста као идеал националног карактера. Толстој, Достојевски, Чехов - сви до једнога - уздигли су жену на пиједестал, међутим, она се на њему ко зна због чега није одржала.

"Наша" култура се показала јачом. Она није била тако глагољива, слаткоречива, али су зато пословице откриле њену праву природу јер говоре саме по себи. Пословице су смождиле жену као људско биће. Она је постала предмет подсмејања и понижавања. Она је уз то изгубила и статус жене. Она се претворила у женетину, тј. она се окарактерисала пежоративном речју која се не да превести на већину страних језика.

Читав корпус руске народне мудrosti прожет је подругљивом женофобијом. Бабетина нема ни трунке памети. "У жене је дуга коса, а кратка памет" (У бабы волос долг, да ум короток), поука је ове пословице. У бабетине нема ни трунке поштења: "Не веруј летини док је не метнеш у амбар, ни жени док је не метнеш у гроб". (Баба бредит, да кто ей верит). У бабетине нема ни трунке саосећања:

"Више жена плаче од лукавства него од жалости" (Баба плачет свой норов тешит). Женетина је глупља од пса: лаје на газду, а мудрија од гуске: кад киша пада она се у суво клони. /Или: Пас је паметнији од жене: на газду не лаје, а жена - од гуске: кад киша пада она се у суво склони/. (Баба хуже, чем собака: "Собака умней бабы: на хозина не лает). Жени је место у кући: "Риба је најрадије у води, птица у ваздуху, а добра жена код своје куће (Знай, баба, свое кривое веретено).

Запрепашћује понекад ничим не објашњива пакост у руским пословицама: "Баџака се женетина и задњицом и боком, а ствар се одвија својим током" Или:"Женетина лаје караван пролази". (Скачет баба и задом и передом а дело идет своим чередом). Ко још држи до жениног мишљења: "Блебетуша као жаба". (Сердилась баба на торт, а торт про то и не ведал).

Што се пак тиче женских страсти, чак и ту за њу нема никакве милости: "Жена мужа коротује, колико ври земљана пињата кад се са огња дигне"(Бабье сердце что котел кипит). Нема милости ни за жену у годинама. Њој ионако тешко пада старење, а пресуда је немилосрдна:"Жени четрес лета, ето краја века" (Сорок лет - бабий век). Мада, истина, постоји и руски закаснели волунтаризам: "Четрес пета - жена опет цвета" (Сорок пять - баба ягодка опять). Ама немој вазда да ми се ту снебиваш, већ умри: "Кад је, бабо дошо враг по свој цак, не упри прстом у деду пак" (Пришла смрт по бабу, не указывай на деда).

Мушки је важније од жентураче и тиме се може подичити: "Больје је бити пијевац један дан него кокош мјесец" (Не стать курице петухом, не стать бабе мужиком). Али тај исти "пијевац" кадар је да се претвори у кокош. Безврјдног, похабаног, плашљивог, ћакнутог гејака у Русији, одвајкада зову папучаром: "Ко се жене боји, нека дјецу доји" (Эка баба, что нюни распустил).

Женетину треба тући. То је препорука руског бонтоне. Што јаче - утолико боље, наравно за њу саму: "Удри жену млатом да постане злато" (Бабу бей молотом, сделаешь золотом). Ако се женетини нешто деси - никаква штета: "Срећном жене умиру, а несрећном кобиле цркавају" (Баба с возу - кобыле легче). А то је баш смешно речено. Духовито. Талентовано. Ето такав је у нашем народу даровит човек по природи. И круна све те мудрости је јака реч, и опет је о кокоши:" Больје бити пијевац један дан, него кокош мјесец" (Курица не петух, баба не човек.)

Па то је ипак она?

Наша култура слеже раменима. Она још никог није удостојила одговором. Где престају пословице - започиње баналност.

У совјетско време "наша" култура попримила је нове сокове. Она је постала субкултура и тим својим квалитетом је напречац освојила многе руске независне умове. Жени у алтернативној култури припало је најниже место.

Ја знам од којих предрасуда се треба ослободити. Ја такође знам да се од тих предрасуда неће бити нимало лако ослободити. Племићка култура се на може вратити јер то неће дозволити демократија. Па шта чини онда сироти руски плејбој који је одлучио да прихвати оно што на нашим просторима није било уобичајено?

Шта да се ради?... Шта да се ради?...

Можда за почетак да купи цвеће и кондом?

Мада, са друге стране, понекад стварно са осмехом примаш изреку: "Срећном умиру жене, а несрећном кобиле цркавају" (Баба с возу - кобыле легче).

(Наслов оригинала: Виктор Ерофеев, Бог бабу отнимет, так девку даст./У:/ Мужчины. Москва 1997, с. 22 - 25.)

Литература

1. Ерофеев В. Бог бабу отнимет, так девку даст. В кн.: Мужчины. - М.: Издательский дом "Подкова", 1997, с. 22-24.
2. Карадић В. С. Српске народне пословице, Београд, Нолит, 1977.
3. Даничић Ђ.. Пословице, У Загребу, 1871.
4. Маслова В.А. Культурология. Москва, 2000.
5. Пословицы русского народа. Сборник В.Даля в двух томах.- М.: Художественная литература, 1994.
6. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов. В кн.:XI Международный съезд славистов. Славянское языкознание. - М.: Наука, 1993, с.305.
7. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М.: Наука, 1996.
8. Телия В.Н . Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры. В кн.: Фразеология в контексте культуры. - М.: Языки русской культуры, 1999, с.13-24.
9. Требјашанин Ж. Представа жене у српским народним пословицама, (У): Психология, год. XVIII, бр.4/4, 1985, 85-103.

811.161.1:811.163.41
811.163.41:811.161.1

Бранимир Чович
(Нови-Сад, Сербия)

ПЕРВЫЙ УЧЕБНИК ПО ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ПЕРЕВОДУ И ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЮ У СЕРБОВ

(О «Русской хрестоматии» Радована Кошутича)

Статья посвящена автору первого учебника у сербов по художественному переводу и лингвострановедению. В этом году исполнилось 60 лет со дня его смерти.

Сербский славист, русист и полонист, член-корреспондент АН СССР (1928), honoris causa Ягелонского ун-та (1902), Радован Кошутич (1866-1949) – стоит у самых истоков разработки научных основ преподавания русского языка как иностранного, автор капитальных трудов по сопоставительной лексикографии, фонетике и морфологии русского языка, равно как и по сравнительному стихосложению. В 1910 году он издал в Белграде трехтомную «Хрестоматию русского языка» («Руски примери»): в I томе под заглавием «Тексты» помещены произведения русских писателей, поэтов и критиков XIX века; в первой части II тома («Комментарии») – приложены обширные страноведческие, литературоведческие, этнолингвистические комментарии, а во второй части в своего рода функционально-стилистическом словаре – информации, которые рассчитаны как на пассивное, так и на активное усвоение и корректное использование учащимися лексики и фразеологии русского языка, и, наконец, в III томе находится русско-сербский словарь (10000 слов). Ценная грамматика русского языка выпущена была Кошутичем в 1914 году. Фундаментальное исследование и описание Радованом Кошутичем фонетики русского языка было издано при поддержке академика А.А. Шахматов в 1919 году в Петрограде, и до сих пор имеет теоретическую и практическую ценность не только для сербской, но и для русской науки.

Ключевые слова: история сербской русистики, лингвострановедение, переводоведение, русско-сербские омонимы, внутриязыковой и межъязыковой переводы

This paper is dedicated to the first author of literary translation and linguistic culturology textbooks in Serbia. This year marks the 60th anniversary of his death. Serbian slavicist, russianist and polonist, corresponding member of Academy of Sciences AN USSR (1928), Honoris causa of the Jagiellonski University (1902), Radovan Košutić (1866-1949) is the very source of elaborate scientific basis for teaching Russian as a foreign language, the author of capital works of comparative lexicology, phonetics, morphology of the Russian language, and also comparative Russian-Serbian versification.

A three-volume book ‘Russian Examples’ was published in Belgrade in 1910. The first volume is entitled ‘The Texts’ and is comprised of works of the Russian writers, poets and critics of the nineteenth century. The second volume (The Comments) is divided into two parts – the first contains extensive cultural, historical, literary, and ethno-linguistic comments; while the second part is a kind of functional-stylistic vocabulary - information designed for both passive and active acquisition and correct use

by students who study vocabulary and phraseology of the Russian language. Finally, the Russian-Serbian dictionary of 10,000 words is the third volume.

The Grammar of Russian language (Forms), which was published by Košutić in 1914, is also worth mentioning. Košutić Radovan has also performed fundamental research and description of the phonetics of the Russian language, which is published by the recommendation of the Academy A.A. Shahmatova in St. Petersburg in 1919 and to this day has the theoretical and practical value not only for Serbian learners but for Russian science as well.

Keywords: history of Serbian russianist , linguistic culturology, the science of translation, Russian-Serbian homonyms, intra-to inter-language translation.

Всегда так будет и бывало,
Таков издревле белый свет:
Ученых много, умных мало,
Знакомых тьма, а друга нет.
Пушкин

Этим знаменитым четверостишием открывается первая часть «Тексты» («Текстови») первого учебника русского языка для сербов «Руски примери» («Русская хрестоматия» - 1910), и метафизический «комедиант случай» этими стихами впоследствии определил всю дальнейшую сложную судьбу известного сербского ученого Радована Кошутича.

Еще в школьные годы будущий ученый проявил незаурядный талант: опубликовал два сборника стихотворений в 1885 и 1888 годах. Его студенческие годы прошли вне Сербии: учился он в Вене, Праге, Krakowе, Lvovе, Петрограде и посещал лекции лучших специалистов в области славянской филологии. Принимал активное участие в создании студенческих клубов, где читал лекции по сербской истории и литературе, иногда даже печатался в чешских и польских журналах, а некоторое время в Петрограде работал журналистом. В Вене закончил университет золотой медалью. По окончании университета он весь 1893 год провел в Париже, где в Народной библиотеке занимался вопросами литературной критики. Вернувшись на родину, он опубликовал две больших статьи полемического характера по литературной критике (1893/94), в которых выступал с позиций критики Висариона Белинского и Ипполита Тена. В 1894 году он прошел по конкурсу и стал преподавателем русского, польского и чешского языков и литературы в Высшей школе в Белграде. Из 140 студентов на русское отделение поступило 20. Не прошло и года, а молодой Кошутич прослыл среди студентов за одного из лучших преподавателей, так что его уроки посещали не только студенты других отделений, но даже и посторонние люди. Среди его первых студентов были: Александр Белич (в будущем президент Сербской академии наук), Милан Ракич, знаменитый сербский поэт, Йован Скерлич, выдающийся сербский литературный критик, и многие другие, в будущем известные переводчики, ученые и общественные и политические деятели. Все они потом в своих воспоминаниях отзывались о нем с большим пietetом, хотя и слыл за очень строгого профессора.¹ Несмотря на это, он остался в памяти студентов

¹ Критик Скерлич даже провалился во время июньской сессии, и пришлось все лето усердно заниматься и много читать, так что в сентябре сдал на четверку. Всех студентов вызывал к доске и неподготовленных выгонял из аудитории

Белградского университета самым дорогим и уважаемым среди профессоров. В 1905 году он стал доцентом, в 1919 – экстраординарным профессором, а в 1921 – ординарным. С 1914 до 1919 года он пробыл Петрограде, где опубликовал свою «Фонетику русского языка». Преподавал он до 1941 года, а когда немцы оккупировали Югославию, ушел на пенсию. Умер в 1949 году.

I

Без Радована Кошутича, бесменного профессора Белградского университета в течение пятидесяти лет (с конца XIX и кончая первой половиной XX века), немыслима история сербской отечественной русистики и, шире, славистики. Его «Польская хрестоматия (1898)», «Польская грамматика (1901)», «Русская хрестоматия» (1910) вместе с «Морфологией» (1914), «Фонетикой» (часть I) (1919), опубликованной в России, благодаря поддержке академика А.А. Шахматова, - являются первыми полными курсами русского и польского языков как иностранных для сербов. Кроме того «Хрестоматия» Кошутича, - это первый за всю историю европейской русистики комплексный справочник по художественному переводу, лингвострановедению и функциональной стилистике русского языка начала XX века, содержащей ценные сведения о культурных компонентах этого языка. Она вышла из печати в 1910 году, а начал он работу над ней еще в 1902 году. Об ее популярности свидетельствует и тот факт, что она переиздавалась дважды: в 1911 и, с незначительными изменениями и дополнениями, в 1926 годах, и с тех пор является библиографической редкостью.

Структура этого ценного пособия своеобразна и весьма оригинальна и состоит из трех томов: 1. Тексты; 2. Примечания и 3. Русско-сербский словарь. Без преувеличения можно его назвать первым лингвокультурологическим справочником для иностранцев, изучающих русский язык², равно и первым ценным практическим пособием по художественному переводу.

В первой части («Тексты») по хронологическому порядку расположены выбранные произведения из русской художественной литературы XIX века (проза и поэзия), равно как и примеры из народной словесности (половицы, поговорки, сказки, басни и др.) Нужно сразу особо подчеркнуть, что в сносках даются сербские переводные функционально-смысловые эквиваленты отрезков текста, начиная с отдельных слов и фразеологизмов, кончая целыми предложениями. Делаются заодно и отсылки, к последующим двум томам, т.е. к тем местам в тексте, отсылающие за справкой к соответствующей странице во второй книге под названием «Комментарии», где содержатся драгоценные для сербов, изучающих русский язык подробные объяснения, толкования отдельных русских реалий с выразительными культурными компонентами (т.е. тех предметов материальной и духовной культуры русского народа, которые были непонятны сербскому читателю), равно как и к соответствующей странице «Русско-сербского словаря» (часть III). Нередко в комментариях и в словаре повторяется часть того, что уже дано в сносках к тексту.

Особый интерес в «Введении» заслуживают оригинальные методические указания, драгоценные для сербов, изучающих русский язык как иностранный, язык близкородственный, с целым рядом межъязыковых русско-сербских

² Кстати, по своей трехтомной структуре пособие Кошутича напоминает своего далекого предшественника, знаменитую, но мало известную даже среди россиян «Русскую грамматику» Генриха Вильгельма Лудольфа, опубликованную на латинском языке в Оксфорде в 1696 году (Henrici Wilhelmi Ludophi, Grammatica russica), которая так же состояла из Диалогов (текстов на бытовые и религиозные темы); Краткой грамматики и лингво-страноведческого Приложения «О народе и населении». Перевел ее на русский язык Борис Ларин в 1937 году и назвал первой русской научной грамматикой

омонимов и паронимов, т.е. одинаковых или близких по форме или звучанию слов или словосочетаний, но которые часто имеют различное значение, так что иногда при переводе приводят к крайне комическим, подчас и к прямо абсурдным ситуациям (Ср. русск. «протянуть ноги», серб. «одапети» и серб. «протегнути ноге», русск. «разминать ноги»). Поэтому Кошутич советует сербам, начинающим изучать русский язык: «изучать русский язык, это в основном значит учить значение незнакомых русских слов и идиомов, а у слов одинаковых или сходных по форме, улавливать различие между своим и русским языком», так как в прозаическом тексте 60-70% одинаковых или в чем-либо сходных элементов, а лишь 30-40% различных и по форме и значению слов (Тексты, с. IX). Если это перевести на новую терминологию, это значит, что сербы, изучающие русский язык непременно должны строго следить за русско-сербскими омонимами и улавливать тончайшие различия в значении между этими одинаковыми или в чем-либо сходными для обоих языков словами и словосочетаниями.

«На этом же принципе, подчеркивает автор, основывается обработка всего текста. Несходные слова ученик должен искать в словаре и заучивать; наоборот, слова одинаковые, которые имеют в сербском языке иное значение, отмечены в тексте звездочкой спереди, например, *друг, *правда, *играть, или небольшим восклицательным знаком сзади, напр., страна!, ищет!, погоди!, или в сноске стоит: пази! (=рус. смотри!) Таким образом, не позволяя ученику удаляться в сторону – ни вправо, ни влево, так как в какую бы сторону он ни повернулся, нет никакого сомнения, что он, равно как и многие до него, будет ошибаться и ошибаться, - я его взял за руку и от первой до последней странички вел медленно и надежно к определенной цели.» (Там же, с. IX).

А целью-то было не только понимание текста; это составляло только одну часть главной цели. Исходя из того, что перевод – это не только знание чужого языка, но и эстетически насыщенная речь, ученик должен привыкать к хорошему переводу, высказывать русские обороты по-сербски, а русские слова сербскими, и таким образом следить за чистотой своего языка. У нас до сих пор в основном было так: тот кто изучает иностранный язык, портит свой и привыкает поневоле не к сербскому синтаксису, а тот кто изучает русский может свой родной совсем испортить. Это имеет еще большее значение. (...) Поэтому настоящий учебник, который вместе с введением русского языка в средние школы будет способствовать расширению его, должен разбудить у ученика живое чувство различать русский язык от сербского. (Там же, с. X; подчеркнуто нами).

К тому Кошутич прибавляет, что «урок русского языка должен быть заодно и уроком хорошего логического мышления». (Там же, с. X).

Культурные, исторические, литературоведческие, функционально-стилистические комментарии являются предметом второй книги.³ Они настали в результате тщательных многолетних исследований, которые нередко являлись самостоятельными, оригинальными и целостными эссе, которые можно читать независимо от их основной функции.

Вторая часть «Комментариев» - «Язык текста в сравнении с современным разговорным языком образованных русских» - уникальное явление для начала XX века. В них язык литературно-художественного текста тщательно обработан и сравнивался с современным русским языком образованных русских. Его некоторые

³ «Комментарии состоят из двух частей: в первой части даются исторические, литературоведческие и страноведческие комментарии, а во второй – «Язык текста по отношению к разговорной речи образованных россиян».

сербские русисты критиковали зато, что якобы он настаивает на пассивном изучении русского языка, и за отсутствие разговорника современного типа,⁴а функционально-стилистические комментарии ограничиваются лишь только отношением к современной разговорной речи (речи образованных русских).⁵ А они просто-напросто его читали не с должным внимнием и упускали из виду, что Кошутич именно настаивал на активном усвоении русского как иностранного.⁶

В III части находится оригинальный «Словарь» На создание Словаря ушло больше всего времени, так как нужно было «все слова, фразеологические сочетания, равно как и все те места, которые были непонятны без дополнительных толкований, нужно было выписать на отдельные листочки (свыше 20000), перевести, упорядочить и обработать. Но самое главное, нужно было с москвичами, не с одним лицом, а с рядом лиц, проанализировать каждое слово и, согласно московской речи, ставить или проверить ударение как в слове, так и во всех ее формах, а у слов, которых нет в языке образованных людей, а принадлежат поэтическому или народному языку, нужно было это определить и подчеркнуть. Все эти аспекты являются новизной, и как таковые могут послужить образцом для русской лексикографии. (Там же, XIII). Многие знаменитые русские языковеды того времени подчеркивали, что заслуга Кошутича в том, что он был первым русистом, который за основу стандартного языка взял речь образованных москвичей.

Для выполнения многочисленных проблем у сербского ученого много времени ушло на поиски метода. Чтобы к нему подойти, нужно было сравнивать все сербские переводы с русского (около 5000 страниц) и на основании допущенных ошибок переводчиков определить, каким образом подойти к обработке русских текстов. Особо важным автору показалось толкование слов и фразеологизмов, равно как и их перевод в сносках. Убедившись в том, что с этими многочисленными трудностями он не в состоянии справиться как следует в Белграде, часть работы он выполнил в Москве и в Петрограде, где «искнал помощи из живых уст, у просвещенных русских». Для решения этих и многих других вопросов, нужно было обратиться за помощью к таким знаменитым ученым, как академикам: Ф.Е. Коршу и А.И. Соболевскому (в Москве), а в Петрограде – академику А.А. Шахматову, профессорам П.А. Лаврову и Н.М. Каринскому, и диалектологу В.И. Чернышеву. А в сербской части ему оказали помощь проф. В. Джерич и знаменитый сербский писатель и переводчик с русского языка Милован Глишич.

4 См.: Богольуб Станковић, Основна Кошутићева полазишта у области методике наставе инославенских језика у српској средини. (У): www.russian.slavica.org/article/86.html

5 См.: Миодраг Сибинвић, Кошутићев допринос развоју наше теоријске мисли о превођењу. (У): Славистички зборник. Књ.1. Београд, 1986, стр. 65

6 Ср.: «Чтобы как следует оценить необходимость и значение этих (лингвостилистических) сравнений, нужно ставить вопрос: зачем мы на самом деле изучем русский язык, - для того только чтобы понимать то, что читаем, или и для того, чтобы могли говорить? Если кому нужно изучать русский язык, чтобы мог понять тексты, эта часть (комментариев) ему не очень-то нужна. Ему нужно знать, что значит отдельное слово на том месте, на котором находится, и ничего больше. Кто так поступает, поступает неправильно, так как русский язык является не только ключом к одной из величайших литератур, которая нам близородственна и по содержанию и по стремлению, и которая нам ближе всех других, потому что русский язык нам относительно легче всего изучить, и который в конце концов своей оригинальной стороной может содействовать нашем духовному взлету и возрождению. (...) И не только, русский язык в то же время является языком самого великого славянского народа, с которым мы связаны и в прошлом и в настоящем, и образованный серб должен изучать русский язык и для того, чтобы, если понадобится (а только от нас зависит, чтобы это было как можно чаще) мог им пользоваться и на нем говорить.»

«Если с этим согласиться и если русский язык (как впрочем и другие европейские языки) должны изучать и как средство для разговора и общения, в этом случае та часть («комментариев»), в которой, в пределах текста, дается отношение литературного и народного языков к современному разговорному языку, будет ученику очень полезной...» (Там же, с. XII).

В заключительной части своего Введения Р. Кошутич сетует о том, что этот его пионерский труд среди сербских ученых (прежде всего имеется ввиду академик А. Белич, кстати, один из его первых учеников) не считается научным в строгом смысле слова, а в России и в Польше по достоинству оценили его величайший труд почетным званием академика.⁷

В заключение Кошутич подчеркивает, что в «Русской хрестоматии» четко обозначен метод и дан образец, как нужно подобные дела делать, и пусть другие следуют его примеру, не забывая о том, что подобные труды являются камнем, которого нужно поставить в фундамент дому, чтобы был сильнее и прочнее. Как почти и во всем остальном, подчеркивает он, «мы славяне и в данном случае начали строить дом, начиная с кровли.» А дом-то надо строить, начиная с фундамента. (Там же, XV).

Актуальной задачей ученых-руссистов и преподавателей русского языка как иностранного у сербов является планированное и тщательное изучение творческого наследия Кошутича, (которое кстати не ограничивается лишь упомянутыми учебниками), и которое, к сожалению, почти неизвестно, как у нас в Сербии, так и в России. К 120-летию со дня рождения ученого выпущен сборник статей под заглавием «Радован Кошутић и развитак југословенске славистике» («Радован Кошутич и развитие югославянской славистики») в первом номере журнала «Славистички зборник», књ.1. Београд: Савез славистичких друштава СР Србије, 1986, 126 стр., в которых., за редкими исключениями, налицо, в открытом и в завуалированном виде, неприятный вид высокомерия: сначала докладчики превозносят его до небес, а потом безжалостно развенчивают научное наследие этого выдающегося сербского слависта. И так это повторяется: вновь его превозносят, так что иногда кажется, что это делается словно только для того, чтобы вновь в большей степени развенчивать. Этот прием напоминает русскую пословицу: „начал за здоровье, а свел за упокой“!.

А жизнь чем-либо замечательной личности в той мере становится доступной нам, в какой способны мы окунуть ее одним взглядом, сумев уловить в ней все разнообразие ее свойств, но тем не менее восходящих к некоему общему знаменателю. Не выполнив этих условий, мы так или иначе, упростим, обедним, а то и исказим замечательную личность, воспримем драматизм ей присущий за сцепление неравноценных качеств, одни из которых, лучшие, будем восхвалять, а другие, не лучшие, будем осуждать, так что в конечном итоге выдвижение плохих пагубным образом скажется на лучших, и их заслонят.

В „Комментариях“ к текстам своей Хрестоматии Радован Кошутич дает подробные информации об особенностях русской лексики и фразеологии. Но для русского и нерусского читателя особенно ценными являются комментарии, касающиеся самых разнообразных русских реалий. Страноведческие

7 В письме А.А. Шахматову в 1919 году он подчеркивает достоинства своей «Хрестоматии»:

«... в славянскую науку вошло сочинение совершенно новое: получились первые современные славянские тексты в научной обработке. В русскую лексикографию и в комментарии я внес массу нового: ударение в предложении, здесь в первый раз разработаны и выставлены его законы; отношение книжного языка к разговорной живой речи образованных русских людей, здесь впервые затронуто и проведено; в методическом отношении здесь первый раз указан путь, как надо обрабатывать новые славянские тексты, и этот метод проведен до подробностей и до тонкостей, о которых никому из славянских ученых и во сне не снилось. Но беда в том, что все это современность. Если бы я восемь лет работы посвятил старым текстам и выпустил три тома в подобной обработке, все бы нашли, что это вклад в науку...» (...) И мне придется ждать, пока кто-нибудь из ученых не рассмотрит основательно этот мой труд и не скажет своего веского слова о его значении.» (Документы по истории славяноведения в России (1850-1912). М.-Л., АН СССР, 1948, с.304-306.)

комментарии поясняют в основном специфические национальные реалии русской культуры. Удивляет тот факт, что в упомянутом сборнике, посвященном 120-летию со дня рождения сербского ученого, для некоторых авторов его литературные комментарии кажутся „чаще всего поверхностными, иногда наивными, так что ограничиваются простым пересказом, в особенности по отношению к поэзии“.⁸ А на самом деле, если углубиться в смысл этих „пересказов“, то это первые за всю историю переводоведения подстрочки, которые помогли его студентам, будущим известным переводчикам, выполнить первые переводы на сербский язык поэзии таких поэтов как Пушкин, Лермонтов, Тютчев и Фет.

II

„Прав не тот, кто знает истину,
а тот, кто уверен, что еголожъ -правда“.

Милорад Павич, Хазарский словарь

Всегда так будет и бывало, за всю историю человечества: и современники и потомки не прощают успех, талант в чем-либо замечательных людей. С высоты своей эпохи они смотрят на них с высокомерием: мол, то что вчера смогли сделать избранные, сегодня могут все!. А самый неприятный вид высокомерия – это высокомерие к незаурядным натурам. Может быть, нигде это не дало о себе знать как в нашей сербской русистике, в изучении и оценке творческого наследия Р. Кошутича. Какая, однако, у него была удивительная – вместе прекрасная и жестокая – судьба! А какая амплитуда колебаний в восприятии его критикой: с одной стороны, отечественной, как правило, или равнодушной или несправедливой, а подчас даже жестокой, и иностранной (в первую очередь русской и польской) которая сколько раз его превозносила до небес. Так было как в самом начале его творческого пути (1894/95), так и в юбилейном сборнике, посвященном 120-летию со дня его рождения. Первый раз это случилось на поприще литературной критики, когда молодой Радован Кошутич в двух статьях под заглавием «Критика и литература» (1893) и «Причины возрождения литературной критики» (1894) подвергнул пересмотру всю предыдущую академическую критику, а представители сербской консерватной критики того времени его безжалостно распекали без настоящих аргументов. А первым из таких критиков был преподаватель французской литературы на Высшей школе в Белграде, Богдан Попович, который жестоко обрушился на будущего коллегу, преподавателя русского, польского и чешского языков и литературы на этой же школе. Несмотря на эти отрицательные отзывы критики, Радован Кошутич в этом же году прошел по конкурсу на вакантное место преподавателя славянских языков и литератур. И это был переломный период в его творческой биографии, но не потому, как считает один из его учеников, Джордже Живанович, что он якобы пересмотрел свои взгляды на роль литературной критики в новых условиях, а потому что весь был поглощен новой профессией и возможностью передать молодым людям часть своей эрудиции в области славянской филологии.⁹ Он с большим энтузиазмом взялся за преподавание славянских языков и литератур

⁸ Мила Стојнић, Критеријуми за одабир и тумачење књижевних текстова у Кошутићевим Примерима. Славистички зборник. Књ. 1, Београд, 1986, стр.73. Срп.: „Некоторые из комментариев нам ныне кажутся слишком упрощенными и наивными“. Вера Николић, Радован Кошутић као комментатор русских текстова („Напомене“ – друга књига „Русских примера“). Opus cit., стр. 80; „Некоторые его решения звучат несколько наивно“. Миодраг Сибиновић, стр. 66.

⁹ Ђорђе Живановић, Прекретне године Радована Кошутића. (У: Радован Кошутић и развој југословенске славистике. Славистички зборни. Књ. 1, Београд: Савез славистичких друштава СР Србије, 1986, стр.14.

и сразу завоевал доверие молодых слушателей-студентов: его уроки посещали не только студенты славянских языков, но и многие другие, и даже просто любители славянских литератур. Среди слушателей первого курса были многие в будущем выдающиеся ученые, писатели, поэты и литературные критики. По воспоминаниям современников он был очень строг и требователен, даже иногда выгонял из аудитории тех, кто ежедневно не готовился к занятиям! Излюбленный его девиз был: трудиться усердно и заниматься. Многие из студентов, кто этих советов профессора не придерживался – провалился на экзамене. Такая участь постигла и величайшего сербского литературного критика Йована Скерлича.

Хотя в своей статье «Вклад Р. Кошутича в развитие сербской теоретической мысли о переводе» М. Сибинович подчеркивает, что Р. Кошутич внес значительный вклад в процесс развития сербской теоретической мысли о переводе», и что «своими книгами «Образцы русского литературного языка» занял почетное место основоположника специальной теории перевода», все-таки не упустил случая назвать «стереотипным анализ переводческих решений на лексическом уровне оригинала и перевода, с ориентировкой на так наз. «погоню за ошибками»¹⁰.

Некоторые исследователи его творческого наследия упрекали его даже в женоненавистничестве („мизогинии“), которая якобы сказалась на выборе текстов для его Хрестоматии. Вера Николич, автор нескольких ничем не примечательных учебников русского языка для сербов, из феминистских соображений, ни к селу, ни к городу, пишет: „Нет в них (в „Текстах“ – Б.Ч.) ни русской крестьянки, которая обуздает лошадь на полном скоку, нет и подвигов русских жен декабристов, которые лишившись уюта и надежности богатого дома, отправляются в Сибирь, разделяя судьбу своих мужей. Не понравилась Кошутичу ни экстровертная Наташа Ростова, ни интровертная Лиза Калитина. Кошутич выбрал отрывок, который показывает Анну Каренину в момент страшного унижения и глубочайших душевных терзаний; показывает княжню Бэлу, которая становится наложницей Печорина; а, скорее всего, осуждает Татьяну Ларину из-за ее письма Онегину.“¹¹ Профессор русской литературы, Мила Стойнич жалеет о том, что в Хрестоматии не нашлось места и для Герцена, Щедрина, Островского, Чехова, Короленко“, равно как ни один текст из литературного наследия русских символистов: Брюсова, Блока, Мережковского, Минского, Сологуба, Иванова и др.¹² Но М. Стойнич в заключение делает положительный вывод, поступая по русской пословице „Начал за здравие, а свел за упокой“, но в инверсии: „...она (книга – Б.Ч.) для тех поколений, которые из нее учили русский язык, была не только учебником, но и книгой на всю жизнь“¹³.

Для сербского читателя особенно ценными являются его комментарии, которые относятся самых разнообразных русских реалий. В них подробно поясняются специфические национальные признаки русской культуры, включая мифы, поверья, обряды и обычаи. В этих комментариях Кошутич сербского читателя знакомит с подробностями, связанными с Бородинской битвой, о старой и новой дороге, связывающей Тифлис с Владикавказом, о тайной свадьбе

10 Миодраг Сибинвић, Кошутићев допринос развоју наше теоријске мисли о превођењу. (У:) Славистички зборник. Књ.1. Београд, 1986, стр. 63.

11 Вера Николић, Радован Кошутић као коментатор руских текстова („Напомене“ – друга књига „Руских примера“. (У:) Славистички зборник. Књ.1. Београд, 1986, стр. 73-74..

12 Мила Стойнић, Критеријуми за одбир и тумачење књижевних текстова у Кошутићевим Примерима. (У:) Радован Кошутић и развој југословенске славистике. Славистички зборник, књ. 1, Београд, 1986, стр.73-74.

13 Там же, с. 74.

царицы Елизаветы, о генерале Ермолове, о семье генерала Раевского, герое Отечественной войны, о хижинах каквказских горцев, о том, что русские иногда отождествляют черкесов и турками, о башнях московского кремля, о русской печи и ее многочисленных функциях, о красном уголке в русской избе, об Илье Муромцеве и Алеше Поповиче, о Соловье-разбойнике; о домовом, лешем и водяном, и т.д.

Список литературы

1. Богольуб Станковић, Основна Кошутићева полазишта у области методике наставе инословенских језика у српској средини. (У:) www.russian.slavica.org/article/86.h
2. Миодраг Сибинвић, Кошутићев допринос развоју наше теоријске мисли о превођењу. (У:) Славистички зборник. Књ.1. Београд, 1986, стр. 65.
3. Документы по истории славяноведени в России (1850-1912). М.-Л., АН СССР, 1948, с.304-306.
4. Мила Стојнић, Критеријуми за одабир и тумачење књижевних текстова у Кошутићевим Примерима. Славистички зборник. Књ. 1, Београд, 1986, стр.73.
5. Вера Николић, Радован Кошутић као коментатор руских текстова („Напомене“ – друга књига „Руских примера“. (У:) Славистички зборник. Књ.1. Београд, 1986, стр. 73-74..
6. Човић Бранимир, Поетика књижевног превода. Београд: Наука, 1995;
7. Човић Бранимир, Руско-српске књижевне паралеле. Београд: Ведес, 2003.

Д-р Благојка Здравковска-Адамова

b.zdravkovska@seeu.edu.mk

Универзитет на Југоисточна Европа

М-р Александра П. Танеска

a.pandilovska@seeu.edu.mk

Универзитет на Југоисточна Европа

СОВРЕМЕНИ ЛИНГВИСТИЧКИ ПРОУЧУВАЊА: ТЕКСТ И/ИЛИ ДИСКУРС

АПСТРАКТ

Една од позначајните карактеристики на современите лингвистички проучувања на XX век е насоченоста кон проучувањето на текстот, односно на дискурсот. Поместувањето на интересот на теорискиот пристап се забележува во новата лингвистичка дисциплина – лингвистика на текстот, односно текст-лингвистика. На европскиот континент текстот посебно се анализира во рамките на системската функционална лингвистика. На американскиот континент се развива интердисциплинарно и мултидисциплинарно концепцијана анализа на дискурсот, во рамките на теоријата за критичка анализа на дискурсот. При илустрирањето на овие две теоретски поставки ја претставуваме и главната дистинкција меѓу нив, а тоа е дистинкцијата текст наспроти дискурс, па укажаваме и на извесни нивни меѓусебни разлики.

Клучни зборови: текст, дискурс, текст-лингвистика, СФЛ, ТКАД

CONTEMPORARY LINGUISTIC RESEARCH: TEXT AND / OR DISCOURSE

ABSTRACT

One of the most important features of the modern linguistic studies of the XX century is the focus on the study of the text, or discourse. Shifting the interest of the theoretical approach is seen in the new linguistic discipline - linguistics of the text or text-linguistics. In the European continent, text is specifically analyzed within the Systemic functional linguistics. Whereas, the American continent is developing interdisciplinary and multidisciplinary conceptualized discourse analysis under the Theory of critical discourse analysis. By illustrating these two theoretical settings, we are presenting the main distinction between them, which is the distinction text versus discourse, and their mutual differences.

Keywords: text, discourse, text-linguistics, SFL, TCDA

Лингвистичките проучувања на текстот

Истражувањата во традиционалната лингвистика се насочени, пред сè, кон јазикот како систем. Од друга страна, проучувањето на текстот го опфаќа и јазикот во употреба, односно го опфаќа и говорот. И понатаму, тоа што е исклучително важно е дека зборовите ги учиме, ја совладуваме реченичната структура сè со една главна цел – да се оспособиме да создаваме и да разбирааме текстови.

Една од позначајните карактеристики на современите лингвистички проучувања е насоченоста кон проучувањето на текстот, односно на дискурсот. Анализата и теоретско-методолошката разработка на јазичните единици кои ја претставуваат надреченична структура се карактеристични за научните тенденции на XX век. Поместувањето на интересот на теорискиот пристап се забележува во новата лингвистичка дисциплина – лингвистика на текстот, односно текст-лингвистика. Развојот на оваа дисциплина е поттикнат од супрасинтаксичките тенденции според кои речениците својата целосна смисла ја добиваат кога се вклучени во текстот (имајќи го предвид и контекстот).

На европскиот континент текстот посебно се анализира во рамките на системската функционална лингвистика (СФЛ). На американскиот континент доминираат прагмалингвистичките проучувања¹ на јазичната дејност и се развива интердисциплинарно и мултидисциплинарно концепција на анализа на дискурсот, во рамките на теоријата за критичка анализа на дискурсот (ТКАД) (Theory of Critical Discourse Analysis). Притоа Браун и Јул (Brown, Yule, 1983) нагласуваат дека: „анализата на дискурсот задолжително претставува анализа на јазикот во употреба. Како таква, оваа анализа не може да биде ограничена на опис на лингвистичките форми независно од целите или од функциите на кои ваквите форми им служат во рамките на човковите односи.“ Оваа теорија вклучува различни пристапи во анализата на дискурсот, и тоа во однос на методолошкиот пристап, теоретската поставеност, како и во однос на различните прашања што се обработуваат (Faircough, 2005).

Функционалниот потенцијал на јазикот, односно неговите комуникациски можности, се реализираат во надреченични јазични единици, бидејќи комуникацијата се остварува преку текстот². Оттука и не може да се прифати определбата на јазикот (јазичниот систем) како низа од реченици, туку и на јазикот треба да му се пристапи преку текстот (дискурсот). Поради ваквиот пристап функционалната граматика ја менува насоката, па описот на јазичниот систем тргнува од текстот и е насочен кон реченицата. Во оваа насока треба посебно да се нагласат две поставки на системската функционална лингвистика (Badurina, 2005):

- Јазикот се анализира во општествениот контекст, па во таа насока текстот е пример за јазик во употреба. Оваа поставка упатува на следнава важна детерминанта на системската функционална лингвистика, а тоа е:

- Насоченост кон текстот, пред сè, отколку кон реченицата, на пример, но и понагласена анализа на семантиката на текстот, отколку, на пример, на структурата на текстот.

¹ Прагмалингвистиката (Pragmatics) во Лингвистичката енциклопедија (Malmkjær, 2002. *The Linguistic Encyclopedia*) се дефинира како: „студија на правила и начела кои владеат со јазикот во употреба, за разлика од апстрактни, идеализирани правила, како на пример граматиката, па со односот меѓу апстрактниот јазичен систем, од една страна, а од друга страна со јазикот во употреба.“

² Тука не ги земаме предвид посебните случаи во кои текстот е еднаков на една реченица.

Во Америка, исто така, проучувањата се насочени кон текстот, меѓутоа таму текстот се сфаќа поинаку отколку во Европа, односно при дефинирањето на надреченичната јазична структура се вклучува и контекстот (јазичниот, но и вонјазичниот). Таму доминираат прагмалингвистичките проучувања на јазичната дејност, а се развива и интердисциплинарно и мултидисциплинарно концепцијана анализа на дискурсот, имајќи предвид дека монодисциплинарноста (карактеристична за традиционалните пристапи при проучување на јазикот) не е доволна за анализата и за дефинирањето на текстот. Притоа, со поимот текст се означува самиот јазичен материјал, а со поимот дискурс³ се опфаќа и контекстот.

Преку подготвеноста да се вклучат и комуникациските вредности на текстот при неговото определување, поимот текстуални конектори⁴ (*textual connectors*) се доведува во врска со поимот дискурсни ознаки (*discourse markers*) (анализиран во рамките на ТКАД).

Определување на поимот текст

Зборот текст потекнува од латинскиот збор *textus* (што значи ткаење, соединение). Основно, текстот се карактеризира преку внатрешните врски (кохезија и кохеренција). Сепак, текстуалните поврзувања не се доволни за да се направи текст. Треба да се имаат предвид и другите критериуми на текстуалноста.

Во лингвистиката поимот текст се употребува за секој дел, изговорен или напишан, кој формира унифицирана целост. Текстот е единица на јазикот во употреба. Не може да се означи како граматичка целост, на пример, како што е дел-реченицата, или како реченицата. Воопшто, текстот и не е дефиниран според големината, или според обемот. Тоа значи дека текстот не можеме да го дефинираме ниту како нешто што е како реченицата, само поголемо, затоа што тие меѓу себе есенцијално се различни. Меѓутоа, „Анализата на текстот и/или дискурсот не може да се спроведува без да се имаат предвид описите и заклучоците од ‘синтаксичарите’, и обратно овие не можат да останат затворени за контекстот во кој настанува нивниот предмет на истражување.“ (Дучевска, 2005)

Халидеј (цитиран во Crane, 2008) го дефинира текстот како секоја автентична низа на пишуван или на говорен јазик, односно според него: „јазикот се толкува како систем на значења, придржан со формите преку кои значењата може да бидат изразени“. Тоа значи дека покрај граматиката и лексиката на јазикот, треба да се имаат предвид и механизмите за начинот на кој е структуриран текстот. Понатаму Халидеј (1994 во Halliday, 2002) наведува дека: „Текстот е процес на делење: заедничка креација на значења. Оние кои делат во тој процес се ‘ти’ и ‘јас’ од текстот.“ Односно: „Така ‘ти’ и ‘јас’ не сме само креатори на текстот; ние сме, исто така, креирани од него. ‘Ти’ и ‘јас’ се реализираат со помош на јазикот.“ Понатаму во истиот труд процесот на делење Халидеј го определува како текстуален консензус, односно: „‘Ти’ и ‘јас’ се согласуваме да го делиме семиотичкиот процес, без тоа нема текст.“ Во некои ситуации учесниците се обидуваат да го уништат

³ Терминот дискурс за првпат во лингвистичката наука се споменува во статијата „Анализа на дискурсот“ на Зелиг Харис (Zellig Harris) објавена во 1952 во списанието *Јазик (Language)* како назив за „метод за анализата на поврзан говор (или пишување)“, за „продолжување на дескриптивната лингвистика над границите на реченицата“ и за „поврзување на културата и јазикот“ (Malmkjaer, 2002).

⁴ Гловацки-Бернарди наведува дека сите конектори имаат форска функција, при што одредени зборови сами по себе имаат анафорска или катафорска природа, пред с , заменките и прилогите.

⁵ Хрватската лингвистка Бадурина (2008) смета дека суштината на разликувањето на двета поима – текстуални конектори и дискурсни ознаки е одраз на дистинцијата меѓу поимите текст и дискурс.

текстуалниот консензус и тогаш престануваат да бидат 'ти' и 'јас': „сè додека некој нов текст повторно не ги креира.“

Богранд (De Beaugrande, 1997) става акцент врз текстот како: „комуникациски настан во кој лингвистички, когнитивни и општествени активности се спојуваат, не само како низа од зборовите, што се изговорени или се напишани.“

Во однос на македонските лингвистички проучувања на текстот ќе споменеме дека Ѓуркова (1994) упатува на проширување на синтаксичките проучувања и на единици поголеми од реченицата, т.н. надреченични целини или сложени синтаксички единици, односно на текстот и на дискурсот. Таа се определува за поимот врзан текст како сигнализатор на „непосредно кохезивниот карактер на надреченичните целини.“ Понатаму, според Дучевска (2005): „текстот е она што е кажано или напишано, и соодветно слушнато или прочитано, во динамичниот процес на исказување и интерпретација – т.е. во дискурсот.“

Текстот наспроти дискурсот

При илустрирањето на двете теоретски поставки (системската функционална лингвистика и теоријата за критичка анализа на дискурсот), кои како основен предмет го имаат надреченичното единство, ја претставивме и главната дистинкција меѓу нив, а тоа е дистинкцијата текст наспроти дискурс, па укажавме и на извесни нивни меѓусебни разлики.

Особено е значаен прегледот на Корнер (Körner, 2001) во однос на нивното дефинирање. Ние ќе ги изделиме само накусо неговите најзначајни согледувања.

Во однос на дефинирањето на овие два поима тој укажува на тоа дека дискурсот ги надминува рамките на текстот (што значи дека текстот како јазична единица не го вклучува контекстот) и со тоа упатува на пошироката природа на овој поим. Притоа го цитира Ферклou (Fairclough) кој со поимот дискурс го означува: „целиот процес на општествена интеракција во која текстот е само дел“. Во однос на употребата на јазикот, вредностите, ставовите и општествените позиции, дискурсот како поим ги опфаќа општествените уверувања за тоа како да зборуваш и како да се однесуваш. Понатаму, Корнер како поткрепа на ваквото сфаќање на дискурсот го цитира Ги (Gee), според кого дискурсите се: „начини на постоење, односно форми на живот кои ги интегрираат зборовите, делата, вредностите, верувањата, ставовите и социјалните идентитети, исто како и гестовите, погледите, положбите на телото и облеката.“ Движејќи се од дискурсот кон текстот, текстовите се определуваат како лингвистичка манифестија на дискурсот.

Иако ја прифаќаме дистинкцијата ТЕКСТ : ДИСКУРС⁶, па во таа насока и не ги определуваме овие два поима како апсолутни синоними, сепак, не е наша цел во трудов да ги претставиме поимско-терминолошките разграничувања. Имајќи ги предвид многуте теоретски поставки во однос на нивното определување (Körner, 2001), ние на овие именувања гледаме како на поими кои произлегуваат од различни теориски концепти кои, пак, тргнуваат од поинакви методолошки поставки.

6 Во нашето проучување дихотомијата ТЕКСТ : ДИСКУРС ја разгледуваме како однос меѓу јазична единица (текст) и комуникациска единица (дискурс).

КОРИСТЕНА ЛИТЕРАТУРА

Кирилица

1. Дучевска, А (2005). Анализа на текстот и дискурсот во македонскиот јазик (докторска дисертација). Филолошки факултет „Блаже Конески“ - Скопје
2. Минова-Ѓуркова, Л. (1994). Синтакса на македонскиот стандарден јазик. Радинг, Скопје

Латиница

3. Badurina, L. (2005) Jezično raslojavanje i tipovi diskursa http://www.hrvatskiplus.org/prilozi/dokumenti/anagram/Badurina_Raslojavanje.pdf
4. Badurina, L. (2008). Između redaka. Studije o tekstu i diskursu. Hrvatska sveučilišna naklada, Izdavački centar Rijeka
5. De Beaugrande, R. (1997). New Foundations for a Science of Text and Discourse. Greenwood Publishing Group
6. http://www.beaugrande.com/new_foundations_for_a_science.htm
7. Brown, G., Yule, G. (1983). Discourse Analysis. Cambridge University Press, Cambridge
8. Fairclough, N. (2005). Critical discourse analysis. Marges Linguistiques 9
9. **Glovacki-Bernardi, Z. (2004). O tekstu. Školska knjiga, Zagreb**
10. **Halliday, M.A.K. (2004). The Language of Science, во Webster, J. J.** (уредник). Collected Works of M.A.K. Halliday. Volume 5, Continuum
11. Körner, H (2001). Theoretical Foundations: Legal Discourse, Critical Discourse Analysis and Systemic Functional Grammar
12. [www.grammatics.com/Appraisal/korner-phd/chapter2\(korner\).doc](http://www.grammatics.com/Appraisal/korner-phd/chapter2(korner).doc)
13. Malmkær, K. (уредник) (2002). The Linguistic Encyclopedia (second edition). Routledge

75.035.1"18"(47)

Мещерина Е.Г., Гузенина С.В.

ПСИХОЛОГИЗМ КАК ОСНОВА «КРАСОТЫ – ПРАВДЫ» В РУССКОЙ ЖИВОПИСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

PSYCHOLOGY AS THE BASIS OF “BEAUTY - TRUTH” IN RUSSIAN PAINTING OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Аннотация: Статья посвящена феномену психологизма в русской живописи второй половины XIX века. Психологический метод, позволивший впоследствии создать галерею русской портретной живописи и выразительную психологическую пластику масштабных исторических полотен охватывает практически все социальные слои того времени. Однако при всем сходстве идеально-эстетической платформы и взаимовлиянии представителей разных видов искусства, психологический метод проявлялся по-разному и всегда имел индивидуальные особенности даже в области одного жанра.

Ключевые слова: метод, психологизм, правдивость, художник, реалистичность, живопись, русская культура

Abstract: the Article is devoted to the phenomenon of psychologism in Russian painting of the second half of the nineteenth century. Psychological method, which subsequently create a gallery of Russian portrait painting and expressive psychological plasticity of large-scale historical paintings covers virtually all social strata of the time. However, despite the similarity of ideological and aesthetic platform and interaction of representatives of different art forms, psychological methods manifested themselves in different ways and always had individual characteristics even in the same genre.

Key words: method, psychology, truthfulness, artist, realism, painting, Russian culture

Гуманистические принципы, выдвинутые русской классической литературой, определявшей пути развития искусства в России XIX века, легли в основу не только его идеально-эстетической базы, но и главных методологических приемов создания художественного образа, среди которых первое место занимал психологический метод. Эстетика «натуральной школы» и критического реализма, идеи народности и сочувствие « униженным и оскорбленным», внимание к «низкой», обыденной стороне жизни, ее характерам – типам, выступив в качестве обобщающих установок, имели, тем не менее, свои особенности, обусловленные образной системой того или иного вида искусства.

«Идея человека», экзистенциальные темы жизни и смерти, коллизия идеала и его реального воплощения, неизбежного трагизма бытия личности и таланта, конфликта возвышенных устремлений и бытового начала – неполный перечень психологических тем, воспринятых русской реалистической живописью, которая в силу своей специфики более непосредственно, чем литература и музыка, была

связана с идеологией социального служения, «вынесения приговора мерзостям жизни». Полнее всего этой идеологии отвечала жанровая живопись («бытовой жанр»), на основе которой получил свое глубокое развитие психологический метод, позволивший впоследствии создать галерею русской портретной живописи и выразительную психологическую пластику масштабных исторических полотен.

Главный идеолог передвижничества Г.Г. Мясоедов полагал сутью критического метода стремление «к свету и правде»¹, где категория света в реальном (земном) его значении отражала, прежде всего, специфику деятельности живописца. Понятие «психологической правды» в публицистике того времени связывалось с темой искренности как главного средства воздействия на зрителя и распространялось на творческий выбор самого художника, который должен «увлечься судьбой изображаемых лиц», тем, что его живо интересует и заставляет страдать. Лишь на этом пути художник сможет быть убедительным, то есть «обнаруживать психические законы, одинаково присущие всем нам». Поэтому выбор темы имеет громадное значение в искусстве, свидетельствуя не только о таланте живописца, но и «о степени его умственного и нравственного развития»².

Принцип правдивости изображения, верности наблюдению и изучению окружающей реальности, акцентирование способности видеть были основой преподавания в Московской школе живописи, ваяния и зодчества. Уроки наблюдения, выделения в сцене главного и характерного, «упражнения в восприятии типов и их наклонностей», которые давал своим ученикам один из создателей «новой русской школы живописи» В.Г. Перов (иногда просто подойдя к окну), сохранились в воспоминаниях его учеников в качестве главного метода художника-реалиста, обязанного развивать вкус публики, «а не идти за ней». Зная условия жизни С.Д. Милорадовича (сын дьякона, служил псаломщиком в церкви Воскресения в Гончарах), Перов советовал ему писать картины из жизни духовенства, той среды, которую он знал наиболее глубоко. В то же время особым доверием у художников пользовалось слово, литературное описание, темы, идеи, сюжеты романов и рассказов. Большое влияние на творчество живописцев оказывали яркие психологические типы, картины изображения, данные в литературе. Обобщая современную ему практику искусства, В.В. Стасов подчеркивал, что «правда жизни – главный всеобщий врач, особенно когда нам ее представляют совершенно с другого подъезда, чем тот, который указан»³.

Близость литературы, драматургии и живописи этого времени проявлялась в общих темах, социальной и психологической заостренности сюжетов и характеров, в отразившихся в переписке, дневниковых записях и портретах личных контактах знаменитых писателей и художников. Часто художника интересовало не только идейное развитие той или иной темы, он стремился к созданию некоего живописного аналога захватившей его психологической сцены. Эпоха «мыслящего русского жанра» начавшаяся с П.А. Федотова, была продолжена художниками, составившими ядро объединения «старших» передвижников - Г.Г. Мясоедовым, В.Г. Перовым, В.Е. Маковским, И.М. Прянишниковым, Н.В. Невревым, К.А. Савицким, Н.А. Ярошенко. Глубокая психологическая разработка образов, акцентирование трагической стороны жизни простого человека, отказ от живописных эффектов имели целью выполнение важной социальной задачи

1 Шувалова И.Н. Мясоедов. Л., 1971. С. 77.

2 Саккетти Л.А. Обзор главных основ эстетики // Вестник изящных искусств. 1887. Т. V. Вып. 5. С.444-445.

3 Стасов В.В. Перов и Мусоргский. М., 1952. С. 18.

– вызвать сочувствие к страданию людей, представляющих основную часть населения России. Эстетические категории этого времени – правда, искренность, достоверность, типичность, характерность, узнаваемость – служили созданию «символических» для того времени сцен и портретов. Яркая индивидуальность и психологическая глубина соединялись с той обобщенностью образа, которая подразумевала повторяемость сцены или типичность персонажа, представляющего целую социальную группу. Демократическая направленность творчества художников вызывала упреки в антиэстетизме, в интересе «к подонкам будничной жизни», в «отыскивании грязных сюжетов», в отсутствии стремления служить прекрасному, в нежелании использовать колористические возможности живописи, в невозможности украсить такими картинами домашний интерьер или «подарить в порядочное семейство». Психологический и эстетический парадокс, по признанию критиков, состоял в том, что произведения реалистов были обращены своей «гневной проповедью» к тем, кто посещал выставки, к потенциальным покупателям, значительная часть которых и представляла тот благополучный социальный слой, от которого часто зависели эти трагические события. Коллизия вкусов знати и содержания произведений, мастерски исполненных художниками-демократами (как ни старались признать их професионализм), нашли отражение в известном в то время стихотворении В.И. Немировича-Данченко «В мастерской художника». В стихотворении, которое современники склонны были рассматривать как некролог, посвященный Перову, речь шла о переданной кистью гения «беспощадно печальной правде», «святости страдания», «воздаянии за муку и злобу людскую», которые в конечном итоге – как картины – доступны лишь «карманной знати». «Будут бессмертны картины прекрасные,/ Купят их люди, богатые властные /- В яркие залы запрут...»⁴

Несмотря нарезкую критику, сопровождавшую развитие жанровой живописи в 60-е годы и исходившую подчас от весьма авторитетных изданий («Современный Летописец», «Время», «Московские ведомости»), новая реалистическая школа завоевала признание не только российской демократической интеллигенции, но и за рубежом (участие во Всемирных выставках в Вене, Париже, Мюнхене, Филадельфии). В заметках о Всемирной выставке, проходившей в Вене в 1873 г., анализируя отзывы немецких критиков о русских художниках, Стасов отмечал успех у европейской публики И.Е. Репина и В. Верещагина. В целом же иностранная критика, по его мнению, не оставляя покровительственного тона, все же признает появление в России новой, самостоятельной русской школы живописи.⁵ Примечательно в этом плане приведенное К. Быковским высказывание Мериме о том, что сила русских художников состоит в том, что они прежде всего заботятся о правде, а красота у них приходит сама собой.⁶

При всем сходстве идеально-эстетической платформы и взаимовлияниях представителей разных видов искусства психологический метод проявлялся по-разному и всегда имел индивидуальные особенности даже в области одного жанра. Сравнивая Перова и Федотова, В.В. Стасов видел их отличие в том, что в картинах Перова нет «ни нравоучительства, ни фельетонного легкого смеха», характерных для его предшественника. Натура Перова «была одной природы с Гоголем, у него

⁴ Немирович-Данченко В.И. В мастерской// Художественный журнал. 1882. Т. 3. С. 203-204.

⁵ Стасов В.В. Нынешнее искусство в Европе. Художественные заметки о Всемирной выставке 1873 года. С.-Птб., 1874. с. 169.

⁶ Петров В.А. Василий Перов: творческий путь художника. М., 1997. С. 108.

тоже было две главные ноты: юмор и трагедия».⁷ По мнению исследователей XX века, от Федотова Перова отличала «большая гражданственность, большая суровость и простота живописи»⁸.

Волнующая многих художников тема социальной несправедливости, представленная во всех ее проявлениях, у Перова, которого его ученик М.В. Нестеров называл «поэтом скорби», особенно остро была связана с темой страдания, его «святости» (некоторые критики упрекали художника в том, что он придал лицам детей в знаменитой «Тройке» черты христианских мучеников). Уже в одной из первых своих картин «Сцена на могиле» (1857), написанной, как полагали, по русской старинной песне, Перов дает три психологических образа страдания в зависимости от возраста скорбящих женщин. В конце жизни тема страдания осмысливалась Перовым в связи с личностью Христа, чьи страдания он хотел изобразить, не отступая от текстов Евангелий, согласно которым лица страдающего Спасителя не было видно. Художника волновала связь переживания, муки с возможностями рисунка, психологической выразительностью линии (что ему гениально удалось в «Проводах покойника»). Замысел Перова состоял в передаче страдания линиями самой фигуры, ее положением, не показывая лица.

Галерея характеров-типов и сцен, созданная русской реалистической живописью в русле «столбовых тем» русской литературы, охватывает практически все социальные слои того времени. Это тема обедневшего дворянства, типы купцов-промышленников, «среднего сословия», чиновничества, разночинной интеллигенции, темы сельской жизни и народных гуляний. Особое место занимала религиозная тематика, подаваемая со стороны монастырского быта и жизни провинциального духовенства (иногда в остро критическом ракурсе, что вызывало цензурные нарекания). В связи с религиозной темой, но уже в историческом плане (под влиянием романов и публицистики) подавалась тема церковного раскола XVII века с психологической характеристикой лидеров староверия (протопоп Аввакум, боярыня Морозова, Никита «Пустосвят») и «раскольнических типов» в картинах Литовченко, Перова, Сурикова, Милорадовича. Центральная тема «маленького человека» раскрывалась в народных характерах, юмористическом освещении разнообразных увлечений, выбранных в соответствии со своей натурой, некоей «особенностью» или яркой индивидуальностью, передающей, тем не менее, специфику русской жизни. В сценах будничных событий, продвижения по службе, занятий «на досуге» проявились не только острые наблюдательность, но и ирония, мягкий юмор, иногда сарказм или сатира, но главное – объединяющая художников способность видеть «большое в малом» и высокий профессионализм (находящиеся в ГТГ известные картины Перова 1870-1871 годов «Птицелов», «Рыболов», «Охотники на привале», «Любители соловьев» В.Е. Маковского. 1872-1873. ГТГ). Следует особо выделить «охотничью» тему: страстными охотниками были, как известно, И.С. Тургенев, В.Г. Перов, И.М. Прянишников.

Но гораздо важнее для художников социального направления была трагическая подоплека поворотов русской истории середины XIX века, отразившаяся на судьбе «маленького человека». Освобождение крестьян без земли породило в искусстве реалистов тему странничества, «голой правды» юродства, тему переселенцев (И.М. Прянишников. «Калики перехожие». 1870. ГТГ; С.В. Иванов. «В дороге», «Смерть переселенца». 1889. ГТГ). Общие корни имели

7 Стасов В.В. Двадцать пять лет русского искусства// Вестник Европы. 1882. Кн. 12. С. 639.

8 Лясковская О.А. В.Г. Перов. РГАЛИ. Ф. 990. Оп. 2. е/х 46. Л. 149.

в литературе и живописи темы народного бунта, движение народничества, типы революционеров (В.Е. Маковский. Вечеринка. 1875-1897. ГТГ; «Осужденный». 1879. ГРМ).

Психологический тип художника - творца, попавшего в силу разных причин в трагическую ситуацию была близка многим живописцам.

Обобщенный портрет музыканта, оказавшегося практически на «дне жизни» видят в картине Перова «Гитарист-бобыль» (1865. ГРМ), отразившей судьбы А. Гурилева, П. Булахова, знаменитого в те времена гитариста-виртуоза П. Богатырева. Прототипами «Учителя рисования» (1867. ГТГ) Перова считают графика - жанриста П.М. Шмелькова, «благороднейшего» Е.Я. Васильева, учителя Перова и угадавшего талант М.В. Нестерова – «неудачника» А.П. Драбова. Особого упоминания заслуживает принадлежащий В.Е. Маковскому портрет А.К. Саврасова, представляющий собой психологически глубокий рисунок к картине «Ночлежный дом» (1889. ГРМ). Тема поэта-страдальца, человека искусства, отдающего свои творения за гроши, не обеспечивающие ему возможности хотя бы относительно безбедного существования, была общей для всех видов искусства⁹ и имела весьма солидную социально-психологическую основу. Начавшие как ученики МУЖВЗ, «не имеющие ровно никаких средств», даже такие известные художники, как Перов и Прянишников нуждались всю жизнь, что несомненно послужило одной из причин их ранней смерти.

Своеобразное «закулисье» психологического метода, порожденное любовью художников к слову, стремлением использовать его возможности в формировании психологии восприятия представляет литературная деятельность В.Г. Перова, И.Н. Крамского, С.В. Иванова, Г.Г. Мясоедова. Дополнительное содержательное и психологическое измерение получают картины Перова, получившие «продолжение» в рассказах автора об истории их создания, его отношениях с главными героями, их поведении в жизни и дальнейшей (как правило, трагической) судьбе. Примечательны эмоциональная насыщенность литературных произведений Перова, глубина постижения человеческих характеров при отсутствии сентиментальности, сочувствие своим героям, особенно проявлениям благородства и нравственной силы.

В попытке очертить самые общие контуры здания русской реалистической живописи, воздвигнутого на фундаменте психологического подхода, следует указать на огромную роль меценатов, купцов – собирателей, среди которых первое место занимает П.М. Третьяков. Именно он поддерживал «тенденцию» новой русской школы живописи, близкий ему психологизм, собирая картины социально-психологической и гражданской тематики, предоставляя к ним доступ российскому зрителю и отдавая их на Всемирные выставки в Европу. По его заказу были написаны портреты многих знаменитых писателей и деятелей культуры, составившие коллективный интеллектуальный портрет эпохи, «мифологию» своего времени. Сравнивая портретную живопись И.Н. Крамского, В.Г. Перова, Н.Н. Ге, современные исследователи подчеркивают наряду с различием приемов каждого из них единую гуманистическую направленность, чувство историзма, позволившее воплотить атмосферу эпохи, ее особой ставшей классической культуры. Если «объединяющая идея» Ге – сверхличное, духовное начало, то у Крамского на первый план выступает участие в едином общем деле гражданского служения. Толстой, Некрасов, В.С. Соловьев, М.Е. Салтыков-

⁹ См., напр., ст-е Охтенского О. «В больнице» // «Пчела». 1875. №4. С. 48.

Щедрин, П.М. Третьяков и А.Д. Литовченко интересуют его не как представители соперничающих идеологий, враждебных эстетических и философских позиций, даже не как «человеческие типы», но как различные по характеру исполнители своего высокого призыва.¹⁰ В портретах Перова диалектика общего и единичного проявлялась в аскетической строгости манеры, «сурово отбросившей блестательный опыт портретной живописи предшествующего периода (от Ф.С. Рокотова до В.А. Тропинина)», которая выполняла объединяющую функцию, «нейтрализующую особенное, единичное, неповторимое в характере модели»¹¹. Видимо, уникальный метод Перова-портретиста, мастера «серьезной школы», пренебрегающего любым внешним эффектом, если он не имеет достаточной смысловой причины, включающий «цветовой аскетизм» и эффект эмоционального дистанцирования от модели, позволил ему создать лучший из портретов Ф.М. Достоевского.

Достижения исторического жанра в русской живописи с его «психологической правдой», которой критики отдавали приоритет перед историческим фактом, базировались на фундаменте жанровой и портретной живописи. Эволюция исторических полотен от археологического педантизма к живому, наполненному жизнью ощущению прошлого, опиралась на «живое впечатление натуры» у В.Г. Шварца, предшественника В. И. Сурикова, сумевшего объединить любовное отношение к историческим деталям, красоте народного творчества с исторической драмой, индивидуальную яркость личности - с психологией «толпы», духовной силой народа, без которого не совершается ни одно значимое историческое событие.

В эстетике модернизма, окончательно отказавшейся от «идеи» и «тенденции», на смену «красоте – правде» с ее категориями искренности и реалистической достоверности, опирающимися на психологический метод, который рассматривался, прежде всего, как средство «восстановления идеала», «красоты сердца» приходит «красота» маски, игра с ее разнообразными проекциями и амбивалентностью чувств, предельно субъективным отношением к реальности, что требовало совершенно иных психологических установок.

10 Ягодовская А.Т. Проблема характера-типа в литературе и живописи второй половины XIX века// Типология русского реализма второй половины XIX века /Отв. ред. Г.Ю. Стернин. М., 1990. С. 76-77.

11 Там же. С.75.

130.2.073(47)

Фёдоров А.И.

Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова

Egm18@bk.ru

Кузнецова Т.В.

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

asp@filos.msu.ru

Ежов С.Ю.

Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина

ezhovgaga@mail.ru

ВС. Н. ИВАНОВ О РОЛИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДИАЛОГЕ «ВОСТОК – ЗАПАД»

Аннотация: Статья посвящена специфике культурологической концепции Вс.Н.Иванова, видного общественного деятеля русской Дальневосточной эмиграции, разделяющего идеи евразийства. Вс.Н.Иванов полагал, что уникальность русской культуры обусловлена соединением различных течений, в русле которых происходит слияние европейских и восточных традиций.

Ключевые слова: **евразийство, русская культура, Китай, восток, Азия, запад.**

VS.N. IVANOV ON THE ROLE OF RUSSIAN CULTURE IN THE DIALOGUE “EAST - WEST”

Abstract: The article is devoted to the specifics of cultural conception Vs.N.Ivanova, a prominent public figure of the Far Eastern Russian emigration, sharing ideas of Eurasianism. Vs.N.Ivanov believed that due to the uniqueness of Russian culture mix of different trends, in line with which there is a fusion of European and Oriental traditions.

Keywords: Eurasian, Russian Culture, China, East Asia, West.

Выход в 1921 г. сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев» положил начало евразийскому течению, непосредственными организаторами и интеллектуальными руководителями которого на различных этапах были: лингвист, этнограф и филолог Н.С. Трубецкой, географ и экономист П.Н. Савицкий, философ Л.П. Карсавин, историки Г.В. Вернадский, М.В. Шахматов, В. П. Никитин и С.Г. Пушкирев, искусствовед П. П. Сувчинский, юристы Н. Н. Алексеев и А. Б. Эфрон, богослов и историк Г.В. Флоровский, литературовед Д.П. Святополк-Мирской, писатель К.А. Чхеидзе, философ В.Н. Ильин, лингвист Р.О. Якобсон др. Восточную (китайский Харбин) ветвь евразийства представляли писатель и философ Вс. Н. Иванов, философ и поэт А.К. Горский, экономист и философ Н.А. Сетницкий.

Сам состав участников евразийского движения обусловил предпосылки к созданию уникального мировоззрения, непосредственно соединяющего в себе философский, историко-культурный, политico-правовой и экономический подходы с данными гуманитарных и естественных наук (история, лингвистика, география, этнография и этнопсихология). На первом этапе (1921-1924 гг.) приоритет отдавался проблемам культурного и философского характера, вопрос о создании конкретной модели государства считался делом второстепенным, зависящим от основных мировоззренческих принципов.

Начиная с середины 1920-х гг., социально-политические вопросы стали приоритетными, а модель будущего государства приобрела ясные очертания. В разработке главных положений государственного проекта большую роль сыграли Л.П. Карсавин, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой и Н.Н. Алексеев, которые составляли основное ядро евразийского движения. На последнем этапе (1928-1931 гг.) евразийского движения (после Кламарского раскола) достаточно сильным был интерес к советской России, что нашло свое отражение в государственной модели евразийства, когда центральное место в идеологии стала занимать идея преемственности евразийских социологических идей с советской системой. К началу 1930-х гг. просоветская тенденция в евразийском течении стала определяющей, она привела к расколу евразийского течения и, в конечном счете, к его распаду.

Вс.Н. Иванов (1888 – 1971) – писатель, философ и публицист, знаток искусства и древних культур, видный общественный деятель русской Дальневосточной эмиграции (Харбин, Шанхай), разделял основные идеи евразийства, представители которого как известно, на основе пересмотра русской истории, стремилось доказать значительность влияния азиатских народов (туранцев) на русскую культуру и государственность.

Тема «Восток-Россия-Запад», развивалась Вс.Н. Ивановым не только в историософских трудах, главный из которых «Мы на Западе и на Востоке. Культурно-исторические основы русской государственности» (Харбин, 1926), но и художественных произведениях («Тайфун над Янцзы», «Дочь маршала», «Екатерина Великая» и др.).

Культурологическая концепция Иванова складывалась на основе идей неокантианства о различии законов природных и культурных (у Иванова – «конститутивных» и «инвентивных»), философии В.С. Соловьева, эстетики Серебряного века, евразийской идеологии, а также глубокого изучения китайской и японской культур, влияния харбинских синологов, знакомства с трудами Н.К. Рериха.

При анализе русской культуры Иванов подчеркивает значение мифологического слоя языческой культуры Руси, в котором содержались азиатские элементы. Он указывает на отразившееся в русском искусстве и книжности соединение исповедующего культ природы древнего язычества с христианством, что придает своеобразие и неповторимость культурному облику нашего отечества.

Основой культурного своеобразия России, по утверждению Иванова, стало также «объединение рас», народов, говорящих на 168 языках «с великорусским народом в корню». Отвечая западным «культур-философам», утверждающим, что в России не существует нации и поэтому в ней нет национальных, четко выраженных отношений, и отношений между государством и отдельными личностями, Иванов выдвигает идею о существовании двух видов связи между людьми. Западноевропейский тип – это связь гражданственная, установленная по ограничительному, «объединяющему образцу Римского права». Такая связь личности и государства в России, ее особые формы – это дело будущего. В современной России, полагает Иванов, существует иной род связи между людьми и страной, между русским народом и отдельными русскими. Эта связь обусловлена тем, что Россия – не только государство. По мысли Иванова, Россия со временем создаст особую форму государственности, которая в настоящее время только начинает складываться.

Будучи знатоком и ценителем древнейшей культуры Китая и Японии Иванов в то же время трезво оценивал современное политическое и культурное положение этих стран (европеизация Азии), «американизация Японии»). Вместе с тем, несмотря на все противоречия и достижения цивилизации, он полагал, что именно в Азии находится человеческий дух «в его основной форме», что в ней есть многое, чему «не худо бы поучиться и горделивой своим европеизмом Европе».¹ В связи с этим Иванову было близко практическое (экспедиции, изучение источников) отношение к Азии Н.К. Рериха, его стремление понять ее во всех противоречиях соединения красоты и отталкивающих сторон - нищеты, жестокости и невежества.

Немногим ранее идеи о ценности культуры Азии, родственные Иванову, высказывали известный харбинский синолог, член Общества Русских Ориенталистов П.В. Шкуркин, издававший китайские легенды и этнографические рассказы. В предисловии к своей книге «Легенды истории» он сформулировал задачи издания, среди которых он выделял указание на неизвестную читателю духовную связь европейца с древним китайцем, на «сомнительность прогресса европейскогоума и нравственности» и параллели между современными эзотерическими учениями и древней мистикой.² Наряду с этим Шкуркин подчеркивал ценность народных песен, сказок, легенд для постижения «души народа», особенностей его национального мышления. Это знание, по словам ученого, может дать «ключ к уяснению многих непонятных на первый раз поступков и решений, как отдельных лиц, так и общественных группировок, партий и даже правительства»³.

Мысли о необходимости изданий сокровищ мирового искусства, фольклора, классики как пути к объединению и взаимодействию людей нашли воплощение в издании сказок «про Василису прекрасную, про Серого Волка и Ивана Царевича», которое предпринималось в Харбине под редакцией Вс. Н. Иванова «для целей

¹ Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Рерих - художник-мыслитель. М., 1991. С.299.

² Шкуркин П.В. Легенды в истории. Харбин, 1922. С. 6-7.

³ Шкуркин П.В. Хунхузы. Этнографические рассказы. Харбин, 1924. С.1.

сердца народа».

Согласно Иванову, уникальность русской культуры обусловлена единением различных течений, в русле которых происходит слияние европейских и восточных традиций. Западная культурная линия, выступает в России как скандинавская, о чем говорят «богатые находки Чернигова», «памятники Волховские и Верхне-Волжские», вся культура «северных побережий». «Напиталось соками Ганзейской культуры» и благородное искусство Новгорода и Пскова. На два десятилетия раньше, чем евразийцы, по мнению Иванова поставил вопрос о значении татаро-монгольского ига, так называемой «татарщины», для России Н.К. Рерих. Он указал на ошибочность восприятия этого времени как «каких-то мрачных погромов». «Забывается, - передает Иванов мысль Рериха, - что таинственная колыбель Азии вскормила этих диковинных людей и повила их богатыми дарами Китая, Тибета, всего Индостана. В блеске татарских мечей – Русь слушала сказку о чудесах, которые знали когда-то хитрые арабские гости Великого Пути в Греции»⁴.

Прослеживая этапы творческой биографии Рериха, Иванов рассматривает пути, по которым в жизнь художника входил Восток. В связи с этим Иванов справедливо указывает на роль В.В. Стасова, который не только открыл «поля древности» молодому Рериху, но и в своей нашумевшей работе «Происхождение русских былин» («Вестник Европы», 1868, №1-4, 7) настаивал на восточных (гл. образом, индийских) первообразах русских былин. Воспринимая Стасова как своего идеального предшественника, Иванов некритично (без учета того, что резкие высказывания Стасова были во многом обусловлены идущей в то время острой полемикой) пересказывает, чему «русский мыслитель учил почти 80 лет тому назад», указывая, какими путями распространялось влияние Азии на русскую культуру. Влияние шло «через посредство тюркских и финских народов из Средней Азии, через Сибирь», из Индии, Ирана – через буддийские влияния средне- и западно-азиатских народов, через культуру Византии, которая «в основе своей имеет малоазиатский элемент, смягченный греческой культурой».⁵

Вместе с тем следует подчеркнуть, что понимание Азии, Востока внутри самого евразийского движения имело свои отличия. По справедливому замечанию С. Ключникова, евразийцы по-разному оценивали значение духовно-исторических связей с турецким и индийским Востоком. «Если Л. Карсавин с его идеей «потенциального православия» нехристианских народов, П. Савицкий, В. Никитин и, особенно, Вс. Ник. Иванов, который во многом разделял идеи Н. К. Рериха, отмечали важность российско-индийского исторического и культурного взаимодействия, то Н. Трубецкой представлял антииндийскую ветвь в евразийстве»⁶. Действительно, в основополагающем для евразийства сборнике «На путях. Утверждение евразийцев» (1922) Трубецкой подвергает резкой критике религиозно-философские системы Индии (брахманизм, веданту, санкхью, йогу, буддизм), противопоставляя им христианство.⁷ Что же касается Иванова, то следует заметить, что С. Ключников явно преувеличивает интерес Иванова к индоарийским истокам русской культуры. Хотя Иванов и слушал выступления Рабиндраната Тагора, посещавшего Китай⁸, тем не менее, его понимание Азии

4 Иванов Вс.Н. Огни в тумане...с. 262.

5 Иванов Вс. Н. Огни в тумане...с. 296.

6 Ключников С. Восточная ориентация русской культуры//Русский узел евразийства. Восток в русской мысли: Сборник трудов евразийцев. М., 1997. С. 54.

7 Трубецкой Н.С. Религии Индии и христианство// На путях. Утверждение евразийцев. Книга 2-я. М.-Берлин, 1922. С. 204.

8 Иванов – Ардашев В.В. Эхо Русского зарубежья. Хабаровск, 2007. С. 11.

связано, прежде всего, с Китаем, о чем свидетельствуют и все его последующие художественные и публицистические произведения.

Позиция евразийцев по отношению к Востоку при общем признании восточных истоков русской культуры отличалась от взглядов Рериха признанием вслед за славянофилами ее исключительно православной основы. В то время как взгляды Рериха при наличии «православных мотивов» определялись прежде всего идеями пантезизма, индуизма и буддизма. Для евразийцев, по словам Трубецкого, был неприемлем «поворот к Востоку», понимаемый как призыв усвоить восточные религии. Подходить к «мистике Востока», имеющей «громадную притягательную силу для каждого европеизированного русского интеллигента», Трубецкой предлагает с точки зрения христианской доктрины⁹.

Наставая на православной основе культуры России-Евразии, евразийцы выступали также против главного тезиса либеральной философии о том, что высший фазис развития культуры предполагает окончательную секуляризацию и «отрыв от этической базы» (П.Н. Милюков). Такую же остроту имел для евразийцев и вопрос о конфессиональных различиях внутри христианства, обусловленный критической оценкой западной культуры в целом. Проблеме отношений православия и католицизма посвящен отдельный сборник статей евразийцев «Россия и Латинство» (Берлин, 1923). Во многом разделяя евразийские идеи относительно роли православия в русской культуре и государственности, Вс.Н. Иванов расходится с евразийцами в вопросе об отношении к католицизму в XX веке. В своем докладе «Философия Владимира Соловьева» в вопросе о возможном объединении западной и восточной христианских церквей он занимает экуменическую позицию В.С. Соловьева, видя подтверждение ее правильности в современной жизни.¹⁰

В духе идеологии Серебряного века Иванов выдвигает на первое место в познании всеобщих культурных связей искусство, расширяя его функции до религиозных. Противопоставляя в области народности русское искусство и философию, он утверждает, что, в отличие от философии, которая была чужда всемирному, «подлинно русскому началу», русское искусство дало в XIX в. образцы «вполне и бесспорно народные». Творчество Мусоргского, Римского-Корсакова, Бородина, Репина, Сурикова «блестательно доказывает это».¹¹

В «Деле человека» в контексте гносеологической тематики и диалектики законов инвентивных и конститутивных искусство рассматривается Ивановым как особый род знания, который способен дать представление о том, что «нельзя пощупать руками». Это сферы психологии и этики. Здесь получает развитие высказанная ранее мысль Иванова о значении русской классики в передаче неповторимости русского национального характера. «В произведениях Тургенева – перед нами развертывается мир природы, - мир национального родства, и глубоких, подчас страшных, подчас мистических прозрений видим мы в произведениях Лескова»¹²..

Искусство, по убеждению писателя, играет незаменимую роль в познании России. Отечественные статистика, история с ее схемами, география, этнография, «разработанные научные понятия» в книгах по экономике, культурной философии,

⁹ Трубецкой Н.С. Религии Индии и христианство // На путях. С. 179.

¹⁰ Иванов Вс.Н. Философия Владимира Соловьёва. Оттиск из газ. «Русское Слово». Харбин, май 1931 г. с. 18.

¹¹ Иванов Вс. Н. Философия Владимира Соловьева. с. 2.

¹² Иванов Вс. Н. Дело человека. Опыт философии культуры. Харбин, 1933. с. 125.

праву – все это не дает знания о России и ее народе. «Литература, музыка, живопись – вот та триада, которая Россию действительно познавала и давала знать другим»¹³. XIX век русской культуры дает «целый поток» великих имен – от Пушкина и Гоголя до Достоевского, Островского, Толстого, Вл. Соловьева, Чехова, Андрея Белого, Ал. Блока, которые превзошли Запад «по интуитивному размаху» и глубине своего творчества.¹⁴

Искусство, по убеждению Иванова, способно решить величайшую проблему культуры, проблему объединения народов на основе понимания и служения прекрасному, на «почтании плодов творчества человеческого».

Как русский писатель Иванов является продолжателем замечательной литературной традиции, которая имеет «глубокие духовные корни и не поддается сугубо рациональному толкованию». Речь идет о последнем художественном произведении Иванова – «Александр Пушкин и его время» (1970). Уже первые рецензенты, оценивающие это сочинение, единодушны в признании того, что автор показал «чрезвычайно широкое историческое мышление» поэта, его «великий государственный ум»¹⁵. По словам С.И. Якимовой, «Пушкин...» стал для Иванова серьезнейшим поводом поразмышлять об истории русской культуры, ее истоках и изломах, истории своей страны и государственности с тем, чтобы яснее видеть будущее¹⁶. Действительно, в своем последнем крупном произведении писатель как бы возвращается к главной теме всего своего многожанрового творчества – теме русской государственности, русской истории и культуры в их сложной взаимообусловленности и взаимодействии, что особенно ярко проявлялось в сильных, гениальных натурах.

В заключение следует подчеркнуть, что в органичной для евразийцев теме «Восток-Россия-Запад» Вс.Н. Иванов, стремится обосновать с помощью многочисленных (и иногда весьма спорных примеров) особую близость китайской и русской культур. Он указывает на родство славянского язычества с традициями Азии, на особую роль русского искусства, способного воспринимать и развивать восточные и западные влияния, создавая тем самым возможность для встречи Запада и Востока.

13 Иванов Вс. Н. Огни в тумане...с. 245.

14 Там же.

15 Николаев П.А. Предисловие // Иванов Вс. Н. Александр Пушкин и его время. Хабаровск, 1970. С. 5.

16 Якимова С.И. Жизнь и творчество Вс. Н. Иванова в историко - литературном контексте XX века. Хабаровск, 2001. С. 222.

930.85:130.2

Гузенина С.В., Краснова Л.В., Сухомлинова М.В., Гузенина Е.О.

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ

Аннотация: Статья посвящена феномену культурного наследия как совокупности материальных и нематериальных ценностей, помогающих распространять традиции, созданные предыдущими поколениями. Это достижения прошлого, исторический опыт общества, который всегда обладает ценностью и отражает неразрывную связь поколений и времен.

Ключевые слова: культура, наследие, память, история, опыт, традиция, прошлое, материальное, духовное, ценности, трансляция, связь поколений.

ON THE ISSUE OF CULTURAL HERITAGE

Annotation: The article is devoted to the phenomenon of cultural heritage as a set of tangible and intangible assets, helping to spread the tradition started by the previous generations. This achievement of the past, the historical experience of a society, which always has value and reflects the inextricable link between generations and times.

Keywords: culture, heritage, memory, history, experience, tradition, history, material, spiritual, values, broadcast, communication of generations.

Понятие «культурное наследие» появилось сравнительно недавно, в конце прошлого века, и до сих пор в полной мере не разъяснено. Но, если раньше оно включало в себя в основном памятники материальной культуры, то в последние годы это понятие значительно расширилось. Официальное определение культурного наследия – повод для дискуссий среди ученых [1]. Появление феномена связано с принятием 16 ноября 1972 г на XVII сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО Конвенции ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия», которая стала основой всех последующих инициатив, связанных с нововведенным понятием. В Конвенции впервые приводится состав культурного наследия, оно включает предметы материальной культуры, памятники, группы зданий и территории, обладающие различной ценностью, включая символическую, историческую, художественную, эстетическую, этнографическую или археологическую, имеющие научное и общественное значение [2, с. 290–302].

Обобщая несколько определений, можно сделать вывод, что культурное наследие – часть материальной и духовной культуры, материальные и духовные ценности, созданные прошлыми поколениями, а также историко-культурные территории, значимые для сохранения и развития самобытности народа и его вклада в мировую цивилизацию, объекты, выдержавшие испытание временем и передающиеся поколениям как нечто ценное и почитаемое.

В широком смысле, культурное наследие – материальные и духовные ценности, значимые для человечества в целом [3]. Это, несомненно, достижения прошлого, исторический опыт общества, который всегда обладает ценностью и отражает неразрывную связь поколений и времен. Культурное наследие помогает передать культурный опыт и ценности от предыдущих поколений последующим, и в этом процессе очень важна преемственность, именно она осуществляет связь между прошлым и настоящим и участвует в процессе трансляции культурного наследия в современном мире.

Материальное культурное наследие – это исторически важные для архитектуры, искусства и науки объекты, которые можно осознать, то есть памятники истории и культуры [4]. В настоящее время формы культурного наследия достаточно разнообразны; к материальному культурному наследию относят здания, памятники архитектуры, садово-парковые и архитектурные ансамбли, достопримечательные места, картины, тексты, изобретения.

Определение нематериальному культурному наследию ученые пытались дать на протяжении нескольких десятилетий. Можно сказать, что под этим термином понимаются все формы традиционной и популярной культуры, т.е. коллективные произведения конкретного сообщества, передаваемые устно или с помощью жестов и изменяемые с течением времени в процессе коллективного творчества. Нередко в прошлом и в настоящем нематериальное культурное наследие приравнивают к фольклору, но если ранее «фольклорная» модель ориентировала исследователей на документирование и сохранение записей об исчезающих традициях в письменных документах, то в настоящее время новая модель нацелена поддерживать живые традиции путем создания условий, необходимых для их воспроизведения. Стала признаваться особая ценность «носителей», трансляторов традиции, их внешности и среды обитания. Основной задачей становится не только коллекционирование отдельных элементов нематериальной культуры, но сохранение всей системы как живой целостности.

[5, с.13-17]. Нематериальное культурное наследие, будучи сложной формой существования культуры, можно определить не только как культурный опыт, который принадлежал ушедшим культурным эпохам и потерявший своих живых носителей, но как наследие культуры, с неизбежностью подвергающееся современным интерпретациям.

Образно данную проблематику обозначил один из создателей современной герменевтики П. Рикёр: «Наследие не есть запечатанный пакет, который, не открывая, передают из рук в руки, но сокровище, откуда можно черпать пригоршнями и которое пополняется в самом этом процессе. Всякая традиция живет благодаря интерпретации; собственно, этой ценой она продлевается, то есть остается живой традицией» [6,с. 38].

В состав нематериального культурного наследия входят обычаи, устные традиции, обряды и ритуалы, праздники, танцы, музыка, традиционная медицина, кулинарное искусство. А также особые навыки, связанные с материальными аспектами культуры, такими как орудия и жилища, и, конечно, фольклор, язык. В общем, все то, что отражает историю развития природы и культуры, признается ценным в научном и религиозно-духовном, экологическом, археологическом, антропологическом, этнологическом, эстетическом и просветительском отношении. Все то, что рассматривается как национальное достояние, которое вносит свой вклад в процессы передачи и воспроизведения культуры для каждого нового поколения граждан [7].

По мнению В. М. Массона, культурное наследие представляет собой сложное и многогранное понятие, которое охватывает различные проявления материальной культуры, интеллектуальную деятельность и ценностно-поведенческие ориентации. Таким образом, в отдельности можно рассматривать художественное наследие, наследие лингвистическое и даже наследие политическое. На ранних стадиях культурное наследие в существенной мере связано с адаптационными процессами в обществе и в культуре, в ходе усвоения разнообразных экологических ниш, когда формируется оптимальная форма их адекватной эксплуатации. В то же время, в отличие от животного мира, в обществе, в особенности под влиянием технического прогресса, нарастают силы, сами оказывающие обратное влияние на окружающую среду, с приспособлением ее к своим потребностям и склонностям. Именно поэтому культурологи анализируют общество как адаптивно-адаптирующую систему [8].

Культурное наследие рассматривается как одна из характеристик и способов рассмотрения самой культуры, а также как ее своеобразная «память». Именно наследие составляет основу информационных кодов, обеспечивающих «производство», накопление и трансляцию информации в человеческой цивилизации. Следовательно, создается система взаимосвязей между культурой, наследием и информацией, функционирование которой и позволяет воссоздавать и улучшать достижения культуры для новых поколений человечества.

Информационную составляющую культурного наследия рассматривает М. Е. Кулешова. По ее мнению, наследие можно анализировать как информационный потенциал, заключающийся в явлениях, событиях, материальных объектах, и необходимый человечеству для своего развития, а также сохраняемый для передачи будущим поколениям.

Информационно-временной аспект в определении понятия наследия выделял также Д. С. Лихачев в своей работе «Декларации прав культуры»,

понимая под ним форму закрепления и трансляции совокупного духовного опыта человечества. При этом, с точки зрения Д.С. Лихачева, следует разделять две стороны:

- духовную (язык, идеалы, обычаи);
- материальную (музейные, архивные, библиотечные фонды, памятники археологии, архитектуры, науки и искусства, памятные знаки, сооружения, ансамбли, достопримечательные места и другие свидетельства исторического прошлого, уникальные ландшафты, совместные творения человека и природы, современные сооружения, которые представляют особую ценность с точки зрения истории, искусства или науки) [9, с. 41].

Культурное наследие предоставляет возможность совместно заботиться о своей, требующей защиты, хрупкости, и тем самым содействует формированию в местном сообществе чувства ответственности и уважения к знаниям и ценностям тех, кто живет рядом. Социальная сплоченность, таким образом, формируется через процесс заботы о наследии, а не через прославление какого-либо его конкретного аспекта.

Культурное наследие – фактически главный способ существования культуры, и то, что не входит в него, в итоге перестает быть культурой и прекращает свое существование [10]. Каждый элемент из культурного наследия является неповторимым звеном исторического целого, который может быть очень важен для познания человечества и потерю которого возместить невозможно. Сохранение культурного наследия в какой-то степени совпадает с сохранением культуры вообще, поэтому беречь и сохранять культуру – обязанность людей, поскольку лицо общества отражается в ценностях. Можно сказать, что культурное наследие в какой-то мере есть совокупность ценностей, которую помогают распространять традиции, созданные предыдущими поколениями. Такие традиции очень важны для сохранения культуры и достижения культурного прогресса [11].

Наследие – образ, осуществляющий не только специфичные защитные культурные функции или же функции идеологического подкрепления в ходе новой традиции; он явно объединяет различные культуры – чаще всего разновременные, разделенные в историческом времени веками и тысячелетиями, а иногда разделенные и в географическом пространстве. Здесь в действие вступает культурная память, которая основывается на собственных механизмах воспроизведения – как сакрального, так и профанного происхождения.

Такие механизмы являются избирательными: культура не вбирает в себя все, она не может этого сделать даже не в силу технической невозможности и непредставимой трудоемкости (хотя, подобные факторы являются очень важными, а на ранних этапах развития попросту решающими), но в силу самой культурной целесообразности: каждая культура старается продлить во времени и удержать, расширить в пространстве лишь то, что феноменологически устанавливает и представляет ее целостный образ, фундаментальные черты такого образа (даже опосредованно, при помощи наследия другой, предшествующей древней культуры, что всякий раз отражает основные цели ее существования во всей ощущаемой человеческими чувствами и разумом полноте).

Список литературы:

1. Мировое культурное наследие: понятие, проблемы сохранения. [Электронный ресурс]. URL: <http://book-science.ru/social/cultureethnos/mirovoe-kul-turnoe-nasledie-ponjatie-problemy-sohranenija.html> (дата обращения 26.01.2016)
2. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (16 ноября 1972 г.) // Свод нормативных актов ЮНЕСКО: Конвенции и соглашения, рекомендации, декларации. - М., 1991.
3. Основные формы и типы культуры. Место и функции культуры в обществе. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.abc-people.com/typework/art/doc-5.htm> (дата обращения: 26.01.2016)
4. Материальное культурное наследие. Проект доклада «Культурное наследие Российской Федерации: актуальные вопросы», Общественная палата, 23.11.09. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voopik.ru/our-heritage/kinds-cultural-heritage/material/>
5. Киршенблatt-Гимблет Барбара (Перевод с англ. В.Г.Ананьева). Вопросы музеологии. – 2013. - №7.
6. Рикёр П. Конфликт интерпритаций: Очерки о герменевтике; пер. с франц. – М.: Медиум, 1995.
7. Федоров А.А. Введение в теорию и историю культуры. Словарь. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.terme.ru/dictionary/1019381/word/nasledie-kulturnoe> (дата обращения: 26.01.2016).
8. Массон В. М. Культурное наследие Кыргызстана и культурная интеграция // Диалог Цивилизаций Выпуск III – Развитие государственности в условиях взаимодействия кочевых обществ и оседлых оазисов в зоне Великого Шелкового пути. – Бишкек 2003. – С. 11.
9. Кулешова М.Е. Понятийно-терминологическая система «природное культурное наследие»: содержание и основные понятия//Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов. Сборник научных трудов. М.: Изво РНИИ культурного и природного наследия, 1994.
10. Сохранение культурного наследия. Сохранение культуры как одна из глобальных проблем современности. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/sohranenie-kulturnogo-naslediya.html> (дата обращения: 26.01.2016)
11. Евдокимов В.В., Вишнёва О.С. Международная практика и новые тенденции сохранения культурного наследия в условиях глобализации. [Электронный ресурс]. URL: <http://articlekz.com/article/4534> (дата обращения: 26.01.2016)

316.347:316.7]:130.2
130.2:[316.347:316.7]

Макарцева Н.Н.

ТРАДИЦИОННАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация: Статья посвящена осмыслиению возможности гармоничной модели развития современной цивилизации, которая предполагает движение через преемственность и установление системных связей между фундаментальными идеями и ценностями традиционной культуры и новой, формирующейся парадигмы мышления единства и взаимосогласованности всех элементов системы «природа-общество-культура-человек».

Ключевые слова: этническая культура, человек, цивилизация, народное, природа, духовность, космос.

TRADITIONAL ETHNIC CULTURE IN THE CONTEXT OF THE URGENT PROBLEMS OF OUR TIME

Abstract: The paper considers the possibility of a harmonic model of development of modern civilization, which involves movement through the continuity and establish systemic links between basic ideas and values of traditional culture and a new, emerging thinking unity paradigm and consistency between all the elements of the system "nature-society-culture-person."

Keywords: ethnic culture, people, civilization, folk, nature, spirituality, cosmic.

Итогом эволюции человеческой цивилизации за двадцать веков стал глобальный системно-структурный кризис. В XXI веке фиксируется усиление хаосогенных тенденций: природных и техногенных катаклизмов; локальных войн, грозящих перерасти в новую мировую; социальной поляризации; межэтнической напряжённости; религиозного фанатизма; неуёмного потребительства; межличностной агрессии.

Духовный кризис девальвировал этические нормы и ценности, превратил их в «красивые речевые реакции», «пудру и румяна» (П.А.Сорокин), маскирующие эгоистические материальные интересы, жажду власти, принципы двойных[стандартов, силового давления, «сверхнационализма» (О. Тоффлер).

Информационное общество стимулирует формирование нового типа Homo – «техночеловека», «эгокомпьютера», который утрачивает интерес к людям, природе всему живому и абсолютизирует неживое (технику, технологии).

В науке кризис проявляется в «природопокорительской» парадигме, соответствующих базовых идеях, ценностях, представлениях; фрагментарной картине мира; «атомизации» научного знания; в социо -, экономико-, техноцентризме и вытеснении философии, онтологии, этики.

Сфера современной культуры трансформируется в «неустойчивое образование», «гибрид», порвавший со своими традициями. Она осмысливается в терминах «мозаичность», «диффузия», «коллоидный раствор» (Н.Е.Покровский).

Особенно остро системный кризис проявился в России. Реформы осуществлялись без учёта национальной специфики путём разрушения до основанья фундаментальных ценностей, отношений; плагиата, копирования западных образцов. Сопровождались кризисом идентификации, дегуманизацией, расколом общества.

«Хрустализация», дисгармонизация современной цивилизации, нарушение допустимых пределов её функционирования свидетельствует о неадекватности господствующей картины мира, парадигмы развития, необходимости формирования новой. Ответом на данные вызовы стало обращение к истокам, устойчивым формам бытия и сознания, актуализация этнического фактора.

Модель развития цивилизации предполагает движение от этапа первоначального синтеза через дифференциацию к новому синтезу. Условием эффективного управления системой с точки зрения кибернетики является достаточно полная информация о её исходном состоянии.

Психоанализ утверждает первостепенную роль раннего детства в жизни человека, необходимость возвращения в это прошлое для решения проблем в настоящем и будущем. Развитие научного знания помогает освободиться от стереотипных представлений об архаических, этнических культурах, как о «диких», «варварских», «примитивных», о дохристианской эпохе как о периоде мрака и невежества.

Ещё на пороге XXI века В.С. Стёpin и Л.Ф. Кузнецова в книге «Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации» отмечали принципиальное изменение отношения современной науки к «организмическому» пониманию мира, признание его в качестве научного принципа» [1, с. 228].

Решающую роль в преодолении экологического кризиса с точки зрения науки системологии может сыграть потенциал традиционных земледельческих культур, в том числе восточных славян. Вектор их развития по сравнению с западными, оказался более стойким, ориентированным не на утилитарность и

прагматизм, а на многомерность, сохранение преемственных связей с культурой собирательства и скотоводства, индоевропейской традицией [2,с.198].

Представляется важным установление преемственных связей между фундаментальными идеями и ценностями новой, формирующейся парадигмы мышления и самой продолжительной, устойчивой эпохой в процессе становления человечества (матриархатом), периодом существования общества и природы в относительном гомеостазе.

Науке известно два базовых уклада культуры: матриархальный и патриархальный (Баховен, Морган и др.). Первый восходит к ценностям всеобщей связи, единства, равенства, братства (мать любит своих детей, все люди – братья, дети одной Матери-Земли). Второй утверждает принцип «любимого сына», господства и подчинения.

Этническая культура как корневая культура этноса (народа) сохраняет в своих недрах глубинный пласт образов, ценностей матриархата, мифопоэтическую парадигму мышления. Она восходит к архетипам смысла, анима-анимус, символам дерева, креста, круга, утверждает связь земного и небесного, духовного и материального, идеи творения, гармонии, плодородия, обновления, возрождения.

Мифологическое сознание – часть мирового достояния человечества. Идеалы братства, справедливости, гармоничных отношений человека и природы сохраняются на протяжении веков в мифе о Золотом веке, воспроизводятся в фольклоре самых разных этносов планеты.

Общие, глубинные основания объединяют народы и культуры. Например, в основе таких на первый взгляд далёких произведений народного творчества, как японское искусство икебаны и русская прялка лежит общее представление о модели Вселенной, синтезе земли, неба и человека.

Русская народная культура не противопоставляла, но интегрировала язычество и христианство, как, например, японская культура синтоизм и буддизм, а китайская даосизм и конфуцианство. В мифопоэтическом образе мира большую роль играли женские божества (берегини, девы-рожаницы, Макошь). На базе культа Богини, Матери-Сырой-Земли возник кult Богородицы. Высшие ценности народа объединялись вокруг образа женщины-матери, её любви и самопожертвования.

Этническая культура отличалась особой природособразностью,озвучностью мира человека миру окружающей среды, космического пространства. Изба воспринималась своеобразным древним храмом, созданным в соответствии с законами мирозданья, жизнью которого руководил хозяин – «служитель культа», «огнищанин». Праздничный народный костюм женщины выражал модель устройства Вселенной (Б.А. Рыбаков). Система обрядов вписывала человека в природно-космические ритмы.

Народный месяцеслов – уникальный памятник истинной любви к природе, результат фантастической наблюдательности, «чувствознания» народа. Не имея никаких приборов, образования простой русский мужик приметил, что «...на Мануила Солнце застает». Совсем недавно с помощью специальной аппаратуры астрономы подтвердили факт: в это время наша планета действительно замедляет своё движение вокруг Солнца [3,с.4].

Народная культура учila терпимости, трудолюбию, взаимопомощи, проявлению активности. Духовное и материальное в ней не отчуждалось, а

объединялось. Большое значение придавалось мысли. Считалось, что нечистые мысли по отношению к чему-либо оказывают негативное воздействие на человека и сообщество. Поэтому перед тем, как начать какое-нибудь дело, отправиться на промысел, надо было очиститься не только физически, но и духовно.

Чувства, эмоциональные состояния выражались в непревзойдённых по красоте и силе формах – колыбельных, ритуальных песнях, плачах, плясовых и хороводных танцах, детских игрушках, обрядах и традициях.

Этническая культура выражала доминирование центробежных тенденций над центростремительными, обладала технологией воспитания патриотизма, творчества, преобразования эгоистической направленности в альтруистическую.

Несмотря на реальные достижения и огромный потенциал русская народная культура, как правило, недооценивалась, воспринималась как нечто архаичное, вне связи с проблемами перехода на новый уровень мышления и развития.

Мыслители Серебряного века осознавали необходимость в эпохе синтеза, роль России в этом процессе. Н.А. Бердяев в работе «Новое средневековье» писал об исчерпанности потенциала мужской рациональной культуры и наступлении новой универсалистической, коммуналистической эпохи.

В.В. Розанов утверждал, что именно «мужской путь» привёл народы Европы к вырождению и видел выход в «переработке» цивилизации, приближении её к женскому типу [5,с.243]. Д.С. Мережковский выдвинул идею о Третьем Завете – Завете Святого Духа или Матери, которая и спасёт мир [6,с.292].

С точки зрения современного естествознания (концепции «купающейся Земли» Полетавкина-Кулenkовича) наша планета постоянно испытывает удары со стороны радиоактивного пояса галактического излучения, который, с одной стороны, ставит под угрозу её существование, а с другой обеспечивает Землю необходимой энергией.

Устойчивостью к этим ударам обладают радиорезистентные организмы. Их деятельность обеспечивает тенденцию сохранения, объединения, согласованности, которая соотносится с «женской резистентной ветвью». Мутации, поиск, разрыв связей, движение вперёд отличают «мужскую нерезистентную ветвь». Оптимальное функционирование системы предполагает гармоническое взаимодействие двух подсистем, но в условиях кризиса «...важнейшей задачей биосфера становится сохранение и поддержание радиорезистентной формы» [7,с.177].

Модели естествознания подтверждаются примерами из истории человеческой цивилизации, о которых пишет Ю.И. Семёнов [8,с.132]. В эпоху палеолита, исчерпанности потенциала праорудий, остановки прогресса у архантропов(предлюдей) произошла трансформация отношений доминирования на коммуналистический тип отношений, соответствующий ценностям более высокого порядка (равенства, справедливости, права каждого на жизнь). Она продолжалась длительное время и в критический момент позволила наложить табу на право сильного отстранять любого другого от доступа к пище.

Это сохранило жизнь тех особей, которые не отличались физической силой, но обладали важными для эволюции способностями; обеспечивало разнообразие и выживаемость сообщества в целом. В итоге произошёл величайший скачок: появился вид Homo Sapiens. Ни одна последующая эпоха не могла превзойти данный качественный результат.

К началу третьего тысячелетия наблюдается та же ситуация, но на новом витке. Сильные, используя военное, экономическое, политическое, идеологическое давление захватывают природные ресурсы, принадлежащие другим народам, ограничивают доступ к высоким технологиям, право на жизнь, медицинское обслуживание, образование миллионов людей. Сможет ли человечество осознать важность момента, воспроизвести с учётом сегодняшнего времени успешный способ выхода из кризиса, обеспечивающий появление нового, более совершенного вида Homo?

В синергетике переход от стабильности к неустойчивости связывается со снижением параметров порядка. Отсюда возрастание значения глубинных факторов, архетипов, обеспечивающих устойчивость, интеграцию системы, структурирующих мышление. Космос народного сознания вбирает в себя весь мир на началах равноправия и толерантности, преемственности, уважительного отношения к прошлому, традициям.

Тенденция к сохранению, «возвращению» в условиях отсутствия доминирования, нелинейного, циклического восприятия времени не ведёт к застою, остановке движения. Синтез фрагментов картины мира, этапов развития, позволяет обнаружить преемственность фундаментальных идей и подходов.

Мифопоэтическая идея связи человека и природы, космоса, гармонии начал на новом витке эволюции развиваться в концепциях «глубинной экологии», русского космизма, «всеединства» В.С. Соловьёва, органицизма В.В. Докучаева, В.Н. Сукачёва и др., трансформации биосферы в ноосферу В.И. Вернадского, согласованности космических и социальных ритмов А.Л. Чижевского, «коэволюции» Н.Н. Моисеева, «синергизма человека и космоса» В.И. Самохваловой, «Социоприродной гармонии» А.И. Субетто и др.

Ценности матриархального уклада культуры – в идеях и концепциях христианского государства В.С. Соловьёва, коллективного разума В.И. Вернадского, «общего дела» Н.Ф. Фёдорова, социальной гармонии. Особая роль женского начала – во взглядах мыслителей Серебряного века, в концепции экогеизма В.А. Зубакова, «живой логики» К.И. Шилина и др.

Русский космизм объединяет с русской этнической культурой возрождение на новом уровне целостного подхода к осознанию «живого Всеединства космоса», диалектического единства духа и тела как альтернативы их отчуждения, дуализма. Ноосферная идеология не отбрасывает достижения цивилизации, а расширяя сознание увязывает их с идеей единства и взаимосогласованности всех основных элементов системы.

Переход к новому витку эволюции связан с переходом науки от этапа дифференциации к этапу синтеза, с изменением характера антропогенеза, духовной сферы общества. Движение вперёд невозможно без опоры на позитивный опыт прошлого, восстановления преемственных связей этнических культур с современными достижениями. Осуществление этого синтеза создаёт условия для разработки более объективного прогноза, отбора адекватных теорий и путей решения глобальных проблем.

Список литературы:

1. Стёpin B.C., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – M.: РАН ин-т философии, 1994. – 272с. <http://www.twirpx.com/file/874489/>
2. Мелкумова Е.Р., Мельников Г.П. Устойчивость систем и феномен человека / Культура и экология. Поиск путей становления новой этики./А.Зотов, Е.Чичнёва, И.Василенко, Н.Моисеев и др. – M.: Интеллект, 1996. – 240 с.
3. Народный месяцеслов: пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде / Сост. Г.Д. Рыженков. – M.: Современник, 1991. – 127 с.
4. Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье – M.: Изд-во «Канон+», 2002. – 448 с. http://www.odinblago.ru/smisl_istorii
5. Мережковский Д.С. Тайна трёх: Египет и Вавилон. – <http://detectivebooks.ru/book/11910651/>
6. Розанов В.В. Религия и культура. Сочинения в 2-х т.Т.1. – M.:Правда,1990. – 635с.
- 7.Проблемы ноосферы и экобудущего: материалы междисциплинарных дискуссий. Вып.1 / Под ред. Ю.В. Яковца. – M..Б.и.,1996. –367 с.
8. Семёнов Ю.И. На заре человеческой истории. – M.: Мысль,1989. – 296с.

Пантелеј Кондратјук
МСУ „Г. Р. Державин“ – Свети Николе,
pane_kon@yahoo.com

**НЕВИДЛИВИОТ ДИСКУРС НА СМРТТА ВО
КНИЖЕВНОТО ТОЛКУВАЊЕ – „ФИЛОСОФЕМА
НА ЧИСТИОТ ИДЕНТИТЕТ НАРЕЧЕН СМРТ“ ОД
АВРААМОВАТА ЖРТВА СЕПАЛЕНИЦА НА СИНОТ
ИСААК ВО ЈУДЕОХРИСТИЈАНСКОТО ПРЕДАНИЕ, ДО
САМОУБИСТВОТО НА ПИСАТЕЛОТ ВО ХОЛОКАУСТОТ
НА СОПСТВЕНОТО КНИЖЕВНО ПИСМО**

**THE INVISIBLE DISCOURSE OF DEATH INTO LITERATURE
INTERPRETATION – „ PHILOSOPHEME OF THE PURE IDEN-
TITY DEFINE AS DEATH“ WITH THE START POINT FROM
THE ABRAHAM'S BURNT OFFERING OF ISAAC INTO JU-
DEO CHRISTIAN WRITTEN TRADITION UNTIL THE WRI-
TER'S SUICIDE INTO THE HOLOCAUST OF ITS OWN LITE-
RARY DISCOURSE**

Резиме: Основниот мотив за избор и приложување на оваа тема се рабовите на европскиот културен дискурс во врска со феноменот на смртта препознаван низ философски, историски, религиозни, психолошки, политички, интертекстуални и феминистички толкувања користејќи ги примерите на Т. Адорно, С. Кјеркегор, С. Фројд, Ф. Достоевски, В. Вулф, С. Плат...

Предизвикот, паќ, за обработка на една толку деликатна тема првенствено е приговорот на совеста поради кошмарните векови од модерното историско време, неговата духовна испразнетост - профанизација на светот и диктатурата на разумот, чии нарации на крајот завршија со Аушвиц, како последна нарација пред која замираат и самите зборови. Во оваа смисла, сама по себе се наметна потребата да се отвори Пандорината кутија и да се истражи феноменот на смртта во различен контекст, со цел, да се потврди местото на литературата која на провокативен начин ги артикулира овие прашања, но исто така (не развивајќи претензија кон абсолютен одговор), да ги постави своите меѓи и своите крајни дострели.

Клучни зборови: философема на чистиот идентитет наречен смрт, безалтернативен архетип на чистиот идентитет наречен смрт, жртва сепаленица/холокауст

Abstract: The fundamental motivation to select and expose for such a topic is fixed with the very edge of European cultural discourse firmly related with the phenomenon of death recognized thru the widespread scale of interpretation frequently used in philosophy, history, religion, psychology, politic, intertextual and feminist interpretation using the magnificent example of: T. Adorno, S. Kierkegaard, S. Freud, F. Dostoevsky, V. Woolf, S. Platt...

The objection of the consciousness of the events which went past in modern history was the primordial challenge for shaping such a delicate content - profanation of the world and dictatorship of reason which well possessed narrations, at the end finished with the concentration camp as the final discourse upon which the human word petrifies. In this context, the necessity for opening the Pandora box has imposed in order to investigate „the death phenomenon“ in a variety of contexts to achieve the goal – how did the literature articulates this questions in a provocative manner, and in the same time, not developing an ambition for an answer as an pretention synonym for the absolute, but, above all, to impose the enigma as a scratch from which will burst variety of possibilities.

Keywords: philosopheme of the pure identity define as death, non - alternative archetype of pure identity called death, the burnt offering vs. holocaust

Да се пишува за културата, после настаните во Аушвиц е вистинско варварство, оваа мисла на Теодор Адорно во неговата „Негативна дијалектика“ ја загатна темата за невидливиот дискурс на смртта, поставувајќи ја како централна точка на среќавање на различни идеи, теории и концепти. Тезата содржана во насловот не ја загатнува литературата, и започнува со философско-етичкиот дискурс на векот, Теодор Адорно vs Серен Кјеркегор пронижувајќи ја сржта на човековата егзистенција и на самата култура. Контекстот на нивното дискурзивно пронижување го повнатрешнува, длабејќи ја темата на смртта, од една страна - приговорот на совеста поради огромното страдање и насилината смрт, а од друга, феноменот на културата, а во тој ред и на книжевноста, во историски координати, но и надвор од нив, во трансценденталното, во есхатолошкиот дискурс на монотеизмот како единствен излез од лавиринтот од стапици на разумот поради што и ќе произлезат големите крвопролевања на XX-от век.

Најнапред, збор-два за философемата на смртта, или како што ја нарекува самиот Адорно, „безалтернативен архетип на чистиот идентитет наречен смрт“. Според Адорно, философијата требаше да биде единствен медиум кој го поседува херменевтичкиот клуч на разбирањето на смртта, но притоа изземајќи ја структурата на раскажувачкиот текст, така што философемата на смртта, исклучувајќи ги религиозните, книжевните, етички парадигми, исклучувајќи го јазикот како структура од знаци од самата себе, самата себе се осудува на безизлезнот и трагичен солипсизам не можејќи да го издржи тестот на историското време, особено без учество на епистемологијата, но пред сè, без самата книжевност, нејзиниот јазик и писмо како куќа на битието. Обидот да се возобнови историската невиност на ексклузивно философски фон се покажа невозможен. Според тоа, текстот станува предизвик на културата, текстот како облик на преживување vs адорновото просто хумано - навидум рамнодушната незаинтересираност на читателот во целост да се стопи со личната траума на авторот. Философскиот текст поsegнува по најдалечните рубикони на значења

кои самиот ги поставил, а тоа е стравот од смртта, кој после Аушвиц стана многу повеќе од страв од умирање. Философемата на чистиот идентитет на смртта на Адорно ги исцрпува своите значења во културата и во историјата, таа спори со панлогизмот на Хегел, во изедначувањето на битието и мислењето ја изложува историската цензура, расцепканоста на битието, распадот на свеста, ја проблематизира сувереноста на мислењето, а културата ја соединува со смрдеата на распаднатите, првично задушени од гасот циклон – Б, а потоа изгорени тела. Згрозувајќи се над таа смрdea и самата култура засмрдува, или како што би рекол Бертолд Брехт, палатата на културата е изградена врз кучешки отпадок.

Овој труд го постави во фокусот на анализата и притоа го препозна каменот на препнување: религиозниот, наспроти историскиот тип на говор. Религиозниот, или како што тоа самиот Адорно го описува е на рамните на претчувство: „Теолошко наследство на уметноста како секуларизација на откровението - идеал и граница на секое дело“, евклибрира меѓу човековото време и вечноста, не ги објаснува причините, туку ги приближува до конструкциите на разумот; зошто човекот е таков каков што е: културен, сексуален, и особено-смртен, нарација која завршува сè до мигот на нејзиното внатрешно самопорекнување – смртта на смртта како антилогика на самата смрт, таа врвна дијалектика на крстот пред која замираат сите човечки нарации, или според отец Стефан Санџакоски, во поглавјето за смртта од книгата Богомислие – „дојдете да видите како умира смртта, но и евангелскиот врвен парадокс на св. Силуан Атонски: „држи го својот ум во пеколот и не очајувај“, но и на Достоевски: „Со Христа во срцето, и во пеколот“ мислејќи на тоа дека во близината на Христос пеколот го губи своето дејство, најсоодветно го рефлектира квантниот скок на јазикот од другата страна на културата, воедно и на историјата сфатена во духот на Кант; идиотски тек на нештата човечки. Историскиот тип на говор единствено може да се надоврзе на религиозниот низ призмата на сечовечкото страдање, приближувајќи го до човековиот разум, во философијата како апсурд, како бесмисленост, во книжевноста како оксиморон, како противтежка на невидливите, трагично несовпадливи, со него - есхатолошки содржини.

Оваа развојна линија ги фрагментира големите теми и нарации во едно широко поле од гледни точки, кои не се совпаѓаат, а сепак го наоѓаат своето место во книжевниот текст. Така, текстот може да ги постави во мрежа од контексти и т.н жртва сепаленица во Првата Книга Мојсеева - искушувањето за верноста на Авраам кон Јахве преку крвната жртва на неговиот син Исаак како еден од првите историски настани што описуваат своевиден неслучен холокауст и воедно, конечно разделбасо културата на крвни жртви, култура на смртта од Стариот свет од старозаветната историја како стилска фигура, но и метаисториските перспективи на смртта како невидлив есхатолошки дискурс, кој, не можејќи да се разбере еруптира во различни историски облици на ужаснувачко, кошмарно, а сепак на јаве – страдање. Еден пример вон семитската културна сфера – историското погромување на Карthagena од страна на Рим како геополитички фактор за време на Пунските војни, и есхатолошката точка на синонимно пресекување на жртвата сепаленица – холокауст. Жртвата сепаленица е картагенско магиско обичајно право на тогашните картатегенски свештеници – принесување деца на богот Молох. Рим, иако и самиот политеистичка култура се згрозувал над религијата на жртвопринесување на врвниот бог Молох. Со зборовите: „Ceterum censeo Carthaginem esse delendam“ или „Впрочем, Карthagena мора да се сруши“, римскиот

сенатор Марко Порциј Катон го завршуval буквално секој говор во сенатот, што како резултат довело до замена, од внатрешната ритуална практика - жртвопринесување младенци, во своевиден, однадвор спроведен холокауст врз самата Карthagенска цивилизација.

Парадоксот како логика на историската катастрофа и сечовечка трагедија, поставен во контекст на невидливиот дискурс на смртта не стана поразложлив, но го подотвори прозорецот на можности за спојување различни автори, национални поетики и културолошки парадигми. Реторичкото прашање; Зошто Достоевски не кренал рака врз себе, зошто не се самоубил, и во контекст на своето дело, не создал поетика зад неговите видливи, физички граници, како што тоа своевремено го сторија Вирџинија Вулф, Силвија Плат, Ернест Хемингвеј, Јокуо Мишимо, Марина Цветаева, се крепи на тој ист парадокс, кој единствено е применлив доколку во позадина не се прикрадува невидливиот полнеж на смртта. Оттука беше извлечен трагичен состав на событија чие меѓусебно триење произведе карактеристична јазично-метафорички фигура - „жртва сепаленица“, искована во Библијата, а истовремено потсетува на философемата - чистиот архетип на смртта од XX-от век. Оваа фигура, се наметна како своевиден архетип што патува во времето како невидлив дискурс кој не се дефинира туку се препознава како историска деградација, и како нејзин највисок, најколосален облик-култура на смртта. Во таа смисла, овој историски и религиозен пресек ги потикна размислувањата за коренот на суицидните нагони и ги детронизира премисите поставени од модерната психология. Така, погромот на Карthagena, жртвопринесувањето на Исак или судирот на Исус Навин со Филистеците (Палестинците), од денешна перспектива се преобразува во праслика, архетип кој го заменува рационалистичкиот компензаторски дискурс на модерната епоха, и особено толкувањето на Аушвиц како цензура на историјата, откривајќи притоа нов епистемолошки критериум во сознавањето на историските настани.

Оваа, на прв поглед - бессмисла, или своевидна антилогика, попрво би требало да го подотвори патот за компаративистичка примена на нелитерарни критички и толкувачки области како психоанализата на Сигмунд Фројд фиксирана врз личноста на Фјодор Достоевски, за преку неговите книжевни ликови, особено од романот Браќа Карамазови, со цел, да ја докаже длабоката неврастенија кај писателот или да го спротивстави психоаналитичкиот и религиозниот тип на дискурс. Достоевски vs Сигмунд Фројд го разоткрива судирот помеѓу скриениот дискурс на смртта во самата психоанализа на Фројд, и антиничеанската, антинихилистичка и православна логика на Достоевски. Фројд го напаѓа Достоевски нарекувајќи го Маркиз де Сад на книжевноста, голем садист кон светот, а садомазохист кон сопствените ликови, го напаѓа и христијанскиот Бог на Достоевски и рускиот сотириолошки месијанизам во светот. Во врска со нападот на Фројд за садомазохистичката природа на Достоевски, самиот Достоевски одговара: Јас не сакам и не можам да верувам дека злото може да биде нормална состојба на човекот. Нападот врз христијанскиот Бог, во духот на Кирилов од „Демони“ : Ако се самоубијам станувам Бог, тогаш, Верховенски во името на Фјодор Михајлович ќе поентира со инверзија на истата тема: „Ако постои Бог, тогаш и јас сум бесмртен“. На крајот, самиот Достоевски одговара на описот на Фројд за него како темничар на човечкиот дух со следните зборови откривајќи му ја на Окцидентот словено-византиската антропологија преку етимологијата на именската форма – човек, чоловік, човек, човијек, со – чело – кон – вековите,

или сечовек како противтежа на ничеанскиот натчовечки *Übermensch* и неговиот резон преку позната мисла: „Господ е мртов, сè е дозволено”.

Предностите на компаративните истражувања лежат во откривање на темата низ проследувања на различните национални литератури како романот на „текот на свеста“ на Вирџинија Вулф, темата на мајкоубиството, потенцијал за стилско и книжевно обликување на скриеното сиже на есхатолошка смрт пред смртта како личен акт. Скриениот дискурс на смртта, во романот Господа Деловеј кореспондира; од една страна, со феминистичките толкувачки практики, ги поставува врзувачките нишки помеѓу фригидното тело на Вулф, силувањето од нејзините браќа, нејзината бездетност, и од друга; телото на нејзиниот текст, обидот да напише „чист“, женски текст - писмо, борејќи се против ѓаволовиот симултанизам на „домашниот ангел“ на пишувањето: „Ако не го убиев јас, тој ќе ме убиеше мене. Сакаше да го искорне срцето од моето пишување. Искорнувајќи го срцето од моето пишување, тој сакаше да ме убие мене; срцето на моето пишување е моето срце; јас сум своето пишување, и јас пишувам победувајќи го немиот двојник, метафизичкиот непријател на писмото“. ¹ Хамлетовското - „The letter killeth – буквата убива“, или на Вулф - „не ли е подобро да скокнам од мостот во реката; да се откажам од играта; да објавам дека човечкиот живот е грешка и да му ставам крај?“, е превид којшто во романот „Сопствената соба“ ја чинел Вирџинија Вулф живот во мигот кога писателката ќе ја самопоништи сопствената личност како акт на протест за да го прогласи романот небаре своевиден палимпсест, догма, хроника која не трпи промени и упорствува во тежнението, книжевниот исказ да се промовира во апсолутна вистина, како нејзина лична апсолутна вистина, сепак, порекната од чувството на осквернавеност од самиот живот. Оттука, принципелно се поставува реторичкото прашање; дали актот на самоубиство кај Вулф, Плат и Цветаева може да се протолкува и како осуда и бегство од светот кој постојано ги гонел, постојано ги убивал со своите невидливи бодежи, невидливиот дискурс на смртта. Во случајот Силвија Плат, од гледна точка на поетесата, актот на самоубиството може да се протолкува како приговор над сечовековата совест, или како што самата Плат вели дека попрво претпочита да биде хоризонтална отколку жива, или да се продолжи поетското совершенство надвор од физичките рамки на книжевноста, но со самото тоа што поетот/поетесата не ја исполнува до последен атом сопствената личност како на: Јас Сум Оној Кој Сум, се откриваат вистинските трагични контури на самоубиствениот порив: „Јас попрво би била хоризонтална, јас не сум дрво со коренот на земјата што ги лока минералите и мајчинската љубов како би можела секој март да светкам во лисјето, ниту сум убост во дворот што го привлекува својот дел од извиците „ах“ обоена живописно, несвесна дека наскоро ќе ги загубам своите латици. Во споредба со мене, дрвото е бесмртно, а резето од дворот не е високо, но тоа повеќе не изненадува. Ноќта дрвјата и цвеќето ги шират своите студеникави мириси. Јас течам среде нив, но ниедно од нив не ме забележува... За мене поприродно е да лежам. Тогаш небото и јас сме во отворен разговор а ќе бидам корисна кога конечно ќе легнам. Тогаш дрвјето ќе можат веќе еднаш да ме допрат и цвеќињата да најдат време за мене.“ ²

Невидливиот дискурс на смртта одвнатре го руинирал внатрешниот човек на Силвија Плат; смртта на таткото, комплексот на вина поради своето германство наспроти еврејскиот холокауст/жртва сепаленица од човечки суштства,

¹ Николчина, Миглена. Смисла и мајкоубиство, Скопје: Сигмапрес

² Де Одорико. Од другата страна на животот. стр. 75

брачното неверство на сопругот/поет создава пејзаж на пустошот претвусен во песната Женскиот Лазар: „Умирањето е уметност, како и сè друго, јас тоа го правам извонредно добро“ – тој невидлив личен простор од рушевини повлекол со себе с . Плат не можеше да го преведе пеколниот пејзаж до најситниот атом во поезијата, прозата. Теодор Адорно не можеше да го преведе пеколното искуство преку јазикот и да го преобрази естетското студенило на читателот до лична, сочувствителна, морална катарза без посредство на сознанието дека уметноста, сепак е последната тврдина на религиозното откровение, негова најприфатлива секуларизација во која естетскиот чин и моралниот порив се наоѓаат во хармонично единство.

На спротивниот крај од европскиот континент, она што ќе остане од рускиот културен и цивилизациски модел, од корен ќе го измени нејзиниот традиционален духовен профил. Што се однесува до Марина Цветаева, нејзината трагична погибел е непосреден производ на судирот помеѓу нејзиниот - поетски, и политичкиот - тоталитарен тип на дискурс. Нејзината погибел ќе се зачне во постојаниот егзил, а потоа, и во прогонот кон внатре, кон нејзината поезија. Поезијата на Цветаева, веќе од историска дистанца докажа дека во светот нема подеднакво, рамноправно место за поетскиот јазик наспроти оној на политиката. Едниот, јазик на парадигматични дострели, јазик кој одвнатре ја обновува човечката невиност, и вториот, оној на Макијавели, кој приземјува, ги оправдува средствата за да ја оствари целта по секоја цена, кој кореспондира со смртта, ја дехуманизира културата доколку таа не говори на јазикот што политиката сака да го слушне и прибегнува кон насиlna смрт итајќи кон концентрациони логори, кон жртва сепаленица само за да ја оствари својата цел. Поетиката на Цветаева е поетика на живиот живот преку проширување на метафората и нејзино разлевање во метонимија, поетски инструментариум од фигури кои ги надминуваат бучните фрази на првидниот живот, на светот кој пафта, го бара само своето, се заканува со своите железни тупаници и го раскинува телото на внатрешното битие на убавината. Цветаева постојано се спротивставуваше на дискурсот на смртта, без оглед дали тој потекнува од политички, историски или просто човечки наратив, со поезија чија лирска пренапретнатост го надживува злото во сите историски периоди, затоа, можно ли е дека всушност Марина не ја стави бесилката околу вратот, дека всушност Сталин е тој невидлив дискурс на смртта што ја стави бесилката наложувајќи да се самоубие откако претходно го направи животот жив пекол, а таа прифати, кажувајќи - „да“ на негативната дијалектика: „Јас не сакам да умрам, јас сакам да не бидам“. Книжевната биографија тука ги распосла сопствените дometи, за неа ова прашање е неодговорливо, но затоа одговараат нејзините стихови, истенчени, етерични до прозрачност, но и индикативни според полнежот на бодриот жив живот на Цветаева: Свету! Дај сфати! Пронајдени се в сон поетите законот на звездата и на цвеќињата смислата/ О свету знај. В сон ги спознава поетот пламен законот звезден и формулата на цветот.

Самоубиството на Марина Цветаева е резултат на личната слабост во еден миг да се попушти пред политичкиот дискурс кој претендира кон сеприсутно опфаќање на стварноста, кон тоталитаризмот не како репресија, простачка физичка сила за продолжување до бесконечност на својата идеолошка супстанца, и воедно, код на смртта вграден во нејзината структура како паразит, како механичко повторување-матрица, но како промашување на одандестраното како ништост *par excellence*, мешање на ништоста со небитието во отровен

напиток, есхатолошки инцест, во изопачен дискурс на злoto. Книжевноста не може да надспре дали „домашниот ангел“ не можел да го носи товарот да се биде создадено битие од Јас Сум Оној Кој Сум, Deus causa sui, каузалната врска на падот на ангелот и создавањето на човекот. Крикот на Милтон: „О гробе, молчи, за да не се посрамотам“ е тој егзистенционален грч што требаше да предизвика крвав егзодус за Адорно да осознае: „Копнежот е најврвната идеја на среќата, во која блаженството се разоткрива како самиот копнеж, како вечно гледање на Божеството“ при што и философемата „жртва сепаленица“ ги разоткри своите најдлабоки корени во параболата при событијата, уште подалеку од Авраам и Исаак, во настаните што засекогаш го скорнаа Адама од рајот: „... сè додека не се вратиш во земјата, од која си земен; зошто си земја, и во земја ќе се вратиш!“. Зошто Достоевски не крена рака врз себе? Затоа што не ја претвори својата поетика во алтер – его на Догматика за Света Тројца, не создаде алтернатива на Евангелската вистина, сосема обратно – го вгради самото Евангелие во романот, во сознанието дека книжевноста не може да биде *Creatio et nihil nito* ниту сама по себе, ниту сама за себе, дека без Евангелието книжевноста нема полнота, без Евангелието кое единствено може да надспре во светот на одандестраното и да даде одговор на т.н клети прашања: „Кој сум? Од каде сум? Каде одам?“, но не како опис, пилатовска дефиниција од самодоволниот разум, туку како препознавање: Убавината ќе го спаси светот, мислејќи на Убавината како Личност, на Онаа Вистина што ослободува, и поради тоа е Убавина: „Јас сум воскресение и живот; кој верува во Мене, и да умре, ќе живее. И секој што живее и верува во Мене, нема да умре довека“. (Ев. Според Јован 11:25-26)

1. Користена литература на кирилица

- » Батлер, Џудит. Проблеми со родот, Хрестоматија (класични текстови од областа на родовата теорија). Евро Балкан прес, (2003)
- » Белкина, Мария. Скрещение судеб. Москва. „Благовест“. Рудомино, (1992)
- » Бест, Стивен – Келнер, Даглас Постмодерна теорија, Скопје: Култура, (1996)
- » Врбетиќ, Марија. Историја, Скопје: Просветно дело, 1965
- » Де Одорико - Павлова, Ирена. Од другата страна на животот, Скопје: Де Одорико каза, 2009
- » Достојевски, Фјодор. Одвратна прича, Београд: Издавачко предузеће „Рад“, (1981)
- » Државникот Конрад Аденауер - Германец и Европеец. Скопје: ДТП НИКЛИСТ, (2007) Фондација Конрад Аденауер
- » Елиот, С. Т. Поезија. Скопје: Култура, (1984)
- » Ѓурчинов, Милан Б..Л. Пастернак, (Студии и материјали) Скопје: Култура, (1987)
- » Иригаре, Лис. Спекулум на другата жена, Хрестоматија, (класични текстови од областа на родовата теорија). Скопје: Евро Балкан прес, (2003)
- » Јосифовски, Јонче. Филозофија. Скопје: Просветно дело, (1975)
- » Козелек, Рајхарт. Критика и криза, (Студија о патогенези граѓанског света) Београд: ПлатоЩ, (2000)

- » Компањон, Антоан. Демон теорије. Београд: Светови, (2003)
- » Милошевиќ, Никола. Нови антрополошки есеи - Големите романи на Достоевски, Скопје: Култура, (2005)
- » Николчина, Миглена. Смисла и мајкоубиство, Скопје: Сигмапрес, (2000)
- » Орлов, Николаевич, Владимир. Перепутъя (Из истории русской поэзии начала XX века) Москва. Художественная литература, (1976)
- » Отец Санџаковски, Стефан. Богомислие, Скопје: Метафорум, (1993)
- » Отец Флоренски, Павел. Столб и тврдина на знаењето, Скопје. Табернакул, (1996)
- » Павловский, Ильич, Алексей. Куст рябиной. Ленинград. Издательство "Советски писатель", Панзова, Виолета. Науката како занает. Скопје: Филозофски факултет, (2003)
- » СВЕТО ПИСМО (БИБЛИЈА). Синод на МПЦ. Ljubljana, Tisk: Delo-Tiskarna, (1991)
- » Сеџвиќ, Косовски, Ив. Епистемологија на 'плакарот', Хрестоматија (класични текстови од областа на родовата теорија) Евро Балкан пресс, (2003)
- » Фуко, Мишел. Треба бранити друштво (Предавања на колеж де Франсу из 1976 године). Нови Сад: Светови, (1998)
- » Фукујама, Френсис. Крајот на историјата и последниот човек, Скопје: Култура, (1994)
- » Фром, Ерих. За непослушноста и други есеи, Скопје: Комунист, (1989)
- » Харавеј, Дона. ECCE HOMO: "Зарем не сум и јас жена"? Хрестоматија (класични текстови од областа на родовата теорија). Скопје: ЕвроБалкан пресс, (2003)
- » Цветаева, Марина. Господин мой – Время, Москва: Вагриус, (2000)
- » Шелева, Елизабета. Од дијалогизам до интертекстуалност, Скопје: Магор, (2000)
- » Шелева, Елизабета. Културолошки есеи, Скопје: Магор, (2000)

2. Користена литература на латиница

- » Alvarez, A. The savage God (A Study of Suicide). New York-London: W.W. Norton & Company, (1971)
- » Bahtin, Mihail. Problemi poetike Dostojevskog, Beograd: Nolit, 1967
- » Butscher, Edward. Method and Madness, Schaffner Press: Tuscon, A
- » Malkom, Janet. The Silent Woman. New York: Vintage books, (1995)
- » Marković, Vida. Engleski roman XX veka, Beograd: Naučna knjiga, (1963)
- » Moderna tumačenja književnosti. Sarajevo: Svjetlost, (1988)
- » Pisarev, Dmitrij. Izabrane studije i rasprave (Studija o romanu Zločin i kazna pisca Fjodora Dostojevskog 1867 godine), Beograd: Kultura, (1962)
- » Pejović, Danilo. Suvremena filosofija zapada. Zagreb: Matica Hrvatska, (1967)
- » Renak, Solomon. Opšta istorija religija. Sarajevo: Svjetlost, (1960)

Д-р Билјана Нацковска - Вељковиќ
nackovska@gmail.com

ПРИМЕНАТА НА ПРОФЕСИОНАЛНАТА ЕТИКА КАЈ ПОМАГАТЕЛНИТЕ ПРОФЕСИИ ВО СОЦИЈАЛНАТА ЗАШТИТА

APPLIANCE OF PROFESSIONAL ETHICS INTO COMPLE- MENTARY PROFESSIONS WITHIN THE SOCIAL CARE

Резиме: Етиката е наука за моралот т.е за доброто и злото, која ги проучува животните вредности на луѓето, како луѓето избираат добри цели и како се застапуваат за тие цели во животот. Етиката се состои од морални принципи и вредности кои ја водат личноста, групата, организацијата кон тоа „што е правилно“ или „погрешно“ односно што може да се смета за „добро“ или „лошо“ во однесувањето и во донесувањето на одлуки. Професионалната етика се однесува на односот на човекот кон работата и придржувањето кон нормите при работењето, таа е составен дел на секоја професија. По негативните фази на отфрлање на етиката денес етиката се третира како незаобиколива димензија која упатува на почитување на човековите права и социјалната правда во социјалната заштита. Социјалната заштита е систем на мерки, активности и политики за спречување и надминување на основните социјални ризици на кои е изложен граѓанинот во текот на животот, за намалување на сиромаштијата и социјалната исклученост и за јакнење на неговиот капацитет за сопствена заштита. Овој труд има за цел да ја истакне потребата и важноста за примена на професионалната етика во помагателните професии со што клиентите би добиле поквалитетна услуга.

Клучни зборови: етика, професионална етика, социјална заштита, помагателни професии.

Abstract: The Ethics is a science referring to the moral, the good or evil, studying people life values; exploring the way people choose good goals and how they manage sustainably to represent those goals in their lives.

Ethics comprises moral principles and values that lead/direct the individual, the group or the organization towards "right" or "wrong", to what is considered to be "good" or "bad" in behavior and decision making situations.

Professional Ethics refers to individual's behavior at work and individual's attitude towards work policy and norms and has became a complementary part of each profession.

The negative rejecting phases of the ethics nowadays are followed by treating ethics as unavoidable dimension towards human rights respect and social justice within the Social Care.

The Social Care is a system of measures, activities and policies serving to prevent and overcome the basic social risks the individual is exposed to during lifetime; reduction of poverty and social exclusion, and enhancing the individual's capacity for self-protection.

The aim of this paper is to emphasize the need and importance for Applying the Professional Ethics into the Complementary Professions achieving higher quality in servicing clients.

Key words: ethics, professional ethics, social care, complementary professions.

Етиката е суштински, составен дел на теоријата и праксата на секоја професија, која го забрзува процесот на нејзината професионализација, поради што е неопходно на етичките прашања да им се посвети поголемо внимание. Од гледна точка на менаџментот, на етиката може да се гледа како на правила или стандарди за моралното однесување на членовите во организацијата. Етиката е „обид да се направи наука од она што, всушност, е уметност на праведното живеење“. Ние сакаме да знаеме што треба да очекуваме од организациите, од поединците и од самите себе. Затоа имаме потреба од политика во организацијата и од конзистентно индивидуално однесување. (Костов, 2006:43-48)

Етиката во професионалната дејност подразбира посветеност на работата, одговорност, правилно раководење, соработка со вработените и коректен однос кон нив, водење сметка за еколошките аспекти на работа и живот, и друго. Човекот е суштество кое со трудот се развива и си обезбедува напредок и опстанок. Всушност, трудот е основната карактеристика на човекот, па оттука Костов (2006) како лични, етички карактеристики на човекот кој работи ги истакнува: трудољубивоста, иницијативноста и стремежот кон усвршување. Професионалната етика се однесува на односот на човекот кон работата и придржувањето кон нормите при работењето.

Исходувајќи од начелата на професионалната етика, еден професионалец треба да ги поседува следните морални вредности: желба да работи, трудољубивост, работливост, настојчивост, активност, ангажираност, исполнителност, професионалност, соработка, колегијалност. Овие морални вредности се позитивни и се во основата на професионалниот морал. Секако, спротивни на овие морални вредности се: немање желба да работи, избегнување на работата, бегање од обврските, мрзливост, неактивност, неангажираност, неисполнителност, непрофесионалност, несоработување, неколегијалност. Затоа „добар“ професионалец е оној кој е активен, трудољубив, исполнителен, иницијативен, дисциплиниран, одговорен, креативен; во односот кон другите луѓе тој е отворен, алtruист, искрен, воздржлив, мирољубив; а кон работната средина и околината е одговорен, дисциплиниран, внимателен, загрижен. Секој професионалец во секојдневната работа со клиентите треба да ги почитува етичките вредности и норми, но и самиот како човек треба да се стреми да биде морална личност со позитивни етички квалитети. (Banks, 2012; Clark, 2000)

Оттука професионалниот морал, односно доброто и исправно извршување на дејноста, е основата на секоја професионалната дејност. Професијата е суштински елемент на човекот. Секој човек работи нешто, има одредени знаења и вештини за определена дејност, и негова должност е работата да ја извршува

квалитетно и со успех. Поимот „професија“ означува определено знаење, занает (струка) и работни обврски, коишто човекот ги извршува. Професионализмот упатува на квалитетот на извршувањето на задачите во работата. Секојдневно, поимот „професија“ се употребува како синоним на поимот „занает“, а „придавката професионален, вообичаено означува дејствување кое е солидно, добро организирано или нешто од што се остварува приход“. (Борнарова, 2008: 111)

Професијата (занимањето) се сфаќа како збир на исти или слични работни дејности врз основа на кои се формираат професионални групи со свои посебни белези и интереси во однос на други такви групи. Професионалната етика пак, претставува збир на норми, вредности и цели од кои припадниците на една професија се раководат во вршење на својата дејност. (Корубин, 1998)

Професорот Френк Вајли од Државниот Универзитет во Калифорнија, истакнува две битни компоненти на професионалната етика:

- » одговорност за извршување на работата во согласност со етичките принципи; и
- » одговорност за извршување на работата во согласност со сопствените способности. (Bo: Blek, 1997:198)

Посебните етички димензии во професијата произлегуваат од соодветната активност, од потребата од посебен квалитет на дејствата, од улогата на професионалецот во таа област, итн. Во зависност од професијата за секоја област на дејствувањето има различни норми (општи и посебни). Многу од нив се ставени во кодекси, а многу од нив се обичајни норми, кои се пренесуваат од еден дејственик на друг и така опстојуваат со генерации.

Посебна димензија на професионалната етика е личното напредување на дејственикот на стручен план, што подразбира одржување и унапредување на физичката сила и енергија, на психичките перформанси на личноста, проширување на контактите и на врските со колегите, добра информираност во развојот на занаетот, итн. Во професионалниот морал се ценат заинтересираноста, настојчивоста, вештината и издржливоста во исполнувањето на задачата. Професионалната етика дава низа обврски, норми и задачи коит треба (мора, нужно е) да ги извршуваат професионалците во таа област. Тоа се нарекува и деонтологија – морален систем на норми и должности на една професија. Професионалецот во својата дејност треба да ги почитува моралните начела, од него се бара да се однесува сообразно на професијата, да се грижи за угледот и честта на професијата. Во моралните димензии на деловноста спаѓа и колегијалноста, близкоста со оние кои работат иста или слична работа, соработката со нив, поврзаноста при дејствувањето, размената на информации, давањето меѓусебна помош. Една од обврските е да се чуваат деловните тајни. Затоа луѓето од иста професија сочинуваат своевидно братство, еснаф, професионално здружение, настапуваат заедно во застапувањето на својата професија (во нејзиното унапредување и бранење на нејзиниот углед на нејзините области и задачи, но и на својата позиција која произлегува од професионалната определба, ориентација и работа), како и воопшто во залагањето за задачите и за начелата на деловноста. (Dramond, Bein, 2001; Темков, 2004)

Професијата значи е струка, занает, одредена дејност со свои знаења и вештини, со свој вид на однесување и со посебна етика на дејствување. Вилијам Викинден (William Wiekenden) укажува на четири карактеристики кои

ја обележуваат професијата: водење активност која бара голема одговорност, присуство на мотивот на потчинетост, мотив на автоекспресија (гордост и радост од сопствената работа и како резултат на тоа стремеж кон совршеност), и свесно прифаќање на општествена обврска. Ернест Гринвуд (Ernest Greenwood) посочува на пет индикатори на професијата: системска теорија, авторитет, општествено овластување, етички кодекси и сопствена култура. Кон овие показатели понекогаш се приклучуваат посебните лиценци (исклучиво право за реализација на определени активности), силната позиција на професионалните друштва, високиот општествен престиж, значителниот степен на независност и автономија. (Во: Борнарова, 2008:112)

Професионалниот морал се формира кога претставници од исто занимање формираат посебни норми на однесување. Професионалниот морал првобитно бил израз на солидарност и поврзаност на членовите на загрозените професионални групи и претставувал услов за опстанок и социјална сигурност на неговите членови. Моралните принципи се формираат и кај оние професионални групи кои работат со луѓе, пред сè со луѓе во неволја. Целисходноста на професионалниот морал лежи, пред сè, во заштитата на човекот и на неговите интереси. Моралните правила (норми) или етички принципи за тоа што е добро а што лошо, „произлегуваат од вредностите, односно вредностите се изразуваат во одредени норми“ (Симоновска, Скаловски, 2012: 22) Во овој контекст под етика подразбирааме збир на вредности и норми на професионално однесување кои во рамките на помагателните професии ги одредуваат стандардите за што е „лошо“, а што е „добро“ во спроведена пракса, односно во услугата дадена на клиентите. Тие норми, односно правила на професионалното однесување, се обединети во етички кодекси за различни помагателни професии. Терминот „кодекс“ значи законик или зборник на закони, прописи, правила за однесување во одредена ситуација или професија.

Според познатиот полски социолог Јан Шчепански „професионалната етика претставува збир на норми и директиви кои произлегуваат од традицијата на професијата, „духот“ на народната култура, основните етички показатели во општеството. Директивите на професионалната етика се однесуваат на внатрешните човечки квалификации и го определуваат човековото однесување од гледна точка на добро и зло, неправда и праведност.“ (Во: Доневска, 2014: 199)

Оттука, професионалната етика има посебна улога и значење во регулирањето и подобрувањето на односите помеѓу луѓето во рамките на нивната професионална дејност. Во таа насока Абрахам Маслов посочува дека знаењето, креативноста, правичноста, одговорноста и правдата на луѓето доаѓа природно, повеќето од луѓето веруваат во човечкиот потенцијал и дека, всушност, луѓето се најголемиот капитал во организацијата. (Maslov, 2004)

Теориски гледано, улогата на професионалецот кој има помагателна професија во социјалната заштита, како што се социјален работник, психолог, педагог, дефектолог, правник, се базира врз вредностите кои се поврзани со општата благосостојба, социјалната контрола и способноста на поединецот да се вклопи и да ги почитува „правилата на игра“ во заедницата во која живее. Од практичен аспект нивната работа се одвива на микро ниво, во однос „еден на еден“, каде што професионалецот му се обраќа на клиентот како на човек, емпатизирајќи со неговото страдање, кое што е последица на неефикасното задоволување на потребите и губењето на контрола поради случувања кои

настанале во неговиот живот. На тоа ниво професионалниот однос кон клиент се одвива според дополнителни правила кои произлегуваат од личните квалитети на секој поединец. (Banks, 2012; Clark, 2000)

Во Република Македонија изработен е Кодекс на однесување на јавните и државните службеници, а од страна на Заводот за социјални дејности е изработен Кодекс на однесување за вработените во социјалната заштита. Во Кодексот наменет за стручните лица во установите за социјална заштита, се поставени стандарди на однесување во однос на: корисниците на услуги, другите стручни лица, работодавачот, установата во која се работи и другите установи, професијата и заедницата. Така на пример, во стандардите за однесувањето на стручните лица кон корисниците, се истакнати следните етички принципи: да се почитуваат основните права, вредности и достоинство на сите луѓе, да се уважува нивното право на приватност и тајност, да се превземаат сите мерки за заштита на правата на корисникот, да се почитуваат и да не се дискриминираат корисниците во остварувањето на правата од социјална заштита и по било кој основ не смеат да се повредат основните човекови права на корисниците. Кодексот е донесен во 2012 година, но не е адаптиран на современите трендови во социјалната работа. Исто така е важно да се напомене дека доколку некој прекрши одреден етички принцип треба да одговара пред Комисијата за лиценцирање, бидејќи нема Комора на стручните работници. Во изработениот Кодекс не е напишано кога е донесен, кој го донел, односно кој учествувал во изработката, кој дал предлози што да содржи, дали се земале предвид мислењата на сите лица кои се вработени во установите од социјална заштита преку нивни претставници или не.

Сите овие кодекси на однесување, говорат дека етиката е основен задолжителен дел од праксата на социјалната работа, а етичкото однесување е основа за квалитетна услуга на клиентот. Во сите нив се истакнува почитувањето на странката, почитувањето на професионалецот, на професијата, останатите колеги во организацијата и општеството во целост. Сите етичките кодекси се темелат врз основните етички принципи кои произлегуваат од почитување на човековите права и социјалната правда.

Консултирана литература

1. Banks, S., (2012) Ethics and Values in Social Work. New York: Palgrave Macmillan.
2. Blek, S. (1997) Odnosi s javnošču. Beograd: Clio.
3. Борнарова, С. (2008) Современите трендови во социјалната заштита и во социјалната работа. Скопје: Македонска ризница – Куманово.
4. Борота – Поповска, М. (2004) Деловна етика. Скопје: Де Гама.
5. Clark, C., (2000) Social Work Ethics: Polities, Principles and Practice. London: Macmillan.
6. Доневска, М. (2014) Теоретските основи на социјалната работа. Скопје: Филозофски факултет.
7. Diamond, Dz., Bein, B. (2001) Poslovna etika. Beograd: CLIO.
8. Костов, С. (2006) Нов јавен менаџмент. Скопје: Македонски центар за меѓународна соработка.
9. Koprek, I., Čehok, I. (1996) Etika: priručnik jedne discipline. Zagreb: Školska knjiga.
10. Maslov, A. (2004) Psihologija u menadzmentu. Beograd: Asee books.
11. Меки, Џ. (2004) Етика. Београд: ПЛАТО.
12. Корубин, во: Петровска, Б., и група автори. (1998) Социологија. Скопје: Студенски збор.
13. Кодекс за стручните лица во установите за социјална заштита. (2012) Скопје: МТСП и ЈУ Завод за социјални дејности – Скопје.
14. Нацковска - Вељковиќ , Б., (2016) Етичкиот профил на социјалниот работник и современите трендови во социјалната работа. (докторски труд одбранет на Филозофски факултет во Скопје)
15. Симоновска, С., Скаловски, Д. (2012) Етиката и родот. Скопје: Филозофски факултет.
16. Темков, К. (2004) Етика II. Скопје: Просветно дело.
17. Законот за јавните службеници (2010). Службен весник на РМ, 52/10. Скопје: Собрание на Р.Македонија.
18. Закон за социјална заштита (2009) Службен весник на РМ, 79/09. Скопје: Собрание на Р.Македонија.

001.35:1

130.121

Проф. д-р Мирко Ѓошевски

НАУКАТА ВО ВИСОКОТО ОБРАЗОВАНИЕ: БЕЗ ПРЕЦЕНУВАЊЕ И ПОТЦЕНУВАЊЕ

(Абстракт)

Трудот претставува обид да се определи општо-културната и цивилизациска вредност на науката во современата образовна институција – универзитетот, со посебен осврт кон нашите македонски состојби. Вистинската улога и вредност на современата наука треба да се определи меѓу двете екстремни позиции: сциентистичкото преценување на моќта и важноста на науката во севкупниот живот на современото човештво и антинаучното филозофско-хуманистичко потценување на улогата на науката во решавањето на вистинските човекови проблеми. Во таа смисла, овој труд е заложба за едно филозофско вредносно просветлување на научната дејност како една од темелните духовни вредности. Конечно, се сугерираат и некои предлози за подобрување на статусот на науката во нашите високо образовни институции и хумано осмислување на нејзината културна духовна мисија.

Клучни зборови: наука, универзитет, преценување, потценување, научно истражување, вистина, вредност, реформа, хумана смисла.

SCIENCE IN HIGH EDUCATION: WITHOUT OVERESTIMATION AND UNDERESTIMATION

(Abstract)

This paper consists in an attempt to determine the general cultural and civilizational value of science in this contemporary educational institution, the university, with a particular regard to our Macedonian state of affairs. The true role and value of contemporary science should be determined as a midway between two extreme stances: the scientistic overestimating of the powers and importance of science in the life on contemporary humanity as whole and the anti-scientistic underestimating, by philosophy and the humanities, of the role of science in a solving man's genuine issues. This paper thus commits to a philosophical elucidation of scientific activity in terms of its value, as one of the fundamental spiritual values. Finally, it makes some suggestions in view of improving the status of science in our educational institutions of the higher kind, as well as making sense, from humanistic standpoint of its cultural mission.

Key words: science, university, overestimation, underestimation, scientific research, truth, value, reforms, humanistic science.

1. Науката и Универзитетот

Неспорен е фактот дека науката денес е темел на современата западна цивилизација и култура. Современиот начин на материјалното производство, севкупната економска дејност, како и сите базични општествени односи кои произлегуваат од нив, образовните, здравствените и комуникациските системи, како и одредени облици на духовната култура, незамисливи се без примената на придобивките на современите науки. Таа ги проникнува сите сфери на општествениот, па и на индивидуалниот живот на современото човештво.

Се разбира, значењето на науката и нејзината улога во општествениот живот се согледани одамна, но вистинската грижа за нејзиното унапредување и развој, како што покажува нејзината историја, се јавуваат дури во почетоците на 16-от век, т.е. во нејзиниот развоен период познат како епоха на Ренесансата и просветителството: од 1500 до 1700 година.¹ За наука и научен метод во денешна смисла на зборот може да се говори дури по нивната филозофска артикулација од страна на Бекон и Декарт, како и по низата епохални природонаучни откритија направени од плејада знаменити научници: Кеплер, Харви, Галилеј, Паскал, Хајгенс, Њутн, Лајбниц. Списокот останува отворен и за многу други имиња. Сите му припаѓаат на 17-от или векот на гениите.²

Родена од духот на нововековната филозофија, науката со делата на нејзините творци во 17-от век ја достигнала критичната маса од знаења од која е подгответа вистинска експлозија на познавателните пробиви во сите подрачја на научното истражување: природознанието, историските науки, човечкото мислење. За неполни три столетија севкупното знаење неколкукратно е зголемено и по квантитет и по квалитет, т.е. неколкукратно повеќе отколку што е сторено за сите претходни столетија откако ги бележи човечката историја.

Интересно е совпаѓањето на растежот на научното знаење со настанокот и развојот на институциите на световното високо образование – првите европски универзитети. Во самиот зачеток на овие универзитети доминираат црковните книжевни содржини, па, главно, тие се расадници на писменоста и образованоста на своето доба. А токму таква е и Климентовата охридска книжевна школа (крајот на 9 и почеток на 10 век), формирана пред првите европски универзитети во Италија.³ Со добри аргументи можеме да ја вброиме во првите универзитети, создадени на европска почва. А на првиот европски универзитет во Болоња, основан кон крајот на 11-от век (1088), се изучува, прво црковното и граѓанското право, потоа медицина и филозофија, во почетокот на 13 век. Конечно, факултетот

1 Истражувањето на историјата на науката е извонредно значајна и благодарна работа, па досега се давани разни преодлизации на нејзината генеза и развој. Овде ми изгледа умесно да се укаже на следниве развојни периоди во историјата на науката: 1) Зора на науката – предисторија до 1500 г. 2) Ренесанса и просветителство: 1500-1700 г. 3) Индустриска револуција 1700-1890 г. 4) Век на атомот 1890-1970 г. 5) Век на информации 1970 г. до денес. Види, Општа наука, . Главен уредник Адам Харт-Дејвис, Скопје: Младинска книга, 2011.

2 Истакнатиот британски математичар и филозоф Алфред Норт Вајтхед токму така го нарекува овој век. Види, Alfred N. Vatjhed, *Nauka i moderni svet*. Beograd: Nolit, 1976. 81.

3 Свети Климент Охридски (830 или 840 до 916 г.) како најистакнат ученик на основоположителите на словенската писменост – Кирил и Методиј, е познат средновековен писател, преведувач, оснивач на Охридската книжевна школа, голем зналец, педагог и прв епископ во Македонија. По доаѓањето во Охрид во 893 година, со оформувањето на својата школа, развил колосална дејност за тоа време: описменил и подготвил за разни дејности околу 3500 луѓе, а според некои истражувачи, е најзалужен и за словенската азбука – ирилицата. Историската судбина на нашите предци не овозможила прераснување на оваа школа во доминатно научен универзитет како европските. Види, Британика Енциклопедиски Речник, Скопје: Топер МПМ, 2005. Том 5. 18.

за науки е развиен дури во знаменитиот 17 век. Значајно е да се истакне фактот дека универзитетот во Падова, во ова доба на науката, низ предавања ги изложува своите научни откритија и основоположникот на модерниот научен метод - славниот Галилео Галилеј.

По својата изворна смисла, по идејата со која е формиран, универзитетот претставува заедница на учителите и учениците, на професорите, соработниците и студентите, и тоа заедница во истражувањето на научната вистина и вистината воопшто. Значи, во суштина, универзитетот е школа. Но, неговата суштина филозофски проникливо ја согледува Карл Јасперс. Соред него, универзитетот е извонредна школа, бидејќи на него „не треба само да се предава, туку ученикот треба да учествува во истражувањето, па така да дојде до научно образование. Учениците, по идеја, се самостојни, самоодговорни мислители кои ги следат своите наставници. Тие имаат слобода на учењето.“⁴

Јасперсовата формулатија на оваа изворна смисла на универзитет е парадигматична. Таа останува на сила и денес, по цели седумдесетина години од нејзиното исказување. Низ сета своја историја, универзитетите, помалку или повеќе, ја остварувале смислата и оправданоста на своето постоење во онаа мера во која одговарале на вака сфатената изворна смисла на нивното покренување.

Универзитетите кои настануваат ширум Европа од овој период до денес стануваат главни институции каде се изучува, развива и негува науката. Современите универзитети се единствените институции каде помалку или повеќе успешно се остварува спојот најмалку на две основни функции во создавањето на човечката личност: образовната (едукативната) и оспособеноста за научното истражување – трагање по вистината, и тоа не поради некаква цел, на пример, за достигање на одредена практична корист, туку заради самата вистина. Токму затоа универзитетите се места во кои општествата треба да ја создаваат најсилната и најјасната, свест на своето dobro.

Носителите на научните дејности – субјектите кои владеат со одредена методолошка и методичка оспособеност да ги истражуваат своите предметни области, го сочинуваат оној слој на општеството кој се јавува како носител на највисоката образовна дејност. Но, научниците – универзитетски работници треба да ги одликува еден посебен етос. Нивната мисија не е целосно остварена доколку не се водени од една виша свест за хуманата смисла, вредност и цели на научното знаење. Без една силно нагласена аксиолошка проникнатост, универзитетските дејци нема да ја остварат едукативната мисија на науката. Свеста дека научната вистина треба да им служи на повисоките духовни вредности – слободата, достоинството, доброто, праведноста, љубовта, убавината, - таквата свест треба да биде главна карактеристика на ликот на луѓето од науката.

2. Потребата од науката: без преценување и потценување

Денес, по три столетија на енормен раст на научните знаења, а особено по нивната фасцинантна технолошка примена, настануваат големи промени во однос на изворната смисла и третманот на науката во современите универзитети. Согледувањето на моќта на науката никако не ги остава индиферентни владеачките кругови, во сите општествени поредоци и држави, кон универзитетите како центри на научната дејност. Иако, согласно со изворната идеја, универзитетот се темели

4 Karl Jaspers, *Ideja univerziteta*. Beograd: Plato, 2003. 9.

врз принципот на автономност, иако таа е гарантирана со законодавството, сепак тој не е имун на странични влијанија, на интереси и цели туѓи на духот на науката и етосот на научниците. Моќта на државните машинерии кои, пак, од своја страна, се експоненти на интересите на економски најмоќните општествени класи и слоеви, се манифестира во настојувањата да го потчинат универзитетот и да воспостават контрола над неговата супстанца – науката, а со тоа и врз целокупниот едукативен процес. Општествената положба на науката во современата епоха, може, афористички да се искаже со зборовите: Науката е слугинка на технологијата.

Губењето на хуманизмот како носител на смислата и вредноста на науката, согледано е од страна на еден од највлијателните филозофи во 20-от век – основачот на феноменологијата – Едмунд Хусерл. Наспроти несомните успехи, науката, според Хусерл е во „криза поради губењето на нејзиното значење за животот.“⁵ Заведен од нејзиниот „prosperity“, модерниот човек се одвраќа од прашањата кои се пресудни за вистинскиот хуманизам, оценува Хусерл. Духовната состојба на науката во негово доба тој ја определува со ставот: „Чисто фактичките науки создаваат чисто фактички луѓе.“⁶

Определувањето на вистинската улога на науката, нејзината смисла и вредност во едукативниот процес на универзитетот денес е една од најсложените задачи. За неа се повикани многу интелектуалци, но во прв ред оние кои се занимаваат со филозофијата на науката и филозофијата на образоването. Еден можен пристап е барањето на решението меѓу две екстремни позиции во вреднувањето на науката.

Првата крајност се засновува врз уверувањето дека науката и нејзиниот методолошки апарат се најефикасните средства за стекнување на знаења со кои најуспешно ќе се решаваат сите проблеми на современиот човек. Се поаѓа од импресивните резултати на современите науки, кои со своите откритија во последните две столетија, толку силно го катализираат технолошкиот прогрес така што тој станува суштинско обележје на современата цивилизација. Ако единствената грижа за науката е растот на научните знаења, тогаш кон преценувањето на вредностите на научното познание директно или индиректно придонеле и одредени филозофски школи и правци.⁷ Претераната верба во моќта на научното знаење доведува до уверувањето дека науката е најзначајната човечка дејност и дека научниот поглед на светот е единствениот исправен поглед, а сите останати се потценуваат и отфрлаат. Заслепеноста од моќта на научното познание води во еден нов вид на идолопоклонство – сциентизмот. Современиот сциентизам е сериозна закана за опстојувањето и негувањето на разновидните погледи на свет и културните разноликости кои го сочинуваат богатството на денешното човештво.

Втората крајност, се раѓа со уверувањата дека науката и моќта која произлегува од примената на нејзините знаења, не се ниту единствени ниту пак најцелисходни средства за решавањето на проблемите на современиот човек. Науката може да ги решева сите свои проблеми, но со тоа нема битно да ги

5 Edmund Huserl, *Kriza evropskih nauka*. Gornji Milanovac: Decje Novine, 1991. 14.

6 Цит. дело, 15.

7 Овде во прв ред се има предвид класичниот позитивизам, потоа разни варијанти на неопозитивизмот, со нивното фундаментално барање за разграничување на науката од псевдонауката на метафизиката и филозофската спекулација воопшто. Иако во поблага форма, сепак, меѓу идејните инспиратори на овој пристап може да се вброи и еден филозоф на науката од масштабот на Карл Попер. Од неговата школа потекнува епистемолошкиот правец – критички рационализам, кој иако не ја отфрла сосем метафизиката, сепак, како главна преокупација го има растот и унапредувањето на научното познание.

промени човековата положба, улога и мисија во светот. Таа може да донесе многу корисности, подобрувања на ефикасноста на практичното дејствување, но нема да дојде до решенијата на вистинските проблеми на човекот во остварувањето на слободата, достоинството, крајните цели на смислата и вредноста на егзистенцијата. И ваквите ставови кон науката имаат свои извори во повеќе филозофски правци од 19 и 20-от век.⁸

Двете крајности се опасни и штетни, особено за разбирањето на мисијата на науката во современиот универзитет. Првата, со преценувањето, ја претвара науката од добар слуга во лош господар. Втората, со потценувањето или игнорирањето на науката, ги става на втор план или ги заборава наполно нејзините позитивни вредности.

Еден пристап без преценување и потценување на научната дејност, потребата од науката може да ја искаже во следниве ставови:

1.Науката, како што сведочи сета нејзина досегашна историја, е најмоќното средство за стекнување на знаења со такви квалитети кои овозможуваат најточно предвидување на идните настани и соодветно организирање кон достигање на посакуваните цели.

2.Науката, овозможува достигања на техники со фасцинантна ефикасност во сферата на материјалната репродукција на животот, со што се повеќе време се ослободува за творечко создавање и самосоздавање на слободните индивиду – личностите.

3. Науката, сфатена и водена во духот на најдобрата хуманистичка традиција, претставува една од темелните духовни вредности, кои ги споделуваат не само нејзините творечки субјети, туку и сите образовани луѓе.

Потребата од реална процена на вредностите на науката денес, кога го минавме прагот на информатичката ера, е неопходна за остварување на мисијата на современиот универзитет – создавање на знаења во функција на хуманизација на човекот и светот.

3. За нашите состојби и перспективи

Република Македонија до 1991 година беше во составот на федерална Југославија. Агресивниот национализам, со децении потиснуван, изблика во деведесетите години и доведе до крвава дисолуција на југословенските федерални единици. Иако, во почетокот беше иземена одвоената југословенска драма, нашата земја се најде соочена со многу проблеми при смената на општествениот поредок и борбата за признавање на нејзината независност. Брзината на општествените промени просто девастираше редица институции на стариот поредок, а новите се воспоставуваабавно, со редица реформи, често болни и недоволно обмислени и доследно спроведени. Универзитетот, не можеше да остане настрана од овие промени. Се бараше да се фати чекор со европските трендови, да се спроведат реформски зафати со кои ќе се обезбеди квалитетот на наставата и оспособените

⁸ Овде во прв ред треба да се истакне филозофијата на егзистенцијализмот, која од нејзиниот идеен инспиратор Серен Киркергор кон средината на 19-ти) па низ сиот 20-ти век опстојува во разни варијанти. Но нивниот заеднички именител е отфрлање или миноризирање на една од суштинските човекови антрополошки одлики – рационалното мислење. Егзистенцијата, нејзината извршност, му се измолкнува на секој вид логичко, рационално, интелектуално промислување. Се спротивставуваат и доведуваат дури до противречност разумот (интелектот) и животот, логиката и биотиката. Животот тежнее кон бесмртност, разумот тоа го негира. Од тој судир настанува најавтентичниот облик на човековата егзистенција – „трагичното чувство на животот.. Види, Miguel De Unamuno, *O tragičnom osećanju zivota*. Beograd: Kultura, 1967.

високообразовани кадри. И самиот сум свидетел и учесник барем во три-четири реформски зафати на студиските програми според критериумите на европскиот-кредит-трансфер-систем. Се бараше ревитализиран и реформиран универзитет, со јасна визија за местото, улогата и значењето на науката во неговата дејност. А што, всушност, постигнавме?

Прво, дојде до голема експанзија на високообразовни институции. За нешто повеќе од две децении, на двета постојни државни универзитети им се приклучија уште три други новоформирани. Во постапка е отварањето на уште два нови универзитета. Бројот на приватните универзитети се движи од 7 до 10. И сето тоа само на популација од два милиони жители. Конкуренцијата и натпреварот се многу посакувани за остварување на квалитетот, но се поставува прашањето за оправданоста на бројот на државните универзитети, за нивната економска и општествена оправданост, за економскиот капацитет на државата да ги одржува и унапредува.

Второ, содржинските реформски зафати со компонирање и редизајнирање на новите наставни планови и програми, во голема мера се механички пренесени од развиените универзитетски средини, без да се води сметка за нашите материјално-технички и кадровски ресурси.

Трето, реформите се наметнуваа со сила на законски акти, утврдувани се програмски шеми и форми во кои се бара да бидат вкалапени најразлични содржини, какко во митолошката Прокрустова постела.

Четврто, со начинот на вреднување на студентските знаења, преку квантитативно мерење на успехот, на тест-прашалниците, како главно мерило, тешко може да се мери квалитетот на знаењето. А задолжителната практична настава често е само исполнување на формата, а не вистинска истражувачка работа и совладување на научните постапки и техники.

Кои се неопходните чекори за надминување на описаните состојби и процеси?

Најнапред, бројот на државните универзитети да се сведе на оптимална мера, соодветно на економските можности и човечките кадровски ресурси, со што знатно ќе се подобри концентрацијата на квалитетот.

Реформите не смее да се сведуваат на превземање на туѓи формули, кои како формулари само ќе ги пополнуваме со наши податоци. Реформата подразбира длабоки зафати во содржините, т.е. во новите форми да се внесат содржини соодветни на нашите услови и можности.

Големи проблеми настануваат со законски наметнатите реформи, брзањето и задолжителните барања за нивно целосно симултано спроведување во сите високообразовни институции. Реформскиот процес е голем и значаен општествено-образовен експеримент. Потребна е селективност и постапност во неговото спроведување. Најнапред само на определен универзитет или одреден број факултети и утврдување на контролни групи од факултети со кои ќе се компарираат постигнатите резултати, ќе се извлекуваат позитивните и отстрнуваат негативните ефекти.

Достигањето на квалитетот на наставата и вистинското вреднување на знаењата бара реализирање на извornата смисла на универзитетот, внесување на духот на науката преку оспособување за самостојно научно истражување. Секој студент е потенцијален иден научен истражувач, а способеноста за таа дејност треба да ја стекне со совладување на методологијата и техниката на

научно-истражувачката работа. Затоа, помалку фактографско знаење, повеќе методолошка и методичка обученост, помалку меморирање и препознавање, повеќе страст кон истражувањето на вистината.

Идните универзитети треба да станат вистински храмови на разумот и знаењето, во кои ќе се негува првенствено љубовта кон вистината. Познанието на вистината е категоричкиот императив на умот, зашто без ги нема ни другите темелни човечки вредности: доброто, слободата, праведноста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Британика енциклопедиски речник. Скопје: Топер МПМ, 2005. Том 5.
2. Општа наука, главен уредник: Адам Харт-Дејвис. Скопје: Младинска книга, 2011.
3. Huserl, Edmund. Kriza evropskih nauka. Gornji Milanovac: Decje Novine, 1991.
4. Jaspers, Karl, Ideja Univerziteta, Beograd: Plato, 2003.
5. Unamuno, De Miguel, Tragično osećanje života, Beograd: Kultura, 1967.
6. Vathé, Alfred Nort, Nauka i moderni svet, Beograd: Nolit, 1976.

СОВРЕМЕННИТЕ ЛИНГВО-КУЛТУРОЛОШКИ ТЕНДЕНЦИИ

CONTEMPORARY CULTURO-LINGUISTIC TENDENCIES

Резиме: Глобалната јазична култура е придонес на сите народи во светот. Зборовите со туѓо потекло, кои се користат во мајчиниот јазик се нарекуваат заемки и се основна карактеристика за современата состојба на јазичните контакти, и лексикологијата воопшто. Заемките со англиско потекло ја отсликуваат македонската и руската лексикологија од втората половина на XX и почетокот на XXI век. Јазикот е раскажувач на културното наследство и духовните вредности. Секоја неоправдана употреба на земки, кои имаат синоним не придонесува за збогатување на јазикот, туку за негова асимилација.

Клучни зборови: Современа лексикологија, заемки, македонски и руски јазик, јазична глобализација

Abstract: The global linguistic culture is mutual contribution of all nations in world. Words with unfamiliar origin, which are used in mother language are defined as lexical borrowings, and are main characteristic of contemporary status of the linguistic contacts, and the lexicology in general. English borrowings reflect both macedonian and russian lexicology since second half of the XXth century and begining of XXIth. Language is the narrator of the cultural heritage and moral values. Every unreasonable using of the borrowings, which have synonym, does not extend the glossary, but assimilate the language.

Keywords: Contemporary lexicology, english borrowings, macedonian and russian languages, linguistic globalisation

Глобалната јазична култура е придонес на сите народи во светот. Современите лингво-културолошки тенденции ги покажуваме преку споредбена анализа на заемките со англиско потекло во македонскиот и во рускиот јазик. Зборовите со туѓо потекло воведени во мајчиниот јазик се нарекуваат заемки и tie претставуваат главна карактеристика на современата состојба на лексикологијата на одреден јазик. Процесот на воведување на позајмени термини е неизбежен и се одвива на два начина: устен и писмен. Анализирајќи ги обата начина, истражувањата на лингвистите покажуваат, дека устниот начин е подложен на побрзи измени, за разлика од писмениот, а тоа се однесува на сите јазични нивоа: синтакса, морфологија, граматика, фонетика. Причините за појавување на заемки можат да бидат различни:

- » влијанија сочувани од историските контакти меѓу народите
- » новитети во определена гранка од човековата дејност
- » јазично скратување при начинот на изразување, т.н. јазична економија
- » стремеж за употреба на заемки, а не описно именување
- » потреба од уточнување
- » ширење на значењето на заемките со експресивни стилски средства, итн.

Благодарение на податоците за историскиот развој на меѓујазичните контакти ние дознаваме за брзата интеграција на македонското и руското општество, за особеностите на нивните слични, но и различни култури, за социјалното уредување, менталитет, и го следиме текот на менувањето на лексиката. Одговарајќи на прашањето како доаѓа до ваквата лексичка појава ќе забележиме, дека овој процес претставува, можеби, најважен сведок за јазичните контакти меѓу различни нации и етнички групи. Наоѓајќи се во состојба на постојано менување лексиката е дел од јазичниот систем, во која се распространети најголемиот дел од заемките, кои од јазикот-донор навлегуваат во јазикот-примач. Како резултат на ова речничкиот состав на македонскиот и рускиот јазик значително се пополнува, претрпнува измени и на тој начин ги одсликува настанатите промени во научната, културната, економската сфера на носителите на колективот. Вакви промени можат да настанат и како резултат на внатрешни, но и надворешни јазични процеси. Начинот на воведување на заемки може да биде посреден, со трет јазик-посредник и непосреден, преку контакти на два јазика. Важен фактор при воведување на заемки претставува процесот на нивно приспособување во новата лексичка средина. Современиот живот за сите народи не претставува изолирано постоење, туку тече и се развива во рамките на јазичните, културните, економските, меѓуличните односи. Дефинирајќи ја позајмената лексика со други зборови може да кажеме дека таа претставува јазично општење помеѓу два или повеќе колективи. Современиот македонски јазик изобилува со многу заемки, кои имаат различно јазично потекло, но во нашето истражување ние ги разгледуваме само оние со англојазично и истите ги проучуваме во споредбена анализа со истите во современиот руски јазик. Англојазичните термини ги опфаќаат сите сфери од современата дејност и не ретко среќаваме зборови, како што се: интродукција, имагинација, емоција, локација, креација, позиција, симболизација, рапидност, импресија, илузија, визија, перспектива, фасцинација, морал, реалност, фантазија, експресија, хармонија, персона, интерпелација, предикција, инфлуенција, тренд, триумф, бекстејџ, гаџет, апсурд, меморија, магија, бренд, тип, холдинг, инструкција, маркетинг, шопинг, бјути-центар, боди-билдинг,

инстанца, проект, тенденција, колоритност, ескалација, аспирација, лојалност итн. Македонија и Русија претставуваат поликултурни средини во кои се почитуваат културните разлики, а готовноста на Македонците и Русите за лесно восприемање на позајмените зборови доведува до лингвокултурна размена во рамките на јазичниот дијалог. Пополнувањето на зборовиот состав со англојазична лексика е појава својствена не само за современиот македонски и руски јазик, туку и за останатите странски јазици, каде што во секој од нив заемките се подчинуваат на правилата на јазичниот систем. Во последните десетилетија количеството на англојазични заемки во современиот руски јазик постојано се зголемува, а тоа го покажуваат примерите: тишортка, бестселер, дизайнер, промоушн, паблисити, болдинг, фэшн, эксперт, модел, конференция, мапа, лимит, матрас, парти, атака, кризис, ситуация, социум, стабилност, гармония, агностицизам, амбиција, брекфестница, авантюра итн. Честопати, употребата на заемките е објаснета како потреба од нови поими. Македонското и руското општество се развиваат, а со тоа и јазиците, но при тоа се наметнува прашањето: Дали заемките секогаш придонесуваат за збогатување на јазикот, или, пак, на тој начин се урива јазичната самобитност? Англојазични заемки во македонскиот и рускиот јазик има многу. Наш интерес при споредбеното истражување се и заемките од спортската терминологија. Во спортската терминологија на современиот македонски јазик се забележува силно влијание од страна на англискиот јазик, и активна употреба на заемките: скаут-тим, снукер, бобслеј, спид-рајдинг, банџи-скокање, пеинтбол, шутер, стартер, плејмејкер, сноубордер, дриблер, бодибилдинг, фитнес, фитнес-центар, лифтинг, фаул, лига, тајм аут, финале, финиш итн. Современиот руски јазик не сведочи за намалено влијание на англискиот јазик, туку за зголемен приток на англицизми во современиот спортски речник: керлинг, джибинг, сейлинг, гандбол, волейбол, карвинг, баскетбол, виндсерфинг, регби, шейпинг, форвард, баланс-степ, фристайл, пампинг, кайтинг, гейнер итн. При споредба на англицизмите од областа на голфот и куглањето современиот руски јазик ги бележи следните лексички заемки: брейкпойнт, сплит, страйл-шот, фрейм, кингпин, боулер, дриллинг, глуо трæk, питчинг-ведж, слайс, кэдди, сэнд-вэдж, хоул-ин-уан, фейд, драйв, хук. Влијанието на англискиот јазик придонесува за проширување на лексичкиот состав на современиот руски јазик, но не секогаш тоа се одразува позитивно. Во најголемиот број случаи употребата на англицизми од спортската терминологија може да се замени со руски синоним. Например: реферы – судья; тайм – время; скор – счет, результат; голкипер – вратарь; стартер – начинающий; атакующий – нападающий; шот – бросок, удар итн. Сепак, многу од англицизмите наоѓаат активна употреба, како на пример: лайнсмен, абсейлинг, лоунбоул, дабл-дабл, фэйр-плей, овертайм, гандбол, хавкорт, панчер, и др. Споредбената анализа покажува неколку карактеристични збоорообразувачки форми типични за двата словенски јазика, а се однесуваат на заемките од овој вид.

1. Употреба на суфиксот –ер при именување, на пример: тренер/тренер, сноубордер/сноубордер, сурфер/сурфер, плејмейкер/плејмејкер и др.

2. Образување на подсистеми, во кои доаѓаат до израз јазичните гнезда со ист морфолошки корен, на пример: пейнтбол/пейнтбол, пейнтболист/пейнтболист, и др.

3. Термини со –инг формата и без, на пример: маунтбайк/маунтбайкинг, виндсерф/виндсерфинг, фрирайд/фрирайдинг итн.

Влијанието на англискиот врз рускиот јазик наоѓа одраз и кај именките со

апстрактна семантика, а ние го нагласуваме образувањето на синонимија. На пример: толерантность – либеральность, дезинформация – блеф, интеракция – кооперираование, конкретизация – детализация, и др. Англојазична апстрактна синонимија е забележлива и во современиот македонски јазик, која доведува до намалена употреба на исконската лексика врз сметка на заемките. На пример: дискрепанција – контраиндикација, енигма – мистерија, фантазија – имагинација. Апстрактните заемки се изразени и при формирање на антонимија, на пример: ентузијазам – индиферентност, респект – дисреспект итн. Проникнувањето на англицизмите не само во македонскиот, туку и во рускиот јазик не се сведува само на нивна примена во научната терминологија, туку бележи употреба и во уметничката литература, што претставува уште еден доказ за нивната широка примена. За анализа земаме дел од поемата „Тара Дьюли“ од стихозбирката „Фотосинтез“ на младата руска поетеса Вера Полозкова, која е особено популарна по стилот видео-поезија.

Тара Дьюли поет под плеер („эй, мисс, потише вы!“)

Носит строгие туфли с джинсами арэнбишными,

Пишет сказки — чужим ли детям, в порядке бреда ли.

Танцевала в известной труппе, пока не вышибли.

Тара дружит со всеми своими бывшими

Так, как будто они ни разу ее не предали.

Лексиката во поемата сведочи за настанатите промени во современоста на рускиот јазик; додека заемката плеер може да се замени со руското проигрыватель, сочетанието джинсы арэнбишны се одраз на новонастаната терминологија, т.е. нови правци. Современата македонска поезија исто така бележи стремеж за употреба на англицизми, кои најчесто имаат свој еквивалент. За пример ја земаме поемата на истакнатата македонска лингвистка Катица Ќулавкова, која со својата плодотворна деценијска работа придонесува за ширење на македонскиот збор. Предмет на наша анализа е нејзината поема „Големата вода“, а вниманието го посветуваме на англицизмите во втората строфа од истата.

Во постојан дослух со еротиката

на творењето жив, а смртен свет

– се претворам во книга на промените

го менувам името, ги трампам симболите

и приказните, луѓето ги давам

кастингот го алтерирам

но улогите остануваат!

Во споменатите стихови употребените англицизми од страна на авторката имаат исконски синоним во македонскиот јазик, на пример: символи – знаци; кастинг – избор; алтерирам – менувам; но ваквите заемки сведочат за брзо менување на македонскиот јазик. Современата состојба на лексиката на македонскиот и рускиот јазик сведочи за широка примена на англицизми, кои повеќето од нив имаат свој еквивалент. На пример, во рускиот јазик: сорсинг – источник; фьючерс – будущее; коворкинг – сотрудничество; челиндже – вызов, возрождение, отвод; во македонскиот јазик: хепенинг – случување, настан; аксес – пристап, достап; конзистентност – постојаност, доследност; шеринг – споделување, итн. Кога станува збор за означување на новонастанати поими, кои што немаат своја замена, тогаш заемките го збогатуваат јазикот. Но, секоја нивна употреба која нема вакво оправдување придонесува за асимилација на јазикот. Сакајќи

да покажеме, дека заемките можат да придонесат за изобличување на јазикот ја наведуваме изменетата првата строфа од поемата „Враќање“ на истакнатиот Блаже Конески, во која употребените од страна на авторот исконски зборови време и мрази ќе ги замениме со англицизам.

Се поврати човек во родниот град
по многу тајминг и мака
Што оставил еднаш тој не најде пак,
Тој не најде ништо да хејта и сака.

Забележлив е фактот, дека невнимателното однесување кон лексиката и воведување англицизми на место на постоечкиот збор е неприродна појава за носителот на јазикот. Во нашиот случај заменетите време и мрази се доказ, дека со англицизмите тајминг и хејта се изобличува пишаниот збор. Таквиот „модерен“ начин на изразување не може да биде признак на почит кон мајчиниот збор. Македонија и Русија се земји кои многу нешта ги обединуваат, но особено е изразен податокот: Низ историјата тие се непокорливи. Во современата ера со помош на англицизмите македонскиот и рускиот јазик, кои се близки, уште повеќе се зближуваат не само меѓусебно, туку и со другите странски јазици. Обединувач на народот, меѓу другото, е особина својствена за јазикот. Во него е запишано културното наследство, духовните вредности, обичаи, опстојувањето на нацијата помеѓу другите нации. Јазикот е сведок на историските промени на еден народ. Токму поради тоа, зачувувањето на самобитноста на македонскиот и на рускиот јазик е прашање кое секогаш има голема важност.

Консултирана литература:

1. А. Ю. Московин «Большой словарь иностранных слов». М.: 2001
2. Л. П. Крысин «Толковый словарь иноязычных слов» М.: 1998
3. Снежана Велковска «Студии од македонската лексикологија и лексикографија», Посебни изданија на Институтот за македонски јазик «Крсте Мисирков», Скопје 2011
4. Шерилова В. «Голем лексикон на странски зборови и изрази», Топер 2009

101.073

Душица Ѓокиќ

Филозофско Друштво на Македонија, Универзитет „Св. Кирил и Методиј“,
Филозофски Факултет – Скопје, dushica.gjokikj@gmail.com

НИЧЕ И ФИЛОСОФСКОТО ОБРАЗОВАНИЕ: МИСЛИТЕЛОТ ВО СЕНКАТА НА СОВРЕМЕНАТА ДРЖАВА

NIETZSCHE AND PHILOSOPHICAL EDUCATION: PHILO- SOPHER IN THE SHADOW OF THE MODERN STATE

Резиме: Смислата на философското образование: развивањето на уметноста на љубовта кон Вистината! Во таа смисла Фридрих Ниче му покажува смело и достоинствено на светот дека љубовта кон Вистината е нешто страшно и силно! На таа страшна силина почива светот – а тоа според Ниче значи да се следи херојскиот животен пат: да се живее според законите на Духот – независен од општеството и државата. Мислителот започнува да излегува од сенката на современата држава! На повидок: неговата борба за враќањето на згазеното достоинство на философијата.

Клучни зборови: љубовта кон Вистината, Мислителот, сенката на државата

Abstract: The meaning of philosophical education: the development of the art of love for the Truth! In that sense Friedrich Nietzsche show to the world boldly and with dignity that love of Truth is something terrible and strong! The world is based on that terrible power! That means to follow the heroic life path: to live under the laws of the Spirit – independent of society and state. Philosopher starts to come out of the shadow of the modern state! His struggle for the return of annihilated dignity of philosophy!

Keywords: love for Truth, Philosopher, shadow of the state

Да му се покаже на светот дека љубовта кон Вистината е нешто страшно и силно и дека на таа страшна силина почива светот, значи да се следи херојскиот животен пат: да се живее според законите на Духот издвоен и независен од општеството и државата!!!

На државата воопшто не е важна вистината, туку исклучително само онаа вистина која е од корист; уште поточно кажано, воопшто само она што е од корист на државата, без разлика на тоа дали тоа е вистина, полувиштина или заблуда. Сојузот помеѓу државата и философијата има [...] само тогаш смисла

доколку философијата може да вети дека секогаш ќе биде од корист на државата, т.е дека користа за државата ќе ја стави над вистината. Секако, за државата би било нешто величествено да ја има вистината во своја служба и во наем; но, таа и самата добро знае дека тоа спаѓа во природата на вистината да не нуди никаква услуга и никогаш да не биде земена под наем [...] Современата држава именува сопствена философија, од која би сакала да биде потврдена [...] Сега државата има моќ [...] На државата повеќе не е потребна санкција со помош на философијата, и затоа таа станала излишна за неа.¹

Во таа смисла државата именува свои послушници – универзитетски философи кој се служат на нејзина служба. Државата одбира разасебесво философски слуги околку колку што се потребни за нејзините образовни институции и се однесува на оној начин за да може од гледна точка на нејзината корист и цели да прави разлика помеѓу добрите и лошите философи, па претпоставува дека секогаш би требало да постојат доволно добри философи, за да може со нив да ги пополнат своите катедри.² Загледан во контурите на магличавата иднина, борејќи се со полни гради за острото студенило на свежиот воздух на изворната Вистина, Фридрих Ницше останува да биде осаменик на своето животно – духовно патување. Тој согледува дека современата епоха боледува од духовно слепило и морална изопаченост на духот, во која сè уште не е дојдено времето да се развиори знамето на автономниот морал во областа на духовните науки, кои би се избориле за својата автономија вон сферите на манипулаторската политика на современата држава.

Философијата, која Ницше ја разбира како „доброволен живот среде мразот и на високите планини, потрага по сето непознато и достојно за запрашаност во човековата егзистенција“³ – по сето она што досега било прогонето со помош на моралот, постои некаде далеку од катедрите на образовните институции – како најдлабока и најсуштинска Вистина според која се создава неизмерната убавина на светот и Животот надвор од конвенционалните и прозаични текови на општествениот морал... Философијата е лекот кој може да ја ослободи реалноста од клетвата на лагата на идеалите која од самите почетоци на човештвото била фрлена безмилосно врз неа. Ницше вели дека ќе дојде време кога философијата ќе управува со светот! Философските мисли доаѓаат на гулабови нозе, но управуваат тивко и непоколебливо со појавите и процесите под површината на нештата, носејќи бура во јадрото на зборовите кои како воденички камења ја мелат и обликуваат Стварноста на Битието во безграницноста на она што се нарекува големо платно на Животот!!! Философските мисли како целосна ослободеност од товарот на конвенционалниот морал, се јавуваат како најчиста спиритуална супстанција на Битието на која ништо смртно не е судено! Философските мисли живеат и опстојуваат во срцето на генијот како бесмртно слово со кое се слави Вистината! За Ницше вистинското мерило за вредноста на философските мисли е тоа колку вистина поднесува духот на философот и на колку вистина се осмелува, затоа што досега според него секогаш се забранувала единствено Вистината. Фридрих Ницше е длабок – понорен мислител кој не се плаши од Вистината.⁴ Вистинскиот мислител со тивок шепот и свонлив глас, внимателно како претпазлив пророк и по малку надмено и отмено (во ракавици), ја повикува Вистината, плашејќи се да

1 Ničše, F. (1987), Šopenhauer kao vaspitač, Beograd: Grafos, str.87 - 88

2 Ničše, F., op.cit., str.80

3 Ницше, Ф. (2011), Ecce homo, Скопје: Ѓурѓа, стр. 8

4 Ibid

не го разбуди сверот од кафезот на цивилизацијата – да не ги разбуди доушниците на државата кои како кучиња на секаде душкаат и бараат некакви траги – докази. Но, Ниче како гром од ведро небо со ангелска труба, бестрашно ја најавува Вистината, која како немил гост доаѓа пред вратите на епохата и бара засолниште во овој свет кој одамна заборавил на она што е свето, убаво и вистинито! Духот на Вистината наспроти духот на епохата во која единствено се забранува Вистината! Фридрих Ниче како несовремен мислител кој оди со џиновски чекори напред во иднината далеку пред своето време! Положбата на философијата која е прогонета од државата и станува бесмислена и смешна работа – плашило за птици на песокливата почва на образоването кое сите свои цели ги насочило во интерес на државата. Ниче како мислител кој отворено го поставува прашањето за егзистенцијата на философијата на Земјата!!!

Ниче ја поставува точната дијагноза за болеста на современата епоха: философијата не е звезда водилка во одвивањето на промените за духовната преобразба на светот и животот туку таа станала слугинка на државата. Ниче говори за положбата на универзитетската философија која станала предмет на сеопшто омаловажување и сомнеж.⁵ Фридрих Ниче е ум кој ја живее слободата и непристрасноста на философската контемплација во својот свет на делата и емоциите, ослободен од ропството на ограничениите надежи и стравови и длабоко во себеси ја знае вредноста на философијата. Тоа не е онаа академска философија која се предава на универзитетите и на која се подучуваат студентите – еден заплеткан лавиринт од најнеразбирливи идеи на човековиот дух – на најлудите и најзаплеткани измислици кои се потсмев на философското воспитание и образование... Вредноста на философијата Ниче не ја гледа во образовните институции кои спаѓаат во домените на авторитетот на државата... Вистинската вредност на философијата Ниче ја гледа во слободните предели на Духот каде Играта се прима како најубав подарок од Животот без обврската постојано да се играат и менуваат различните улоги во манирите кои почиваат на верата во „доброто“ општество. Да се мислат философски мисли не значи во никој случај постојано да се менуваат улогите – напротив: тоа значи да се биде доследен во својата недоследност да се истражуваат нови и нови животни перспективи кои го овозможуваат животниот раст и ја потпомагаат духовната еволуција на човештвото. Менувањето на улогите во сферите на општеството значи вртење во еден маѓепсан круг – површно менување на маските кои како појавности се носат во различните форми на општествената организација – но, суштински повторување на една иста суштина – фрлање на клетва врз Стварноста на Битието!!! Ниче како мислител не верува во поимот на честа, отменоста и доблеста, кога тие единствено значат човекот да биде принуден постојано да игра известна улога и да зазема став, без да знае да му противречи на мнозинството. Но, философот – генијот на срцето е отмен во вистинската смисла на зборот: тој постојано му противречи на мнозинството со дело, а не со зборови⁶. Философот е моќен двигател на промените во светот. Тој е активен чинител кој како катализатор ги забрзува сите процеси во светот и ги пренасочува вон тековите на случајната политичка ситуација, правејќи ги безвременски. Философското образование е клучот за достигнувањето на највисоката цел: создавањето на философскиот гениј – генијот на Срцето кој Играта ја пронаоѓа во егзистенцијалниот центар на

⁵ Niče, F. Šopenhauer kao vaspitač, str. 83

⁶ Ниче, Ф. (2009), Волја за моќ, Скопје: Крода, стр. 510

постоечкото како единствен начин да се пронајде излез од мачното суштествување без плодови и радост.

Идеалот на воспитувачот според Ниче е Шопенхауер, кој како осаменик со својот слободен дух и челична волја се издвојува независен од општеството и државата, живеејќи според сопствената мерка и според сопствениот закон. Ниче и Шопенхауер како битно несовремени мислители кои се трудат на своето духовно патешествие да бидат вистински философи – да се ослободат од несовршенството на своето време, чекорејќи со циновски чекори напред пред своето време. Тие знаат за единствената должност која човекот ја има пред самиот себеси како *homo Iudens* – да биде свесен за својата суштина и да посака во секој момент да биде вистински кормилар на својот живот, не допуштајќи неговото постоење да биде еднакво на бесмилената случајност!!! Смислата на философското образование е да се оди смело во потрага по својата суштина која не лежи скриена длабоко во самите нас, туку се издигнува над она што обично се прифаќа како свое вистинско јас... Тајната на образованието е засновање на Животот врз темелите на слободата – вистинско ослободување кое води кон градење на мостови со кои би можело да се премине преку реката на Животот кон сферите на повисоката Смисла на Постоењето. Тајната на философијата на образованието е ослободување на духовните потенцијали за потрагата по Смислата – да не се знае однапред каде води патот, но да се читаат меѓу редови Знаци покрај патот (Андириќ), создавајќи го при тоа Животот како уметничко дело од деловите на мозаикот – Знаци кои со светлината на нашите души ги осветлеваме и распоредуваме според уникатна комбинаторика. Да се оди во потрага по Смислата е смисла на философското образование! Тоа значи да се биде свесен дека на светот постои еден единствен пат, по кој никој друг не може да оди освен ние самите и да не се прашува каде води тој пат, туку да се тргне храбро и смело по него. Фридрих Ниче истакнува дека човекот никогаш не се издигнува така високо во пределите на духовноста како кога не знае уште каде може да го одведе неговиот пат⁷. Во потрагата по Смислата човекот се ослободува од прангите на однапред создадените мислења и стравови, кои му ги наметнува традицијата и општеството и всушност животот без ваквото ослободување според Ниче е бесмислен – а човекот кој се откажал од вредноста на таквата потрага – од визијата на својот гениј, е најпротивставеното и најосаменото суштество, кое е лушпа без јатка⁸.

Смислата на образованието не е да се достигнат само одредени цели кои би станале средство повторно за достигнување на други повисоки цели (и така во круг) – туку смислата на образованието е да се создаде смисла во животот – да се тргне смело во потрага по смислата на животот која е единствениот зачин кој го прави животот вреден за живеење. Среќата може да има краткотраен карактер или да биде илузорна доколку целите на животот се од минлив карактер... А потрагата по смислата на животот е нешто што е возвишено и што му дава убавина и восхит на животот – му дава причина за достигнување на уште повисоки цели кои можеби немаат чисто инструменталистичко и прагматично значење – а сепак ги зголемуваат радоста, убавината, виталноста и играчкиот полет во срцето – го исполнуваат срцето и ја ослободуваат душата од бремето на современата епоха која го направила современиот човек да биде машина без чувства – робот кој е програмиран да ги извршува прецизно и механички рутински своите дејствија и

⁷ Niče, F. Šopenhauer kao vaspitač, str. 10

⁸ Niče, F., op.cit., str. 8

активности без душа и без мерак!!!⁹

Целта на философското образование е да се издигне свеста на човекот за својата оригиналност, единственост и неповторливост: да се разбере секој човек како чудо кое еднаш се случува! Мислителот е истражувач – *homo ludens*, кој ја презира мрзеливоста на луѓето кои наликуваат на фабричка стока... Тој не припаѓа на масата и никогаш не е инертен во однос на самиот себеси: длабоко во себеси знае дека сето она што го прави, мисли или кон кое се стреми – сето тоа не е самиот тој! Тој го живее херојскиот животен пат – според сопствената мерка и според сопствениот закон!

Мислителот полека излегува од сенката на современата држава подготвен да одговори на сите предизвици кои стојат пред него во векот во кој смртта на Смислата ја разоруваше суштината на образованието. Тоа во грч се бореше да ја пронајде својата духовна нишка во создавањето на универзална заедница на личности кои ќе успеат да се изборат за својата слобода и за својот живот, не дозволувајќи да потпаднат под сенката на духовниот конфекционизам со помош на кој послушниците на државните институции сакаат да ја обликуваат свеста на обичниот граѓанин, гледајќи на него само како на обично мало тркалце во механизмот на општествената машинерија... На повидок: борбата на мислителот со немилосрдноста на јавниот живот во кој свеста и самосвеста на граѓанинот се отфрла под диктатот на државата на самата периферија – на самите маргини на општеството, без ронка совест и се третира само како статистичка бројка со која може и треба да се манипулира за да се остварат целите на политичката елита! Во ератата на глобализацијата и информатичко – технолошкиот развиток, нејзиното величество информациијата се шири како вирус и ја разболува свеста на обичниот човек, шире омраза, непријателство, поделеност меѓу народите и се претвора во машина за сење на смрт... Мислителот соочен со брзиот напредок на информатичката технологија и преплавеноста на сите медиуми со мноштво на различни информации, го живее парадоксот на ератата на информациијата наречен дисперзија и анихиляција на суштината на образованието во широкиот спектар на образовни активности кои се тука да ја исполнат временската празнина со цел да бидат регулатив на општествениот живот. Но, образованието во современото општество не е насочено кон тоа да воспитува и образува личности кои ќе знаат да создадат Смисла на Животот... Тоа не му го овозможува на човекот чувството да биде слободен и во потполност со самиот себеси! Мислителот кој постојано е во потрага – кој трага по Смислата на Животот, подготвен е да пишува со мастилото на својата крв и да умре за своите идеи борејќи се за победата на Духот на идеите. Мислителот како борец за победата на Вистината – за победата на Духот на Слободата!!! Борба на мислења – суети!!! Сооченост со полидимензионалноста на перспективите во кои Вистината трага по своите корени... Борбата на Мислителот со светогледот – парадигмата на општеството и неговата истрајност да ја извојува победата на неговите визии за едно похумано и подостоинствено општество. Во таа смисла Мислителот е метафизички бибер (Ниче) кој како необичен и надразнувачки зacin му помага на општеството да ја обнови силата и да заздрави од болестите на епохата. Мислителот е свесен дека да се живее значи постојано да се биде во опасност (Ниче)!!! Современиот морал кој е нешто што се наметнува од центрите на моќта на државата (кои стануваат се повеќе дисперзијани и на кои

⁹ Ѓокиќ, Д. (2015), „Филозофската култура во образованието и слободата како нејзин темел“ во: Филозофска трибина, година 38, број 17, пролет 2015, Скопје: Филозофско друштво на Македонија, стр. 111 – 132

им се губи трагата), дејствува и влијае на погледот на философот – Мислител дури и тогаш кога тој тоа не го сака. Мислителот е насочен со својот поглед кон Битието и сака повторно да ја одреди неговата вредност.¹⁰ Тој повторно го поставува прашањето за вредноста на Животот во неговиот изворен облик! Мислителот е реформатор на Животот и негов судија кој со неговите дела кои се огледало на времето, се стреми да ја реформира културата а со тоа и философската култура и образоването. Современиот суд за вредноста на Животот пати од конфузија, морално и духовно слепило во неможноста да се одредат границите на напредокот и да се одреди самата насока на Животот со помош на желбата за Слободата, Убавината, возвишеноста на Животот и стремежот за Вистината... Мислителот се бори против лажното присоединување на современите начела кон неговата несовремена природа, кои се покажуваат како туѓи и непријателски елементи на неговиот пат кон освојувањето на слободата и чувството на потполност со самиот себеси!!!¹¹

Учењето дека државата е највисоката цел на човештвото и дека за човекот највисоката обврска е да служи на државата е најголемата заблуда и глупост (Ниче), која философското образование и културата ги претвора во карикатури и плашила за птици достојни за потсмев!!! Мислителот кој излезе од сенката на современата држава го издигна леталото на својот Дух на синото небо на културата, која се лекува од опасните симптоми на нејзиното истребување и искоренување и почнува да доживува нови трансформации. Образованиот човек престанува да биде најголем непријател на образоването и ја согледува неизбежноста од духовна револуција во општеството. Неговото прашање кое тој го поставува пред лицето на светот: Присуство на непозната х – кои се најситните духовни атоми на човековото општество? Прашање кое се поставува во вистинскиот час кога човекот треба да избега од лажната марионетска комедија (во која заборавил на самиот себеси и се препуштил на разонодата). Решението на загатката треба да го пронајде во она што не е минливо. Ниче и смислата на философското образование: борбата за победа на љубовта кон Вистината – Иднината!!! Поставување на неговите темели: раѓањето на Сината птица – Слободата!!!

КОНСУЛТИРАНА ЛИТЕРАТУРА:

1. Ѓокиќ, Д. (2015), „Философската култура во образоването и слободата како нејзин темел“ во: Филозофска трибина, година 38, број 17, пролет 2015, Скопје: Филозофско друштво на Македонија, стр. 111 – 132
2. Ниче, Ф. (2009), Волја за моќ, Скопје: Крodo
3. Ниче, Ф. (2011), Ecce homo, Скопје: Ѓурѓа
4. Niče, F. (2005), Knjiga o filozofu. Antihrist. Dionisovi ditirambi, Beograd: Dereta
5. Niče, F. (1987), Šopenhauer kao vaspitac, Beograd: Grafos

10 Niče, F., op.cit., str. 29

11 Niče, F., op.cit., str.30

179:57(091)

Марија Тодоровска,
 Институт за филозофија, Филозофски факултет, Универзитет „Св. Кирил и
 Методиј“, Скопје, Македонија
 Marija Todorovska,
 Institute for philosophy, Faculty of philosophy, University "Ss. Cyril and Methodius",
 Skopje, Macedonia
marija.todorovska@fzf.ukim.edu.mk

ОСНОВАЊЕТО НА БИОЕТИКАТА КАКО ЕТИКА ПРИМЕНЕТА НА ПРАШАЊАТА ПОВРЗАНИ СО ЖИВОТО(Т)

THE FOUNDATION OF BIOETHICS AS ETHICS APPLIED TO ISSUES CONCERNING LIFE (THE LIVING)

Апстракт

Применетата етика, за разлика од, но и комплементарно со, нормативната етика и мета-етиката, се однесува на морални прашања, одлучување и однесување во конкретни случаи од човековиот живот. Со плуриперспективен и мултидисциплинарен пристап, биоетиката се применува на прашања поврзани со живото(т), нудејќи етички решенија за проблеми што се дел од биомедицината, науката, технологијата, правото, јавното здравје, политиката. Во текстот е дадена скица на биоетиката како интегративна позадина на моралното одлучување и однесување во врска со (био)науките, и кратко се описаны карактеристиките на американската, Потеријанска биоетика и постарата, европска биоетика. Така, кусо разгледани се почетоците на европската, метафизичка биоетика на Фриц Јар.

Клучни зборови: биоетика, применета етика, Фриц Јар, живо(т), Ван Ранселар Потер

Abstract

Applied ethics, unlike, but in a complementary manner with normative ethics and meta-ethics, concerns moral issues, decision-making and moral behaviour in concrete cases of (ordinary) human life. Through a pluriperspective and multi-disciplinary approach, bioethics is applied to issues connected with life (the living), offering ethical solution to problems that appear in biomedicine, science, technology, law, public health, politics. The text presents a brief outline of bioethics as an integrative background of moral decision making in relation to the (bio)sciences, and of the characteristics of American, Potterian bioethics and the older, European bioethics. In that spirit, the beginnings of European, metaphysical bioethics of Fritz Jahr are briefly presented.

Key words: bioethics, applied ethics, Fritz Jahr, life (the living), Van Rensselaer Potter

Доколку етиката, која е практична дисциплина, се подели на дескриптивна етика, прескриптивна (нормативна) етика и мета-етика, се поставува прашањето дали мета-етиката, која се однесува на **определувањето на природата на моралните концепти и вредносните судови, на можноста за нивно познавателно поткрепување, и на нивното значење, во голема мера преку анализа на логичките и семантичките аспекти на моралниот јазик (како што голем број на енциклопедии, учебници и лексикони ја дефинираат)**, би требало да биде под-дисциплина, со оглед на тоа што се поставува како мета-теорија, и дали воопшто било која мета-теорија во одредена дисциплина би требало да се смета за нејзина под-дисциплина. Сепак, доколку етиката се замисли како множество чии членови се областа која се однесува на дескрипција на морални концепции и практики, областа на нормирање на прифатливи концепти, судови и типови на морално одлучување и однесување, и областа која се однесува на природата на начините на кои моралното формулирање и однесување се образуваат и функционираат, тогаш мета-етиката припаѓа како множество во оваа унија, иако се однесува на природата на материјалот од другите две области. Етиката може да се подели на претходно споменатите множества на нормативна етика и мета-етика, и на областа на применетата етика, при што во неа влегуваат сите морални проблеми и прашања од животот на човекот во неговите лични, здравствени, семејни, професионални околности. Нормативната етика се однесува на моралните прашања за тоа што одредено дејство го прави правилно или погрешно, добро или зло, со акцент на претпочитањето на она кое треба да биде, правилното, доброто. Применетата етика ги користи принципите на таквото одлучување, применувајќи ги на конкретни проблеми. Дел од конкретните проблеми во човековото морално одлучување и однесување се поврзани со прашањата за животот(т). Прашањата за животот(т), личноста, смртта и смртноста, здравјето, медицината, био-технологијата, човековиот идентитет во новата епоха и слични се биоетички прашања. Во оваа смисла, биоетиката може да се смета за вид применета етика. Тоа не значи дека сета применета етика е биоетика, затоа што во нејзини рамки влегуваат социјалната етика, професионалната етика (во чии рамки може, но не мора, да се вброи бизнис-етиката), организационата етика, широкото подрачје на етика на одлучување и други, ниту значи дека биоетиката е само применета етика, затоа што и во нејзини рамки има и нормативни и мета-етички области, како и комплексни поврзувања со природните науки, медицината и био-технологијата, односно со науките и дисциплините кои се однесуваат на аспекти од животот или животот. Биоетиката се покажува како нужна (и тоа сè повеќе) во новата епоха, кога сè повеќе е јасно дека проблемите на дефинирањето, одржувањето, разбирањето и подобрувањето на животот(т) не се изолирани факти и појави во медицината, клиничката пракса, јавното здравје, човековите права, одредниците во правото и политиката. Биоетиката се појавила во дваесеттиот век како одговор на потребата за теориско разбирање на моралните проблеми во врска со bios, поради очигледните недоумици што се јавиле како резултат на сомнителни и штетни истражувања со луѓе и уништувањето на природата, за на почетокот на дваесет и првиот век, со вртоглавиот развој на науката и техниката и интензивната социјална стратификација и свесноста за потребата за постигнување на минимум на човеково достоинство и добросостојба за тие да можат да се подобруваат, сè повеќе да се развива како мета-теорија и како применета филозофија. Поставувањето и одговарањето на прашањата за животот

предизвикуваат пројавување на растечко чувство за нивната важност, како и за импликациите на нивното решавање: тоа е биоетичката сензибилност, чие препознавање, артикулирање и негување се едни од најсуштинските цели на интегративната биоетика – биоетика која подразбира плуриперспективност и мултидисциплинарност во соочувањето со ваквите прашања.¹ Биоетиката, може да се определи, функционира како позадина на, или како баланс меѓу проблемите кои се јавуваат во науките за животот и дисциплините кои посредно се однесуваат на прашања за живото(т), а кои таа мета-теориски ги третира, правната регулација на тие проблеми и интервенцијата на юриспруденцијата, политичкото уредувње и импликации на нивните решенија, и значењето, вредноста на целиот тој процес на идентификување, решавање и антиципирање на проблеми во филозофски контекст. Токму затоа важноста на биоетиката е во нејзиниот широк и системски насочен потфат на применета мултидисциплинарност.

Американската или Потеријанска биоетика (според основачот, Ван Ранселар Потер – Van Rensselaer Potter, 1911-2001), всушност, доминантно научна или медицинска етика, концептирана на почетокот на седумдесеттите години од минатиот век како мост кон иднината и насочена кон разбирање на проблемите поврзани со заштитата на човекот и на личноста во био-медицинската сфера, се смета, како за примарна, така и за најважна биоетичка струја. Идејата на Потер, што важи до денес, е дека биоетиката, како спој на био(лошки) науки и етика, е наука што служи како мост меѓу природните науки и хуманистичките науки, а и меѓу минатото и технологизираната иднина. Сепак, додека важноста може да зависи од променливи околности, затоа што, како и областа на која се однесува, и самата е контекст-зависна, и со тоа е флукутирачка категорија, нејзината примарност може да се доведе во прашање, како хронолошки, така и проблемски. Додека од една страна постои и се развива Потеријанска биоетика, постојат и европски, метафизички корени на биоетиката, појавени мошне порано, во дваесеттите години на минатиот век, во опусот на германскиот теолог Фриц Јар (Fritz Jahr). До пред помалку од дваесет години се верувало дека американскиот биохемичар Потер бил првиот кој го употребил терминот биоетика, прво во текстот „Bioethics: a Science of Survival“ („Биоетика: наука на преживување“) од 1970 година, а потоа и во меѓникот на дисциплината, неговата книга Bioethics – Bridge to the Future (Биоетика – мост кон иднината), каде ја изразува неговата загриженост за сè поголемата дехуманизација на науката, како и потребата за заштита на природните ресурси, заедно со подоброто разбирање на нужноста за одржување на рамнотежата на еко-системот и потребата за превенција на штета. Не се работи за спротивставени традиции, туку за комплементарни: додека применливоста на медицински и клинички основаната американска биоетика е „попрактична“, одредена од приоритетите на американската култура, обидувајќи се прагматично да одлучува за нешта кои се недоречени, сведувајќи се на важни, но кревки „пакети на принципи“, европската биоетика е „пометафизичка“. Не значи дека поради тоа што е постара, европската биоетика е супериорна или поприлагодена на случаувањата во развиениот нов свет, ниту пак значи дека нејзините принципи заостануваат зад американската биоетика насочена кон активно и иновативно решавање на проблеми. Признавањето на две комплементарни традиции и учењето од искуствата на обете е потполно во духот на интегративноста на

¹ За биоетичката сензибилност во Ante Čović, "Wissen und Moralität", *Synthesis philosophica* 26 (2/1998), 565.

биоетиката во дваесет и првиот век, вклучувајќи ги плурализмот на перспективите и корисноста на различните дисциплини во потребата од интегрирано знаење. Фриц Јар (1895-1953), во свој текст од 1926 година² за прв пат го употребил поимот биоетика, со што се легитимираше како еден од првите биоетичари (иако, според водењето по принципи кои современата епоха ги смета за биоетички валидни и вредни, биоетичари може да се идентификуваат и претходно). Во неговиот следен текст „Биоетика: осврт на етичкот однос на човекот со животните и растенијата“, објавен во 1927 година во списанието *Kosmos, Handweiser für Naturfreunde* Јар ги опишува и принципите на дисциплината.³ Во 1997 година, на конференција во Тибинген, професорот Ролф Летер (Rolf Löther) од Универзитетот Хумболт го споменал името на Фриц Јар, како автор на кованицата биоетика во дваесеттите години од минатиот век. Откритието за Јар потоа набрзо се проширило низ светот, благодарение на германски, на латино-американски и на хрватски биоетичари. Во првата деценија на овој век, германскиот истражувач Ханс-Мартин Зас (Hans-Martin Sass) од Кенеди Институтот за етика при Универзитетот Џорџтаун спровел екstenзивно истражување за Јар. Концепциите на биоетиката, едната метафизичка, другата научна, се комплементарни (се забележало уште од првите истражување на делото на Јар): Јар ја осмислува кованицата биоетика и го развива концептот на дисциплината поаѓајќи од *bios*, од животот, поврзувајќи ја етиката со животот не само на луѓето, туку и на животните и на растенијата, а Потер, како биохемичар и онколог, етиката ја поврзува со науката. Потер, сепак, не инсистирал до крај дека биоетиката е наука, таа е толку широкопфатна и има толку апстракции во нејзиниот категоријален апарат, што тој кон крајот на животот претпочитал да ја смета посекоро за религија отколку за наука. Биоетиката се однесува на науките, но самата не оперира со докази, не се заснова на проверливост и повторливост, барем не на начин на кој се очекува во истражувањата на физиката или биологијата, на пример, и во таа смисла не е наука. Потоа, биоетичките проблеми се толку многубројни и може да бидат различно групирани и разгледувани, што доведува до хиперпродукција на текстови, мислења и насоки, кои не можат да бидат споредувани и спротивставувани како научни формулатии. Биоетиката мошне рано се ориентирада кон медицински теми, кои, секако, остануваат особено важни, но паралелно се појавила потребата за европеизација, како начин за поврзување со поразновидната и побогата европска култура на перспективи.

Јар ги поставил темелите за биоетиката како нова дисциплина, прифаќајќи го Кантовиот категорички императив и проширувајќи го на животните и на растенијата. Значи, тој се свртел од антропоцентрички основана етика кон широкото сфаќање на *bios*⁴ како резултат на поврзувањето на науката со светите списи. Јар забележал дека психологијата веќе се имала проширено и напсихологија на животните, и дека се забележуваат назнаки и за психологија на растенијата, и

2 Хронолошка библиографија во Amir Muzur, Iva Rinčić, "Fritz Jahr – the Father of European Bioethics – a Preliminary Biography and Bibliography", *Synthesis philosophica* 51 (1/2011): 133-139, прецизен список на 136-137.

3 Одличен приказ на делото на Јар во Iva Rinčić, Amir Muzur, Fritz Jahr i rađanje europske bioetike, Pergamena, Zagreb, 2012. Покрај авторски трудови, од кои се добиени поглавјата поместени во делото (сите поглавја се разработени или доработени веќе објавени трудови на авторите, или пак резултат на работа на други трудови кои ги одвеле во овие насоки, со образложена историја на трудот во секое поглавје, 19-184), поместена е и збирка на статиите на Јар во превод на хрватски јазик, 187-290.

4 Ова поместување на парадигматската матрица не било резултат на интуиција за севкупната меѓусебна поврзаност на животот, како кај Алберт Швајцер (Albert Schweitzer) во речиси истото време; ниту како производ на длабоко религиозно верување дека сите созданија се меѓусебно поврзани, како кај св. Франој Асишки (st. Francesco d'Assisi) десетина векови претходно.

поаѓајќи од концепцијата на Ajслер (Eisler) за „био-психика“ („Bio-Psychik“), посочил дека во контекстот на научното истражување на неговото време, потребни се неологизам и теорија со силна синергичка порака. Токму досегот на науката, производите на прогресивен и активен човечки ум ќе покажат, сметал, дека нема стабилна основа за застапување на антропоцентричката позиција.⁵ Филозофијата, според Јар, некогаш водилка на науките, би требало да се гради и врз фактите на науката. Науките покажуваат дека строгата поделба на луѓе од една страна и на животни од друга страна е неоснована. Според ова, има само еден чекор од био-психика до био-етика, во кој се подразбира претпоставката за морална должност не само кон луѓето, туку кон сите форми на живот (проширувањето на Кантовиот категорички императив). Биоетичкиот императив на Јар гласи: „Почитувај го секое живо суштество во принцип како цел по себе, и по можност и постапувај со него како со такво!“ („Achte jede Lebewesen grundsätzlich als einem Selbststzweck, und behandle es nach Möglichkeit als solchen!“).⁶ Ако Јар се смета за „изумител“ на европската биоетика, следејќи го неговиот опус не може да се пропуштат неговите забелешки за одамна постоечката источна филозофија на животот, речиси сосема различна од европската. Всушност, благодарение на опозицијата меѓу Истокот и Западот,⁷ биоетичките принципи на Јар стануваат очигледни. Односот кон растенијата и животните на Запад е утилитаристички⁸, тие се потребни и се корисни во контекст на одржувањето и преуспевањето на човекот. Но, Јар се прашува за тоа како Божјата заповед „Немој да убиваш!“ ја објаснува врската на човекот и животните. И Светото писмо и природните науки упатуваат кон морална одговорност кон животните. Ако петтата Божја заповед не се однесува само на луѓе, тогаш таа би можела еднакво да се примени и на животните и на растенијата, колку и ова да се чини утопистички. Како додавка на неговото фундирање на биоетиката, Јар го воведува и принципот на милоста, на сочувствието, покрај научните факти за непостоењето на квалитативните разлики меѓу луѓето и животните. Овој принцип не е само некој случаен емоционален или ментален конструкт, туку е научен факт што се појавува како емпириски даден феномен на човековата душа. Затоа, сочувството што се има кон животните е истото што се има кон луѓето, и воопшто не е утопистичко, затоа што чувството на (со)милост се чувствува кон живите суштества, а не само кон одредена група на живи суштества.

Биоетиката подразбира конвергенција на различни дисциплини, помирување на перспективи, менување на парадигми, стремење кон интегриран пристап и информираност комбинирана со емпатичност во моралното одлучување при прашањата за живото(т). Комплементарноста на научната и метафизичката струја, на применливоста и применетоста и мета-пристапот, на интеракцијата на западните и источните концепции, чии поврзување допрва ќе

⁵ За ова Јар се повикува на св. Франој Асишки, Фридрих Шлаермахер (Friedrich Scheleiermacher), Рихард Вагнер (Richard Wagner), Едвард фон Хартман (Eduard von Hartmann).

⁶ Од „Wissenschaft vom Leben und Sittenlehre“, Mittelschule 40, no. 45 (1926): 604-605. Во „Три студии за Петтата Божја заповед“ („Drei Studien zum 5. Gebot“ Ethik: Sexual und Gesellschaftsethik 11 (1943): 183-187), тој се враќа на биоетичкиот императив, подетално образложувајќи го како надградба на Кантовиот категорички императив, евангелското Златно правило, односно Основите на моралот на Шопенхауер.

⁷ Веројатно е дека Источното учење му било достапно преку Западни автори, како Артур Шопенхауер, иако допрва треба да се утврди до кој степен бил запознаен со филозофијата на Истокот (Ivana Zagorac, „Fritz Jahr's Bioethical Imperative“, Synthesis philosophica 51 (1/2011): 141-150, особено 142-143).

⁸ Јар не заборава дека користењето на животните придонело во постигнувањето на позицијата што човекот ја има во светот, но забележува дека токму научниот напредок може да претставува опасност, оставајќи ги луѓето кршливи и зависни од екстерни причини.

се дооткрива и користи, ја сочинуваат и развиваат биоетиката како интегративна дисциплина, посветена на постојано разрешување на современите проблеми поврзани со живото(т), како теориска позадина и како применета мудрост.

Д-р Ангелина Јаневска

ФИЛОЗОФИЈАТА И ОПШТЕСТВОТО ВЛИЈАНИЕТО НА МАТЕРИЈАЛНАТА КУЛТУРА

PHILOSOPHY AND SOCIETY THE INFLUENCE OF THE MATERIAL CULTURE

Филозофски аспекти за материјалниот свет и материјалната култура

Abstract

The items in our life's, even though they have basic function and useable value, represent much more than that. Individuals become connected with the item; the item represents a material body, however at the same time it has a psychological field over which we have power, and are a part of the material culture of every ethnicity. The best way to explore history, material culture and antiques is through the items, objects and products of art. Collection was and it is very important social practice during the course of the early historic period, because it served as an opportunity for gaining a wide specter of cultural influences. Collection in the historical context and research of the collections, represent a new field which are part of wider range of cultural researches

Key words: Collection, items, culture, antiques, ethnicity

Апстракт

Предметите во нашите животи, иако имаат основна функција и употребна вредност, претставуваат многу повеќе. Индивидуите се поврзуваат со предметот; предметот претставува материјално тело, но во исто време е и психолошка област над која ние имаме моќ, а се дел од материјалната култура на секој етнос. Најдобар начин за изучување на историјата, материјалната култура и антиквитетите е низ објектите, предметите и производите од уметноста. Колекционерството било и е важна општествена пракса во текот на раниот историски период, бидејќи служело како можност за придобивка на широк спектар културни влијанија. Колекционерството во историски контекст и истражувањето на колекциите, претставува ново поле кое го наоѓа свое место во поширок опсег за придобивка на широк спектар културни влијанија. Колекционерството во историски контекст и истражувањето на колекциите, претставува ново поле кое го наоѓа своето место во поширок опсег на културните проучувања.

Клучни зборови: Колекционерството, предмети, култура, антиквитети, етнос

Вовед

Предметите се материјални работи со кои луѓето се среќаваат и ги користат. За предметите обично се зборува како за материјална култура. Терминот "материјална култура" го разгледува аспектот како предметите во околината влијаат на луѓето, и како луѓето ги употребуваат за извршување на општествени функции, за регулирање на општествени односи и давање на симболичко значење на човековата активност. Предметите се разликуваат по класата и големината, од дискретни предмети како молив, клуч, монета или лажица, до комплексни како авион, моторно возило, трговски центар или компјутер. Сепак, традиционално терминот материјална култура се однесува на помали предмети кои се преносни. Полето на изучување на студиите по материјална култура опфаќа голем опсег на истражувања за употребата и значењето на предметите. Тоа дава слика за односите човек-предмет, каде придонесот на антропологијата, социологијата, психологијата, дизајнот и културолошките студии се од големо значење.

Изучувајќи ја културата како нешто креирано и живеено, преку предметите, ние можеме подобро да ги разбереме општествените структури и поголеми димензии во системот како нееднаквоста и општествените разлики и исто така човечките активности, емоции и значења. Предметите исто така ја претставуваат и врската помеѓу општествената, економската структура и индивидуалецот. Ако размисловаме за материјалната култура на потрошувачките општества, тие се всушност местото каде што масовното производство на предмети се среќава и се користи од индивидуалците, кои мораат да воспостават нивни сопствени значења и да ги вклучат таквите предмети во нивниот личен начин на живеење.

Главното тврдење на студиите по материјална култура е дека предметите имаат способност да им дадат значење на работите - или да креираат општествени значења - во името на луѓето. Предметите можат да означуваат субкультурни афинитети, занимања, учество во слободни активности или општествен статус. Исто така, предметите стануваат интегрален дел и ги претставуваат пошироките општествени сфаќања во врска со широко прифатените норми и вредности кои се зачувани во општествените институции. Предметите, исто така имаат лични и емоционални значења, тие ги овозможуваат интерперсоналните интеракции и помагаат на личноста да преземе одредени чекори. На пример, носењето одредена гардероба може да направи личноста да се чувствува помоќно со тоа што ќе ја промени неговата лична перцепција за себе. Значи, предметите можат да помогнат во формирање или негирање на интерперсоналното или групното поврзување определувајќи ја формата на себе-идентификување и почитување, и во интегрирање или разликување на општествени групи, класи или фамилии.

При проучувањето на материјалната култура треба да се имаат во предвид личните мислења и перцепции на аналитичарите. Дагизземемеза примера спектрите на Француската култура каде некои автори ја нагласуваат нејзината елеганција, но можеби некој ќе се запита колкава е сличноста помеѓу перцепцијата од страна на обичниот корисник на тие предмети и софистицираниот пристап и начин на опишивање на аналитичарите. Понатаму, не е во прашање само што индивидуите сметаат дека претставуваат и значат предметите, туку и како индивидуите ги гледаат предметите во однос на други индивидуи во рамките на комплексни групи

и мрежи, определени од општествениот статус и улога, зависно од просторот и времето. Затоа, за аналитичарите во било која литература, предметите можат да бидат прикажани како моќни, перфектно разбираливи и историски круцијални. Но сепак, штом ќе се чуе гласот на корисникот, јасноста и сигурноста им даваат простор на бројни интерпретации и манипулации. Она што еднаш било определено само со аналитичка проценка и концептуална јасност, сега бледее.

Денешниот интерес за материјалната култура е поврзан со две клучни случувања во општествените науки: голем број од истражувања кои се користат низ голем опсег на дисциплини и воздигнувањето на постструктурната и интерпретивната теорија. Вниманието кое им се дава на предметите како суштински елементи на културата на корисникот, предизвикува обновување на статусот во општествено-културните и потрошувачките процеси во модерните општества. Овој интерес за кориснички предмети исто така е поврзан со пошироките случајувања во општествената теорија особено искажан како културен пресврт.

Иако, историски гледано, често се нагласувала загриженоста за материјалната компонента на културата, неодамнешниот интерес за предметите се појави во контекст на познатите општествено-културни сфаќања во модерните општества, и на сметка на тоа, важноста што тие ја даваат на материјалната основа на потрошувачките процеси, и културните значења што ги имаат тааквите предмети во општествата.

Вториот развоен момент е поврзан со генералното насочување кон јазик, култура, места и простори во постструктуралната општествена теорија, и во тој поглед интересот кој се пројавува и за повеќе од само традиционалните општествено научни аналитички категории поврзани со "големи" општествени сили како класа, пол и раса.

Поврзан со подемот на постструктуралната теорија е и интересот за важноста на различните променливи и позиции во општествените структури и трансформации како што се контекстот/содржината, простор и предметите. Овие пристапи не ги игнорираат општествено-структурните димензии; тие ги земаат нив во предвид на контекстуален, базичен начин. Исто како интерпретивната и текстуалната работа за цивилизациите и културолошката антропологија, е од големо значење во овој поглед, затоа што ги принудува општествените истражувачи да го насочуваат нивниот интерес кон дискусији, технологии и стратегии кои практично функционираат на ниво на идеи, контекст/содржина, време и простор, како техники за општествена контрола.

Како предметите можат да добијат културна димензија

Филозофскиот аспект на предметите и нивната културна димензија можеме да ја анализираме од стојалиштето дека идеата за предметите како индикатори за естеска и културна вредност е најсистематски развиена. Улогата на естетскиот избор - личниот вкус - предизвикува општествени разлики. Идеата дека проценките за вкусот се засновани на објективни и апсолутни критериуми со тоа што покажуваат дека одредени општествени и класни сегменти имаат тенденција кон посебни вкусови, што резултира со препознавање и развивање на вкус за

одредени предмети на сметка на другите предмети. Уште повеќе, доминантните општествени групи го имаат авторитетот да ги дефинираат параметрите на културната вредност и на тој начин ги обезвреднуваат стиловите на работничката класа како “неестески”.

Во потрошувачките општества каде вкусот станува многу видлив индикатор за постоење разлики, таквите заклучоци се појавуваат во структурите на општествена позиција и статус. Важно е да се напомене дека естетскиот избор е толку темелно научен и воспоставен што класните индикатори се изразени преку телото, себе-презентирањето и однесувањето. Едноставното запознавање со културните и естетските правила на одредена општествена класа можеби нема да биде доволно, затоа што личното однесување скоро никогаш не успева да ја прикрие припадноста на својата вистинска класа.

Колекционерството и предметите

Значењето на предметите било тема на истражување, вообичаено нарекувана материјална културна теорија, која потекнува од 1960-те години. Истражувањето на колекциите претставува ново поле, кое го наоѓа своето место во поширок опсег на културни проучувања и тоа во последната декада. Индивидуалните колекции и колекционерите биле предмет на истражување на голем број публикации, повеќето насочени кон дисциплинирани или биографски перспективи. Од тука колекционерот зема учество во креирањето и тоа не според видот на предметите кои ги собира (тие може да варираат), неговата возраст, неговата професија, социјалниот статус, итн. туку според неговиот фанатизам.

Содржината на колекцијата е квалитативна, додека нејзината материјална организација е квантитативна(1) Затоа што поседувањето подразбира одреден интимен делириум каде сопственикот се приврзува, грижи и внимателно го проучува привилигираниот предмет, тоа подеднакво вклучува активности на барање, категоризирање, собирање и отстранување (2)

Предметите кои што колекционерот ги собира можат да бидат антиквитети или предмети кои што се едноставно собирливи во одредена колекција. (3) Прашањето зошто луѓето собираат стариини е многу често поставувано. Собирањето се чини дека му дозволува на човекот да се доближи до неговиот инстинкт.

Вопоследните 30 години се купуваат, собираат, продаваат, пишуваат и издаваат книги за антиквитетите и колекционерските предмети.(4) Кога се започнало со оваа област постоел многу мал интерес, обично само кај специјалистите колекционери, академици и повисоките слоеви од општеството. Сето тоа сега е значајно променето. Од крајот на 1970-тите, оваа област доживеала експанзија и експлозија на популарност. Постои очигледно огромна експанзија за видовите наречени антиквитети или вредни колекционерски предмети. На пример, во почетоците на колекционерството, само предметите создадени пред 1840 година биле сметани за антиквитети. Оваа ригидна дефиниција било постепено омекната за да се земат предвид и предметите над 100 години старост. Денес, терминот антиквитет е широко применет за да се опфатат предмети произведени од и во текот на Втората светска војна. Исто така, областа на колекционерството значајно е проширена за да ги опфати претходно отфрлените различни предмети, како што

се современиот мебел и предметите од рок и поп музиката. Единственото резиме од сето ова е дека сега има многу поголем број на интересни и потенцијално вредни за да можат луѓето да ги купуваат, продаваат и собираат. (5)

Заклучни согледувања

Предметите го започнуваат живот надвор од колекцијата и можно е да се создадат индивидуални биографии за одредени предмети кои го покриваат, прво новниот живот во генерална циркулација, потоа новниот влез во колекцијата, а потоа можеби и влезот од таа колекција во познат музеј, со својот конкурентен репертоар од документација, дисплеј, фотографија и публикација.

КОРИСТЕНА ЛИТЕРАТУРА

1. Christopher Howgego, Ancient History from coins, Routledge, London, 1995
- 2 . Clunas Craig, Art of China, Oxford University Press, SAD, 2009
3. Csikszentmihalyi Mihaly & Rochberg-Halton Eugene, The meaning of things, Press Syndicate of university of Cambridge, Cambridge 1999
4. Edith Mayo, American Material Culture: The Shape of Things Around Us, Bowling Green State University Popular Press OH, 1984
5. Elliott, Blanche B., A history of English advertising, Business Publications and Batsford, London, 1962

821.161.1-2:792(497.7)

Наталья Лапаева-Ристеска
 МСУ „Г. Р. Державин“ – Битола, natalya_lapaeva@mail.ru

РУССКАЯ КЛАССИКА В СОВРЕМЕННЫХ ПОСТАНОВКАХ МАКЕДОНСКИХ ТЕАТРОВ: ВЕРСИИ

RUSSIAN CLASSICS IN MODERN PERFORMANCES IN MACEDONIANS THEATERS: VERSIONS

Аннотация: Статья содержит результаты анализа репрезентативных спектаклей из репертуара македонских театров («Народен театрар – Битола», «Македонски народен театрар – Скопье», театр «Војдан Чернодрински» – Прилеп), созданных по произведениям русской литературы. Они являются собой версии пьес из арсенала русской драматургии («Иванов» Чехова – реж. Александр Бергман, «Курица» Коляды – реж. Марьян Джорджеевски), scenicеские переработки знаменитых романов русских писателей («Каренина made in Macedonia» Андоновски – реж. Деян Пройковски, «Мастер и Маргарита» Булгакова – реж. Иван Поповски), театральные тексты, содержащие цитаты из произведений русских драматургов («Без паники» Мюлляхо – реж. Благой Мицевски, «Сны Эйнштейна» Лайтмана – реж. Слободан Унковски). Эти постановки демонстрируют оригинальную интерпретацию мотивов русской литературы, всегда утверждавшей вечные ценности (свобода, любовь, поиски истины).

Abstract: The article contains analysis of representative performances of the Macedonian theaters (“Народен театрар”, Bitola; “Македонски народен театрар”, Skopje; “Војдан Чернодрински”, Prilep), created by the works of Russian literature. They are versions of the pieces from the arsenal of Russian drama (“Ivanov” by Chekhov – dir. Bergman, “The Hen” by Kolyada – dir. Dzordzievski), scenic transformations of the famous novels by Russian writers (“Karenina made in Macedonia” Andonovski - . dir. Proykovski , “Master and Margarita” by Bulgakov - . dir. Popovski), theatrical texts including quotations from the works of Russian playwrights (“Do not panic” Mullyaaho – dir. Micevski, “Einstein’s Dreams” Lightman – dir. Unkovsky). These performances show the original interpretation of the motives of Russian literature always speaking about timeless values (freedom, love, search of the truth).

Ключевые слова: русская драматургия, македонский театр, scenicеские интерпретации, проблема рецепции

Keywords: Russian drama, Macedonian theater, scenic interpretation, the problem of the reception

«Скрещение судеб» македонского и русского театров началось не сегодня, но имеет свою традицию. Однажды мне довелось побывать на выставке работ Василие Поповича-Цицо (1914-1962), известного македонского художника, жившего в Скопье и тесно связанного с театром. У него была «лёгкая рука» и острый ум. Преданно любя театр и хорошо зная его «изнутри», он создал замечательные

сценографии и эскизы костюмов. На выставке можно было увидеть эскизы костюмов, которые он делал к спектаклям 1950–70-х годов – всё выполнено с отменным вкусом и мастерски. Среди работ Поповича-Цицо я «наткнулась» и на «своё», «родное»: целая стена была «завешана» эскизами костюмов к спектаклю по пьесе Александра Островского «Волки и овцы». Я сделала вывод, что в те годы македонский театр довольно часто обращался к постановкам пьес «создателя русского национального драматического театра» Александра Островского. В сегодняшнем репертуаре драматических театров Македонии Островского, увы, нет. Но – браво вам, македонские режиссеры! – есть другие русские авторы. Конечно, среди них лидирует Чехов. Его «Вишновата градина» («Вишневый сад»), «Вујко Вања» («Дядя Ваня»), «Иванов» «не сходят с подмостков» театров в Скопье, Штипе, Битоле, Велесе.

Привлекает внимание постановка пьесы Чехова «Иванов» в битольском театре «Народен театар – Битола». Битольский «Иванов» – плод сотрудничества Македонии и России. Поставил спектакль режиссер из Петербурга Александр Бергман, но все остальное – македонское: перевод сделал Димче Бильяновски, сценографом стал замененный Валентин Светозаров, костюмами занимался Благой Мицевски, музыкальное оформление принадлежит Марьяну Нейкяку. Иванова исполнял «звезда» Битольского театра харизматичный Огнен Дранговски. (Огнен Дранговски – признанный в мире актер. Это подтверждает факт того, что в сезоне 2014 года он был приглашен знаменитым шекспировским театром «Глобус» в Лондоне на роль Шейлока в спектакле Билла Бакхерста «Веницианский купец» и сыграл ее успешно.) О, сколько Ивановых до него было в России, и каких! – Борис Бабочкин, Евгений Леонов, Иннокентий Смоктуновский, Виталий Соломин, Андрей Смоляков etc. Но Огнен Дранговски «не затерялся» среди своих великих предшественников. Он сыграл «своего» Иванова. Артист – красивый, внутренне пластичный, «фактурный» – пытался воспроизвести настроение totally разочарованного и глубоко одинокого современного человека. Он уходил и от социальных характеристик, и от психологизма и, изображая не столько чувства, сколько страсти, представлял человека смятенного, «раскачивающегося» от внутренних импульсов и «толчков», а также от потрясений, исходящих от внешнего мира. Сценическая версия «Иванова», предложенная театром в Битоле, – это комедия, перерастающая в драму. Этот спектакль можно охарактеризовать как нервный и остроэмоциональный, печальный и разряженный юмором. Он – о талантливом человеке, взвалившем на себя ответственность за созданный им мир и не выдержавшем этого груза, о невозможности убежать от себя и сломать свою природу, о борьбе за любовь между мужчиной и женщиной.

Современная русская драматургия в битольском драматическом театре представлена Николаем Колядой. Из многочисленных произведений «солнца русской драматургии» выбрана комедия «Курица» (1989). Если перевести это название на македонский, то оно будет выглядеть как «Кокошка». «Команда», работавшая над спектаклем, заслуживает самой высокой оценки. Постановку осуществили режиссер Марьян Джорджиевски, сценограф Валентин Светозаров, костюмер Благой Мицевски, и – слава! им. Все оказалось динамичным и невероятно «смотребельным». Пять артистов, игравших на сцене неуспешного режиссера (Александр Димитровски) и его визави (Катерина Аневска), пару уставших друг от друга «театральных» супругов (Юлиана Мирчевка, Никола Пройчевски) и молодую актрису (Соня Ошавкова), разбудившую «сонное царство» затрапезного

провинциального театрика, сумели создать атмосферу смеха, непринужденную и очень органичную. Невольно вспомнилась «российская» «Курица» – в своем репертуаре этот опус Коляды имеет, в частности, театр «У моста» (Пермь). Постановка пермяков весьма симпатичная. Сравнивая «Кокошку» с «Курицей», можно сказать: и та, и другая – забавные, но по-разному. Русская (permская) «Курица» остроумна и не без иронии; юмор македонской (битольской) «Кокошки» – «сочный», «раблезианский». Если «permская команда», использующая аллюзии на чеховские пьесы, нацелена добиться у зрителя улыбки, то битольчане жаждут того, чтобы он смотрел спектакль со «слезами на глазах» от смеха. Оба спектакля хороши, а вывод напрашивается простой и позитивный: «Курица» – «убАвица», что на русском означает «красавица», а «Кокошка» – «красавица», что по-македонски означает «убАвица».

В битольском драматическом театре также неординарным следует признать и спектакль «Каренина made in Macedonia». Этот спектакль – одна из недавних постановок битольского театра, в которой оригинально представлен знаковый роман русской литературы – «Анна Каренина» Толстого. Создатель пьесы – замечательный Венко Андоновски, человек всесторонне одаренный: он – писатель, драматург, поэт, эссеист, критик и теоретик литературы. Известные мотивы известного русского романа известного русского писателя были смело трансформированы автором: он перенес героев из России в Македонию, «местами» изменил сюжет, расставил свои смысловые акценты. Основной в спектакле становится проблема «я и другие». Главная героиня (ее великолепно – ярко, «бурно», убедительно – играет Илина Чоревска) пытается защитить свою личную свободу и право выбирать свою «линию жизни». Ана (так зовут протагониста спектакля) – в какой-то степени бунтарь: она оказывает сопротивление обществу, навязывающему стандарты поведения; она идет на сознательный конфликт с определенным кругом людей, которые хотели бы контролировать ее жизнь; она возражает против «заскорузлых» и устаревших взглядов на семейные отношения, мешающих открытым проявлениям чувств. Есть в спектакле и гендерная проблематика, подсвеченная феминистскими идеями: Ана претит такое отношение к себе ее прежнего мужа (Петар Горко), когда он воспринимает ее лишь сексуальным объектом, а не личностью, а потому, не соглашаясь быть «вещью», она оставляет его. К концу спектакля героиня, казалось бы, обретает счастье: она воссоединяется с сыном, рядом с ней – искренне любящий ее человек (Огнен Дранговски). Но никакого «сладко-сиропного» happy end'a, к счастью, ни автором пьесы, ни режиссером спектакля Деяном Пройковски не предлагается. Финальная сцена, носящая условно-символический характер, содержит в себе приметы «оптимистической трагедии». Ана, ее сын и ее возлюбленный, стоящие на возвышенности и прикованные к деревянной конструкции, напоминающей крест, оказываются словно распятymi – жестокостью мира, ненавистью людей и их враждебностью друг к другу, но свободными и сделавшими свой выбор.

Спектакль «Мастер и Маргарита» («Мајсторот и Маргарита»), поставленный на сцене Македонского народного театра («Македонски Народен Театар – Скопье»), – несомненно, событие; и не только в театральном мире Македонии, но шире – в ее культурной жизни. Спектакль длится 5 часов, однако ощущения усталости после него – никакого. Дух булгаковского романа, главными в котором являются проблемы свободы, любви, жертвенности, выбора между Добром и Злом, режиссеру Ивану Поповски удалось передать точно и художественно

выразительно. Иван Поповски создал впечатляющее сценическое зрелище», представляющее собой «сплав» социальной сатиры, завораживающей мистики, философской аллегории.

Как известно, в своем романе Булгаков предстает блестящим сатириком. Москва 1930-х годов под его пером – средоточие пороков тоталитаризма, среди которых «лидируют» шпиономания, стукачество по телефону, обязательное членство в профсоюзе, идеологический контроль за культурой. Используя богатые возможности социальной сатиры, Иван Поповски конструирует на сцене образ советской Москвы более чем остроумно – смешно и «хлестко». Чего стоят только картинки, воспроизводящие жизнь знаменитого МАССОЛИТа, обосновавшегося в «Доме Грибоедова». Режиссер успешно работает над тем, чтобы зритель смеялся и вместе с тем ужасался, видя, что в Дом Грибоедова литераторы приходят отнюдь не для того, чтобы говорить о «высоком», но для того, чтобы ... отвоевать у товарища «творческую путёвку в Ялту», встать в очередь на квартиру или, танцуя джаз и вкусно обедая, весьма гlamурно проводить время. Повторяя Булгакова, Иван Поповски акцентирует внимание и на человеческих пороках и слабостях. Об этом ярко свидетельствует сцена, запечатлевая знаменитый «Сеанс черной магии». Чувствуется, что режиссер делал ее «отрываясь» и «резвясь». Страшное он переплавляет в смешное. Цель – показать, как массовый гипноз обнаружил в каждом посетителе сеанса его весьма несовершенного внутреннего человека: с низкопробными вкусами, любящего «хлеб и зрелища», алчного и жадного до денег, – режиссеру более чем удалась. Вместе с тем, можно ощутить, что Иван Поповски в своей оценке людей солидарен с Булгаковым, который, ужаснувшись своему беспощадному гротеску, поручает Воланду произнести «приговор»: «Человечество любит деньги... Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие стучится в их сердца... обыкновенные люди...»

Несомненно, в развитии сценического сюжета одним из ключевых является эпизод бала у сатаны, стягивающий воедино все смысловые узлы спектакля. Маргарита величественно и одновременно удивленно приветствует бесконечные вереницы мертвцев, среди которых – бывшие фальшивомонетчики, государственные изменники, прелюбодеи, убийцы, палачи. Все, что осталось от прежних красавцев и красавиц, – это их скелеты, прах. Режиссер намеренно преувеличенно долго изображает марш мертвцев для того, чтобы доказать, что все они, казалось бы, разные, исповедовали одно – обман, предательство, презрение к человеку. Сценой бала у сатаны, в которой переплелось реальное и ирреальное, режиссер мастерски изобразил границу двух миров, где всё «вывернуто наизнанку» и «обнажено» то, что обычно стараются «прикрыть».

Что же, по мнению автора спектакля, является оппозицией грехам человеческим? Сценическими образами Иешуа, Левия Матвея, Мастера, Маргариты Иван Поповски утверждает: Любовь, Прощение, Творчество, Свобода, Ответственность за выбор своего пути, Поиск истины. Как и Булгаков, Иван Поповски связывает свою систему ценностей с Иешуа, называющим даже своего палача «добрый человеком»; с Мастером, отказывающимся писать «под диктовку» и создавшим роман, напоминающий о том, что жить нужно, сверяя свои земные дела с небесными идеалами Добра и Красоты; с Левием Матвеем, символизирующим духовное прозрение человечества; с Маргаритой, приходящей к тому, что любовь – это не только радость и счастье, но и самоотверженность.

Итак, режиссерская работа в спектакле неоспоримо талантлива. Однако

невозможно не «поклониться в пояс» и актерам, занятым в процессе подготовки спектакля и в его представлении зрителям. Рисунком своих ролей, своей искренней игрой они продемонстрировали глубокое понимание как романа Балгакова, так и творческого замысла Ивана Поповски. Все без исключения актеры «проживают» свои роли на сцене поистине замечательно. Деян Лилич в роли Мастера передал глубокий драматизм судьбы художника, оказавшегося «неудобным» в мире новых идеологических и эстетических стандартов, однако сумевшего написать роман, руководствуясь принципом «Каждый слышит, как он дышит; как он дышит, так и пишет, не стараясь угодить». Красивая Драгана Костадиновска, перевоплотившаяся в Маргариту, выразительно изобразила женщину, способную на большую жертвенную любовь. Роли Иешуа и Левия Матвея, светло и одухотворенно сыгранные Стефаном Вуйисичем и Александром Джорджиевски, несут мысль о силе Добра и неизбежности его победы. Никола Ристановски в роли Воланда, символизирующего «обаятельное» Зло, идет словно «один в один» за Булгаковым, повторившим в свою очередь слова гетевского Мефистофеля: «Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Великолепна и свита Воланда: Петар Мирчевски создал образ хитрого «чёртикообразного» кота-оборотня Бегемота; Джорджи Йолевски – брутального, похожего на неаполитанского мафиози демона-убийцу Азазелло; ведьма и вампирша Гелла в исполнении Аны Стояновски настолько же «сексапильна», насколько и страшна; великолепный Оливер Митковски в роли Коровьева, исполняющего в булгаковском романе «грязную работу» и «трюки», – необыкновенно остроумен и бесконечно смешон. Ансамбль всех занятых в спектакле актеров, демонстрирующий слаженность, эмоциональную, психологическую, пластическую, способствовал созданию особенной его атмосферы, которая способна затронуть самые сокровенные струны души зрителя, заставить его задуматься о «вечных» вопросах человеческого бытия.

Вышеречьшлоспектакляхмакедонскихтеатров, являющихся сценическими версиями известных текстов русской литературы, как драматургических, так и романтических. Однако обращают на себя внимание и те перформенсы на македонской сцене, в которых русская драматургическая классика представлена «вкраплениями» и цитатами.

Иногда режиссеры «связывают», на первый взгляд, очень далекие друг от друга драматургические тексты. Казалось бы, ничего общего не может быть между пьесой-бестселлером «Паника» современного финнского драматурга Мики Мюлляхо и драматургическим шедевром Чехова «Три сестры». Однако режиссер Благой Мицевски думает иначе. В поставленном им спектакле «Без паники», своего рода искрометной ироничной рефлексии стереотипов современного мужского мира, он не может обойтись .... без Чехова. В заключительной сцене спектакля появление его protagonистов, нелепо и смешно переодетых в костюмы Маши, Ольги и Ирины, «протагонисток» чеховской пьесы, поначалу кажется не совсем мотивированным. Однако, отсылая зрителя к чеховским «Трем сёстрам», режиссер как бы ассоциативно «сшивает» смысловую «ткань» двух столь разных пьес. Герои «Без паники» пытаются победить депрессию и ощущение краха надежд с помощью психаналитических практик – почти как «три сестры», которые, изнемогая от бессмыслицы существования в условиях провинциального города «навроде Перми», рвутся «в Москву, в Москву...» И мы понимаем, что и то, и другое иллюзорно. В спектакле Благоя Мицевски за комическими ситуациями,

по сути, скрыты сложные и трудноразрешимые проблемы человеческого существования – одиночество и тоска по счастью. Отсылка к Чехову в finale спектакля, представленная комически утрированной цитатой, проясняет, таким образом, его смысл.

И еще один небезынтересный, с нашей точки зрения, пример. Прилепский театр «Војдан Чернодрински» предложил зрителям оригинальную сценическую версию романа американского писателя-физика [Алана Лайтмана](#) «Сны Эйнштейна» («Ајнштајнови соништа»), которая представляет собой своего рода коллаж снов, якобы приснившихся [Альберту Эйнштейну](#) в [1905 году](#). Актеры великолепно реализуют замысел автора романа, а вслед за ним и режиссера Слободана Унковски, пытающихся передать новые концепции [времени](#), роящиеся в голове учёного: так, в мире, где время движется по кругу, люди вынуждены переживать свои успехи и неудачи снова и снова; в другом мире есть место, в котором время не движется, это место популярно у влюблённых и родителей, боящихся потерять своих детей, когда те вырастут, и т.д. Ближе к finale спектакля актеры, обсуждающие одну из концепций времени, вдруг вспоминают «доктора Астрова» и «Елену Андреевну». Эти имена, безусловно, призваны оживить в памяти зрителей пьесу Чехова «Дядя Ваня». Доктор Астров, влюбленный в Елену Андреевну, молодую жену профессора Серебрякова, говорит ей о том, как бесцельно влечится по жизни ее пустая красота, не способная служить счастью. Время для Елены Андреевны остановилось, оно «тянется», не развиваясь и не двигаясь вперед. Чеховский мотив, как видим, является важным структурным компонентом спектакля, участвуя в создании его смыслового пространства.

Итак, русская классика в постановочной практике македонских театров занимает особое место и отличается богатством рецепций и разнообразием истолкований. «Русские» спектакли на македонской сцене – это свидетельство того, что и их создателей, и их зрителей в русской культуре привлекают ее гуманистический характер, «универсализм» проблематики, общечеловеческое звучание ее образов. Думается, диалог македонского и русского театров, продолжаясь (так, буквально «на днях» появились «свежие» «русские» постановки битольского «Народного театра», а именно: «Ёлка у Ивановых» Александра Введенского и «Королевские игры» Григория Горина), будет развиваться и даст свои свежие «всходы» и новые «плоды».

811.163.3

вон. проф. д-р Марјана Ванева
 Универзитет Американ колеџ Скопје, vaneva@uacs.edu.mk

ЗА ЕДЕН КРЕАТИВЕН ВИД НА НУЛТА НА ДЕРИВАЦИЈА ВО МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК: ОД ПРИЛОГ ВО ИМЕНКА

Апстракт: Во македонскиот јазик, нултата деривација од прилог во именка е редок, но многу креативен вид на зборообразување по пат на нулти суфикс, кога од лексема која го определува вршењето на дејствието, со задржување на формата а пренесување на значенската сличност, се формира лексема што го именува концептот. На тој начин, резултатот на процесот е нулто деривирана именска лексема, која може да прими членски наставки во согласност со правото дозволено од процесот, да користи флективни додавки, и да образува множина, но не само со наставки, туку и со модификатори кои имплицираат бројност. Најмногу е присутна во секојдневниот говор и во поезијата.

Клучни зборови: нулта деривација, македонски, прилог, именка

Assoc. Prof. Marjana Vaneva, PhD
 University American College Skopje, vaneva@uacs.edu.mk

ON ONE CREATIVE TYPE OF ZERO DERIVATION IN MACEDONIAN: FROM ADVERB TO NOUN

Abstract: In Macedonian, zero-derivation from adverb to noun is a rare, but very creative type of word formation with a zero affix, when from a lexeme that determines the performing of the action, by maintaining the form and by transferring the semantic similarity, a lexeme that names the concept is formed. Thus, the result of the process is a zero-derived noun lexeme, which can take suffixes for marking definiteness, in compliance with the process - to use inflections, and to make plural, not only with suffixes, but also with modifiers for plurality. It is mostly present in everyday speech and poetry.

Key words: zero derivation, Macedonian, adverb, noun

Кога зборуваме за продуктивноста на одделни типови прилози во македонскиот јазик, од особено значење е синтетичката природа на оваа јазична структура. Ова значи дека старите именски падежни форми, кои биле главен извор за образување прилози и кои во синтетичките јазици с уште даваат материјал за образување нови прилози, оставиле траги во македонскиот јазик. Овој вид зборови, како што вели Марков (1987: 75), денес е целосно потиснат од прилози добиени од понови падежни форми, односно од предлог + општ падеж.

Во современите словенски јазици, прилозите претставуваат продуктивна зборовна група која суште се пополнува со нови примери, но и самите прилози поминуваат во службени зборовни групи. Тоа нивно преминување во други зборовни групи е условено од промените во лексичкото значење и добивањето нова функција во реченицата. Така, се изделуваат две групи прилози: прилози кои поминале во именки (супстантивизирани прилози) и прилози кои поминале во службени и други зборовни групи. Притоа, може да се работи за случаи кои не ја прекинале врската со прилозите, но и такви кои се денес целосно издиференцирани во друга група.

Формулата со која може да се прикаже нултата деривација од прилог во именка во македонскиот јазик е следнава:

Л1 Прил. (=МО+ØЗН)   Л2 И (=МО+ ØЗН)¹

Во современиот македонски јазик нултото деривирање на именки од прилози е ретко и постојат главно следниве примери: малку, многу, повеќе, готово, итн. Се разбира, за да може да зборуваме за нулта деривација, овде прилогот е првонастанат, а потоа именката:

малку   малку: зема малку со малку е задоволен
многу   многу: многу добар од многу глава не боли
готово   готово: ви плативме толку, и готово од готово вересија

Примерот со малку се објаснува на начин кој важи и за останатите претходно наведени примери. Во синтагмата од левата страна прилогот го објаснува количеството, кажувајќи до кој степен се врши дејствието, а во составот од десната страна истата лексема и збороформа има функција на именка од синтактички и лексички аспект и го именува количеството на она што е предмет на зборување.

Кога се зборува за нултата деривација од прилошка во именска лексема во нашиот јазик, најголемиот број изведени именки е од среден род, како што е покажано со следниве примери:

пијанисисмо   пијанисисмо: свири пијанисисмо   Неговото пијанисисмо беше вистински подарок за публиката.

форте   форте: свири форте   Нејзиното форте ја фасцинира публиката.

арно   арно: Како си? – Арно.   Од арно да не куртулиш.

вчера   вчера: Вчера се вратив од одмор.   Неговото вчера не важи.

Овие случаи се исти како и оние споменати пред нив и треба да се нагласи дека минувањето на прилози во именки има ограничен карактер и, додека функцијата прилог е основна, минувањето на даден прилог во друга зборовна група има придружен карактер. Во последниот пример со вчера, од прилог кој го определува времето на вршење на дејствието, нултата деривација оди во именка која го именува временскиот период што е во нејзина внатрешност и таа нова единица добива функција на именка во реченицата. Разбирањето на овој процес и изведувањето на новата лексема се врши со помош на когнитивните врски во свеста на говорителот, кои ја пресликуваат формалната идентичност и семантичката сличност меѓу изворната прилошка лексема што кажува кога се врши дејствието, и целната именска единица која го именува денот пред денешниот.

¹ Во формулата, Л стои за лексема, Прил. за прилог, И за именка, МО за мотивирачка основа, а ØЗН за нулта зборообразувачка настава.

Инаку, и во поетскиот јазик се среќаваат многу примери на прилошки форми во функција на именски дел на прирокот кај кој нема преплетување со прилошката определба. Тоа се обрati во кои прилогот ја губи својата примарна улога и добива придавска или именска функција, како во примерите во продолжение, наведени кај Цветковски (1990: 184):

Од кога и да било денес си повеќе вчера.

... стануваме си повеќе едно сега и едно скаменување со затворено и неподвижно време ...

Нашето дogleдање е веќе збогум.

И одвет: ваше сум вчера.

Секако, во примерите искористени за илустрација на овој вид нулто деривирање испочитувано е барањето за задржување и проширување на значењето во преносот од една во друга лексема, кои притоа припаѓаат на различни зборовни групи.

Што се однесува на морфолошката страна на лексемите, целниот елемент – именката, за разлика од појдовната единица – прилогот, по спроведување на процесот на нулта деривација, може да прими членски и множински наставки. Сепак, претходно споменатите нулто деривирани именки, вчера и сега, не ја формираат множината со додавање на наставката –и, како што е правилото за именките од женски род, но затоа, пак, за формирање множина од овие нулто деривирани именки од прилог користиме модификатори: неколку, многу, безброј, итн. пред нивните форми со кои се имплицира множината заедно со глаголската форма во множина:

» Безброј вчера поминаа и пак ништо од тоа.

» Од многу сега, ништо не бива.

Ваквиот вид нулта деривација е лесен, типичен, карактеристичен и, секако, креативен начин за образување нова лексема по процесот, која ќе ја има истата форма како и лексемата пред процесот, ќе биде семантички слична со неа – што се постигнува со когнитивниот пристап и надградувањето на значењето на првата лексема, а, сепак, и двете припаѓаат на различни зборовни групи.

Вака нулто деривираните именки од прилози се најзастапени во секојдневниот говор, поради брзината на значенскиот пренос; и во поетското изразување, што се должи на креативноста на авторот.

Литература

1. Ванева, М. 2009. Нултата деривација во англискиот и во македонскиот јазик. - докторска дисертација. Скопје: Универзитет „Св. Кирил и Методиј”, Филолошки факултет „Блаже Конески”.
2. Велева, С. 2006. Тенденции во зорообразувањето во македонскиот јазик. Скопје.
3. Конески, Б. 1967. Граматика на македонскиот литературен јазик: дел I и II. Скопје: Култура.
4. Конески, К. 1985. „Тенденции во активирањето на зорообразувачките модели во македонскиот литературен јазик . во Предавања на XVII Семинар за македонски јазик, литература и култура; Охрид, З-24.

- VIII 1984 година, Универзитет „Кирил и Методиј“, Скопје: Семинар за македонски јазик, литература и култура, 103-110.
5. Конески, К. 1995. Зборообразувањето во современиот македонски јазик. Скопје: Бона.
  6. Марков, Б. 1987. „Продуктивни и непродуктивни типови прилози во македонскиот јазик . во Предавања на XIX Семинар за македонски јазик, литература и култура; Скопје и Охрид, 8-28. VIII 1986 година, Универзитет „Кирил и Методиј , Скопје: Семинар за македонски јазик, литература и култура, 63-76.
  7. Марков, Б. 1989., „Минување на прилозите во други зборовни групи во рускиот и македонскиот јазик , во Годишен зборник: annuaire, Скопје: Филолошки факултет на Универзитетот, 117-127.
  8. Цветковски, Ж. 1990. „Прилог кон синтаксата на прилозите“. во Годишен зборник: annuaire, книга 16, Скопје: Филолошки факултет на Универзитетот, 183-185.
  9. Цветковски, Ж. 2002. „Условувања на лексичките значења . во XXVIII Научна конференција на XXXIV Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура, Охрид, 13-14 август 2001 година, Универзитет „Св. Кирил и Методиј , Скопје: Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура, 105-110.

Макарцева Н.Н.

К ВОПРОСУ О МЕНТАЛЬНОСТИ РУССКИХ

Аннотация: В статье анализируется специфика ментального пространства русского этноса в контексте корневой культуры. Авторы подчеркивают обусловленность русской ментальности социальными факторами, особыми социальными условиями, общественной атмосферой. В структуре народного сознания русского этноса во многом живо язычество, которое в силу своей связи с земледелием, сохранило своё значение и по сей день, как и высокая концентрация духовности, связанная с религиозностью, стремлением к поиску высшего смысла жизни и абсолютного совершенства.

Ключевые слова: русская ментальность, культура, сознание, парадигма мышления.

ON THE QUESTION OF RUSSIAN MENTALITY

Abstract: The article analyzes the specifics of the mental space of the Russian ethnic group in the context of the root culture. The authors emphasize the conditionality of Russian mentality, social factors, specific social conditions, social atmosphere. In the structure of the national consciousness of the Russian ethnos much alive paganism, which by virtue of its association with agriculture, has retained its significance to this day, as well as a high concentration of spirituality associated with religiosity, the desire to seek a higher meaning of life and absolute perfection.

Keywords: Russian mentality, culture, consciousness, thinking paradigm

Понятие «менталитет» в современной науке относится к числу дискуссионных. Опираясь на энциклопедическое понимание данного феномена [1, с.584] мы определяем его как глубокий уровень сознания этноса (включающий и бессознательное), который проявляется в его самобытности, особенностях мироощущения, инвариантных установок, ценностей, представлений, способов достижения целей.

Рассмотрим отдельные факторы, влияющие на менталитет и отражающие его, а также фундаментальную черту, характеризующую парадигму мышления, специфику рассматриваемого феномена.

В XIX веке, в эпоху существования живой традиции, корневой культуры и её носителей выдающиеся отечественные учёные и мыслители сознания уделяли первостепенное внимание проблемам русской души, «духа народа», национального сознания. Среди них Н.А. Бердяев, Ф.И.Буслаев, К.Д. Кавелин,

В.О. Ключевский, В.Г. Костомаров, М.О. Коялович, К.Леонтьев, Н.О. Лосский, А.Н. Пыпин, Ю.Ф. Самарин, С.М. Соловьев и др.

В поисках ответа они обращались к исследованию природного, климато-географического, социального, культурного факторов, что способствовало актуализации проблемы, избавлению от стереотипов, одностороннего, поверхностного восприятия народа и его самобытности.

Необходимость освоения больших территорий, выживания в суровых условиях и постоянных иноземных вторжений объективно способствовали развитию этнической идентичности, общенных форм взаимодействия, коллективистского типа культуры.

Непредсказуемость природной стихии нередко опровергала попытки рационального, планируемого ведения сельского хозяйства, препятствовала формированию расчётливости и, тем самым, стимулировала «игру в русскую рулетку», «авось». Оборотной стороной стихийности, чувственности, безрассудства, анархизма, по мнению вышеназванных учёных, являлась способность к прекрасным, благородным поступкам, к концентрации, мобилизации, напряжению душевных и физических сил в тяжелейших жизненных обстоятельствах, к достижению успеха.

Ритмы природы задавали очень жесткие временные границы посевных и уборочных работ, делали невозможным размеренный, систематичный, методичный труд по типу европейского. В период, когда «день год кормит», крестьянин работал на пределе сил, а потом морозы и непогода «запирали» его в границах двора, однокомнатной убогой избы с печкой. Отсюда представления о «лежании на печи», лени. Сравнение русских с европейцами позволило прийти к выводу: «...ни один народ в Европе не способен к такому напряженному труду, как русские, но нигде в Европе не найдёшь такой непривычки к ровному, умеренному, размеренному, постоянному труду» [2, с.40].

В.О.Ключевский, А.Н.Пыпин объясняли бессистемность, неорганизованность русских не со свойствами их мышления, не недостатками культуры, а влиянием природных условий [2, с.40].

Одну из базовых характеристик русских прошлых веков – широту души – Н.А. Бердяев, В.Г. Костомаров, А.Н. Пыпин и другие связывали с необъятностью российских просторов.

Специфика русской ментальности во многом обуславливала социальным фактором, особыми социальными условиями, общественной атмосферой. Их объективное отражение соотечественниками по цензурным соображениям было затруднено и актуальные проблемы часто игнорировались. Крепостное право, длившееся до 1861г. обрекало русский народ на невежество и бескультурье. Крестьян продавали оптом и в розницу, пороли и нередко запарывали насмерть на скотных дворах помещичьих усадеб. Зависимое и угнетенное положение не изменилось и после отмены крепостного права, что отражалось на сознании и чертах характера.

Иностранные подданные имели несравненно больше возможностей открыто (хотя и не всегда объективно) выражать своё мнение. Среди посетивших Россию в XIX веке наибольшее впечатление в Европе и в нашей стране произвели запрещённые Николаем записки маркиза де Кюстина от 1839 года [3]. Человек язвительного, критического ума признавался, что многого в России он так и не смог понять. Прежде всего, он увидел в ней «задекорированную» под современную

цивилизацию восточную деспотию, населённую «северными варварами». Свободным в ней французский путешественник нашёл только одного человека – императора.

Он повелевал настоящим, прошлым, будущим, жизнью 60 миллионов своих подданных, казной и даже памятью народа. По его указанию переделывались летописи, выводились из забвения актуальные на данный момент исторические факты, персоналии: «Так Минин и Пожарский, герои, два века находившиеся в забвении, вдруг были откопаны и вошли в моду во время наполеоновского нашествия. В это время правительство позволяло патриотический энтузиазм» [3, с. 129].

Привилегированный класс – дворянство – маркиз воспринимал «окрашенным кровью», постоянно вычисляя «...сколько семейств идёт на оплату шляпки, шали...», мебельной ткани, «костюма привлекательной придворной дамы...» [3, с.42]. Он находил эту социальную группу слабой, не осознающей свою ответственность, ничего не делающую для смягчения гнёта. По его мнению, это те же рабы, обожающие, льстящие, угождающие своему господину и вышестоящим особам. Они держались за свои сословные преимущества, которые позволяли им туже деспотию в границах собственных владений. Они рассуждают о свободе и просвещении, «...но присоветуйте России постепенную отмену крепостного права, – вы увидите, что с вами сделают, что о вас скажут в этой стране» [3, с.54].

Во время путешествия маркиз не раз становился свидетелем избиения в кровь или насмерть каким-нибудь должностным лицом (курьером, фельдъегерем, полицейским) мужиков. Последние сносили экзекуцию с безысходной покорностью, а прогуливающаяся рядом образованная публика равнодушно взирала на творящееся беззаконие.

Наблюдая жизнь общества со стороны, автор записок пришёл к выводу: в России созревает гибельный для неё социальный взрыв, грядущая революция, которая будет страшнее европейской [3, с.43].

Важным фактором, влияющим на менталитет и отражающим его, является религия и культура. К религиозному расколу, к делению на «низшую» и «высшую» культуры в XIX веке добавился раскол на западников и славянофилов. Отчуждение, поляризованность бросалась в глаза даже тем иностранцам, которые посещали страну с коротким визитом. Например, тот же маркиз пришёл к убеждению в том, что в России истинно русский, «московитский» поэт мог быть услышан только народом, но никак не представителями высшего сословия, не знатного и не желавшего знать язык и культуру народа своего Отечества.

Он, будучи знатоком европейского градостроительства, увидел противоречие между архитектурой Петербурга, созданной сметливыми, ловкими людьми, «искусственной нацией», навербованной в различных частях света и русским народом [3, с.34].

Несмотря на то, что Петр построил город «...скорее для отпора шведам, чем для русских», несмотря на необходимость русских следовать указаниям иностранных специалистов, повелениям царя и вопреки недоверия к самому себе, народ смог оставить свой самобытный, неповторимый след. «Подивитесь силе природных дарований народов: в продолжении более ста лет благовоспитанные русские аристократы, учёные, вельможи, записывавшие идеи – копировали образцы всех европейских обществ, – и что же? Эти стремления государей и царедворцев не помешали народу остаться оригинальным» [3, с.35].

Раскол менталитета нации во многом был обусловлен монополией иностранных губернёров, вестернизированностью государственных и частных учебных заведений. Иностранцы, приезжающие в Россию со времён царя Алексея Михайловича и его сына Петра I получали различного рода привилегии. Многие европейские повара, парикмахеры становились учителями дворянских недорослей.

Европейцы, не знающие русской культуры, языка, как правило, формировали интерес, сочувствие ко всему иностранному и равнодущие ко всему русскому. «Восхваляя Тюреня, Кондэ, Наполеона и других, они унижали Румянцева и Суворова, твердили, что во Франции всё превосходно, забавы без числа, все блаженствуют; в России же всё мрачно, скучно, что люди не живут, а только дышат...» [4, с.11].

В условиях резкого дистанцирования культур хранителем базовых черт национального самосознания, языка, ценностей и смыслов, духовного наследия в целом был русский народ. Эту точку зрения разделяли не все представители образованных слоёв общества. Л.Н. Толстой в противовес общепринятым взглядам считал, что языку писатели должны учиться у простого народа, а не наоборот.

К.Д. Ушинский писал: « Не забудем, что этот народ создал тот глубокий язык, глубины которого мы до сих пор ещё не могли измерить; что этот простой народ создал ту поэзию, которая спасла нас от забавного детского лепета, на котором мы подражали иностранцам; что именно из народных источников мы обновили всю нашу литературу и сделали её достойной этого имени; что этот простой народ, наконец, создал и эту великую державу, под сенью которой мы живём» [Цит. по 5,с.123].

Крестьянская ментальность выражала любовь и благоговение к Земле и Небу, идеал жизни человека в ладу с природой. Повседневность тяжёлых будней соединялась с высокими устремлениями; любовь, радость единения с природой объединяло людей, окружающее пространство, животный и растительный мир в единое целое, «расширяло» сознание, одухотворяло.

В структуре народного сознания язычество, во многом в силу своей связи с земледелием, сохранило своё определённое место и мирно сосуществовало с христианством.

Самым почитаемым героем на Руси был не воин Илья Муромец, а мирный пахарь, гостеприимный Микула Селянинович, занимающийся самым «чистым» на Земле трудом. Главным героем народных сказок был «Иванушка-дурачёк», живущий, в отличие от своих братьев сердцем, а не умом, которое и направляет его к верному решению задач, недоступному тем, кто выбирает другие пути и способы решения. Русские люди очень любили нарекать своих детей именем Добрыня, оно было самым распространённым в государстве до XVII века.

Крестьянская потребность в высших ценностях и смыслах проявлялась в идеях соборности, совестливости, в традициях общинной жизни, хождения на богомолье, создании скитов, монастырей, в феномене черничек, «монахов и монахинь» в миру, строительстве храмов.

Особое место в народной среде принадлежит художественному творчеству народа. Искусствоведы исследуют его с помощью понятий «космологизм», «родовое начало», «синтез», «всеобщность», «широта», «коллективность», «надиндивидуальность», «самосознание» и др. Народное художественное

творчество воплощает восприятие человека как некой целостности, открытости, самореализация которой невозможна в рамках отчуждённой «замкнутой единицы».

.....Философы осмысливали национальную ментальность через понятия русского космизма, русской идеи, соборности.

А.Н. Бердяев объяснял особость русской души, характера с позиции её противоречивых начал: восточного и западного, языческого и христианского, аполлонического и дионисийского, доминантой женственности, пассивности, консерватизма. Преодоление проблем, обретение меры он видел в усилении мужского, рационального, личностного начала.

Нам представляется очень важной мысль Н.О. Лосского о том, что наиболее глубокой чертой русского народного характера является искание абсолютного добра [6, с.5].Этот идеал выводит сознание за границы земного в царство высшей Гармонии, Истины, Красоты, формирует контекст понимания изучаемого феномена. Ещё автор «Слова о полку Игореве...» писал об удивительной способности наших предков мыслию поля мерить [7,с.44].

Мы склонны считать, что именно это фундаментальное свойство определяет специфику парадигмы мышления, его качество, восприятие, глубинные механизмы формирования «ядра ментальности» русских, их ценности, представления о добре и зле, идеалах и способах его достижения.

Широта полей, манящие дали «открывали» небесные горизонты, особую красоту, сообщали энергию, радость полёта, «оформлялись» в качества всемирности, всечеловечности, в «стремление обняться со всем человечеством» (Ф.М. Достоевский), в открытость, широту, сердечность.

Этот взгляд с высоты менял масштаб восприятия и отношения к жизни: то, что казалось при ближайшем рассмотрении значительным уходило на второй план, начинало осознаваться преходящим, мелким, суэтным. В этом, возможно, истоки знаменитого русского терпения и смирения, жажды свободы, правды, справедливости, детской открытости и доверчивости к миру, недостатков и просчётов.

Неслучайно на Руси возникло уникальное духовное явление – феномен «божьего человека», юродивого (не путать с лжеюродивыми), живущего в мире по законам Царства Божия. Это осознание степени отпадения от Истины, Добра и Красоты и утверждение их ценой жертвенной любви ко всем. Это вызов ценностям мира сего, «Князю Тьмы и его слугам». На Руси было особое отношение к юродивым, их принимали и слушали цари и патриархи, в их честь возводились храмы.

Этническая специфика парадигмы мышления, на наш взгляд, коррелирует с такими отмечаемыми Н.А. Бердяевым, К.Д. Кавелиным, В.О.Ключевским и др. качествами русских, как нелюбовь к жесткой заданности, определённости форм, логическому мышлению, неорганизованность, бессистемность; недооценка разума [2].

В число характерных черт русской ментальности обычно включают «отсутствие правосознания». Мы разделяем позицию тех, кто связывает данный недостаток с убеждением в несправедливости людского, «Шемякина суда» и потребностью в суде высшем. На эту тему народ создал большое количество пословиц и поговорок: «Где суд, там и неправда», «Где закон, там и обида», «Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили», «Нужда закона не знает.

Про нужду закон не писан», «Закон – дышло: куда захочет, туда и воротишь» [8, с.328,474].

Многие исследователи народного характера фиксировали неустроенность быта русских, недостаточное внимание к «земному». В этом и западники и славянофилы находили принципиальное отличие русского менталитета от западного. Они считали, что следствием направленности на удобство, комфорт становится закрытость сердца, отсутствие веры и потребности в святом и великому [2].

В Шубарт и Н.О.Лосский проводя различие между русскими и европейцами в мировосприятии, идеалах, способах жизнедеятельности выделили прометеевский и иоанновский типы человека. Первый, отражающий романо-германские народы, видит в мире хаос, стремится к установлению своего порядка. Погружается в мир вещей и всё дальше уходит от Бога.

К представителям второго типа они отнесли «...славян, особенно русских». Ими движет не жажда власти и разобщения, не чувство подозрения и ненависти, а доверие к миру, отношение к людям как к братьям. Этот тип несёт в себе внутреннюю гармонию, любовь, примирение и жаждет воссоздать её вовне. Его основная черта – вселенскость – альтернатива приземлённости [6, с.9,10].

Именно славянский тип сознания? по мнению А.С. Панарина, занимает (в определённом смысле), промежуточное положение между Дао Востока и Логосом Запада [9, с. 216]. Он соответствует тенденции к интеграции на паритетных началах народов и культур и имеет фундаментальные основания для реализации потенциала России в судьбе будущей человеческой цивилизации.

Список литературы

- 1.Глобалистика:Энциклопедия / Гл.ред.И.И.Мазур, А.Н.Чумakov; Центр научных и прикладных программ «Диалог». – М.:ОАО Издательство «Радуга», 2003. – 1328 с.
- 2.Марцинковская Т.Д. Русская ментальность и её отражение в науках о человеке. – М.:Б.и.,1994. – 155 с.
3. Записки о России французского путешественника маркиза де Кюстина. – М.: СП Интерпринт,1990.. –131 с.
4. Пушкинский лицей. Путеводитель. – СПб.:Паритет,2004. – 192с.
5. Гончаров Н.К. Педагогическая система К.Д. Ушинского. – М.: Педагогика, 1974. – 272с.
- 6.Лосский Н.О. Характер русского народа: В 2-х кн.Кн.1.Репринт. – М.: Посев,1957. – 62с.
- 7.Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода – Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. Репринт.– В Сенатской типографии, 1800. – 54 с.
8. Пословицы русского народа: Сборник В.Даля: В 3-х т. Т.1. – М.Русская книга,1994. – 640 с.
9. Панарин А.С. Российская культура как фактор планетарной реформации / Культура и экология. Поиск путей становления новой этики /А.Зотов, Е.Чичнёва, И. Васilenко, Н.Моисееви др. . –М.:Интеллект, 1996. – 240 с.

904:316.334.56(470)

Махрачев Георгий Сергеевич

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

mahrachova@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА МАТЕРИАЛЕ РАСКОПОК ДАВЫДОВСКОГО ГОРОДИЩА

RESEARCHES OF ARCHEOLOGICAL CULTURES OF TAMBOV REGION BASED ON MATERIAL OF EXCAVATIONS OF DAVYDOV`S TOWN

Аннотация. Статья посвящена археологическим исследованиям Давыдовского городища. Показана ранняя история, Абашевский период, влияние скифов и сарматов. Выявлена фортификация укреплений, частично определены постройки. Дано характеристика находкам: большинство составляют керамические изделия, много встречается хозяйственных предметов, имеются украшения, есть предметы вооружения. Проанализирован мордовский период. Сделаны выводы о причинах гибели городища.

Ключевые слова: археология, городище, Абашевская культура, скифы, сарматы, пряслица.

Abstract: The article is devoted to the archaeological research of the Davydov's town. The early history, the Abashevo period, and the influence of the Scythian and Sarmatian are shown. The fortification is analyzed, the building are partially defined. The characteristics of the finds are described: the majority of them are stoneware, there are also many household items, lots of jewelry and weapons. The Mordvins' period is analyzed too. The conclusion of the ford's destruction is presented

Keywords: archeology, fort, Abashevo culture, Scythians, Sarmatians, whorls.

В Тамбовской губернии археологические исследования начались в конце XIX в. Раскопки проводили сотрудники Императорской археологической комиссии Ястребов В.Н., Спицин А.А., Макаренко Н.Е. В XX столетие исследования велись преимущественно археологами из Москвы и Воронежа, тамбовских археологов, изучавших свой край, было немного. Особо следует отметить деятельность П.П. Иванова, который в первой половине XX в. провел раскопки ряда мордовских могильников. В 1970-х гг. археологией на Тамбовщине занималась Л.И. Чуистова. В 1990-е гг. Н.Б. Моисеев изучил ряд памятников эпохи бронзы. С 1999 г. археологические исследования проводятся под руководством С.И. Андреева, носят планомерный характер. Раскопки проводятся на базе ТГУ им. Г.Р. Державина в рамках археологической практики студентов исторического факультета. С 2006 г. на протяжении семи лет в центре внимания археологов Давыдовское городище, расположенное на территории Моршанского района Тамбовской области.

Давыдовское городище – это археологический памятник, который представляет ценность с научной точки зрения, поскольку ученые не располагают письменными источниками о времени существования крепости. А памятник

может рассказать много о ранней истории Руси, мордвы, а также о жизни более древнего населения Тамбовщины.

До настоящего времени Давыдовское городище не было предметом серьезного научного исследования. Впервые оно упоминается еще в XIX в. в работах И.И. Дубасова по истории Тамбовского края (Дубасов И.И., 1887, С. 45-64). Известно, что в первой половине XX в. П.П. Иванов проводил шурфовки (Чуистова Л.И., 1983, С 45-47). Многочисленны следы частных грабительских набегов.

Цель исследования: на основе проведенных археологических исследований составить описание Давыдовского городища. Задачами исследования является обобщение истории изучения Давыдовского городища; описание культур, проживавших на территории памятника; анализ материальных памятников; изучение фортификации объекта.

В процессе исследования использовались различные источники. Основу работы составили материалы, полученные в ходе экспедиционных работ. Дополнили картину исследования коллекции и отчеты о научной работе, хранимые в Тамбовском областном краеведческом музее и Моршанском историко-художественном музее. К работе привлечены документы Тамбовского областного государственного архива. Большое значение имеют отчеты об археологических раскопках С.И. Андреева и других археологов.

Памятник расположен на севере Тамбовской области, в 0,2 км к северо-западу от северной окраины с. Давыдово и в 1,5 км к северу от русла реки Серп. Место выбрано очень живописное. Но главное его преимущество – высоко на бугре. В результате видно издалека приближение противника. Немаловажным было наличие у подножия склона крупной реки Серп. Сегодня ее течение в данном месте изменилось. И в изучаемом месте находится «старица» реки и заболоченная местность. Следует добавить, что ранее река была более полноводной и в ней водились крупные рыбы, в том числе осетровые.

Первые памятники относятся к III-II тыс. до н.э. Они связаны с Иванобугорской культурой пережиточного энеолита. В числе находок представлены керамика, кости животных. Люди в этот период занимались охотой и рыболовством. Жилые помещения трудно идентифицировать. Также в слое Давыдовского городища найдены материалы, относящиеся к примокшанской культуре эпохи энеолита (конец III тыс. до н.э.). В целом следует отметить, что исследования проводить сложно, поскольку многочисленные хозяйствственные земляные работы привели к перемешиванию культурных слоев (Андреев С.И., 2007, С. 24-23).

На смену Иванобугорской культуре пришли представители Абашевской культуры эпохи средней бронзы. Идентифицировано поселение. Впервые сооружены ров, вал и деревянные стены. Они появляются в раннем железном веке в XVII-XVI вв. до н.э. На керамику наносился преимущественно «тычковый» узор. В целом керамика у абашевцев была колоколовидная, что свидетельствует о кочевом образе жизни.

В VII в. до н.э - IV в. н.э поселяются племена городецкой культуры раннего железного века. Строят новые укрепления, которые уничтожены в VI в. до н.э. скифами. Находки периода: «текстильная» и «рогожная» керамика, орудия труда из железа, кости, зеркала. О сложных отношениях населения городища с южными кочевыми племенами говорят находки наконечников стрел в толще вала и в культурном слое внутри укреплений. Это один железный трёхлопастной втульчатый (рис.1,1) и четыре плоских втульчатых наконечника стрел скифского

времени.

В VII в. до н.э. появляется поселок сарматов. В числе находок имеются керамика, наконечники стрел. В V-VI вв. поселяются ранние славяне, но живут не долго. Об их времени жизни свидетельствуют хозяйствственные ямы с керамикой. На территории городища представлены памятники древнемордовской культуры эпохи средневековья (VIII-XI вв.).

В итоге можно сделать вывод о том, что люди на территории городища жили длительное время. Этому способствовало выгодное расположение: высокий бугор, полноводная река, лес. Найденные памятники могут рассказать о разных народах.

Площадка городища полукруглой формы, со сторонами примерно 80x80 м, с небольшим уклоном в юго-восточную сторону, общая площадь около 0,7 га. С напольной, северо-западной стороны городище прикрывается укреплениями в виде вала и рва. Вал и ров дугообразной формы, общая длина укреплений примерно 100 м, максимальная высота вала – 3 м, максимальная глубина рва – 2 м. Максимальная ширина вала по подошве примерно 18 м, ширина рва 5 м.

В ходе раскопок было установлено, что по бокам укреплений находились сторожевые башни для более удобного наблюдения и защиты, а столбовые ямы на гребне вала свидетельствуют о деревянных оборонительных устройствах. Приблизительно по центру находился въезд. Предположительно здесь располагались две башни. Неотъемлемой частью оборонительных строений городища является ров, который также имел дополнительные конструкции, доказательством чему служат столбовые ямы, а также остатки угля и золы. Далее за рвом следует еще одна линия укреплений в виде горизонтально вкопанных бревен, за ними два ряда столбовых ям.

Все здания внутри укрепления были деревянными. Идентифицировано две постройки. Уникальной находкой является остатки мощенной деревянным настилом дороги. Дорога была прямой от центрального входа внутрь городища.

Интересными находками данного периода являются предметы боевого назначения. С эпохой средневековья связана находка пока самого крупного предмета вооружения – обломка сулицы (рис.3,4). Стрелы встречаются нескольких типов. Первый тип - лавролистных (рис.3,1). Подобный тип появляется на рубеже нашей эры в Прикамье. Были широко распространены в Восточной Европе. Просуществовали примерно до IX в. Второй наконечник относится к типу ромбических без упора. Встречаются с VIII по XIV вв. Третий относится к ромбовидным новгородского типа. Характерная особенность этого типа – отсутствие упора для древка стрелы. Появляются на рубеже эры и широко применялись до конца XIII в. (Медведев А.Ф., 1966, С. 35). В целом все стрелы относятся к IX-XI вв.

По имеющимся находкам, жизнь крепости прекратилась в X в. результате внешнего нападения. Крепость подверглась неожиданному мощному внешнему удару. При этом она была полностью сожжена. Причём из защитников крепости не уцелел никто. Об этом говорят, кроме многочисленных находок наконечников стрел, обнаруженные на гребне вала обгоревшие останки женщины.

Вопрос, кому и когда потребовалось уничтожить эту крепость? Возможно, ответить на этот вопрос удастся, если понять, какие функции несла крепость. Она расположена на крайнем западе мордовских земель и была немного выдвинута из привычных для обитания мордвы условий, т.е. из лесной части в степную.

Вероятно, что в то время здесь проходила торговая дорога, контролировать которую и призвана была эта крепость.

Предположительно, что до разгрома Хазарского каганата князем Святославом в 964-965 гг. мордовские земли были данниками хазар, т.е. ими контролировались (Медведев А.П., 1999, С. 45-46). Возможно, что Давыдовское городище было местом, где располагался небольшой хазарский гарнизон. Об этом говорят находки некоторых украшений, посуды, чрезвычайная насыщенность культурного слоя и тип укреплений, совершенно не свойственный для большинства других мордовских крепостей.

Таким образом, эта крепость могла быть разгромлена войсками князя Святослава во время его походов 964-965 гг. на вятичей и хазар. Один из маршрутов продвижения войск пролегал в непосредственной близости от крепости.

Археологические находки в Давыдовском городище целесообразно разделить на несколько групп. Работа археолога сложная, поскольку не сохранилось письменных источников, и деятельность ученого сродни работе следователя, когда по отдельным предметам надо восстановить образ жизни людей.

Наиболее многочисленны находки керамики. Причем керамика найдена в таком большом количестве, как редко где встречается. Отсюда можно сделать вывод, что на территории крепости происходило крупное производство посуды. А, может быть, ремесленники селились рядом, под охраной крепостных стен и гарнизона.

Другим вероятным предположением многочисленных находок керамики может быть, тот факт, что крепость была перевалочным пунктом. Здесь собиралась дань с окрестных земель и в дальнейшем направлялась в Хазарский каганат.

В большом количестве найдены керамические прядлица. Это круглый предмет с отверстием в центре, имел назначение махового колеса на веретене, придававший ему вращательный момент. Прядлица использовались при прядении нитей. Значительное количество найденных прядлиц склоняет нас к версии о наличии крупного числа ремесленников в районе городища.

Значительны находки хозяйственных предметов – ножей, имеются ножницы. Важными являются кости животных, птиц и рыб. Они свидетельствуют о хозяйственной деятельности человека. Обнаружены, например, кости осетра, рог тура.

Следующую группу находок составляют украшения. В их числе представлены предметы мордвы из меди и бронзы. Это браслеты, подвески «гусиные лапки». Интересной находкой является серебряное зеркало, которое мордовские женщины носили на груди. Есть украшения, завезенные из Индии, Сирии. Данные предметы свидетельствуют о культурных контактах, в частности о торговле (Андреев С.И., 2007, С. 33).

Уникальной находкой является скифский костяной псалий, оформленный в «зверином» стиле. По всей видимости, он принадлежал коню князя. Мы не можем точно знать, как он попал на территорию Давыдовского городища. Можно лишь предположить, что представители местного населения были в военном походе на южные земли скифов и захватили одного из вождей в плен.

Следующую группу находок составляют стрелы. Небольшое количество каменных – сделанных из кремня. Большинство стрел – железные, но есть и бронзовые. Они равномерно находятся по всей площади раскопок. Данный факт

свидетельствует о том, что крепость подверглась нападению.

Так же в слое городища найден костяной наконечник стрелы пулевидный конического типа. Подобные наконечники появились в I тыс. до н.э. и употреблялись в древней Руси и Волжской Болгарии до XIV в. Применялись при охоте на пушного зверя и в бою.

Два наконечника стрел, найденные в слое городища относятся к типу двушипных черешковых. Один частично обломан. Аналогий этим наконечникам найти пока не удалось, предположительно относим их ко 2-й четверти I тыс. н.э. (Андреев С.И., 2006, С.12).

Таким образом, на территории городища найдено большое количество различных археологических предметов. Они нуждаются в дальнейших исследованиях. Городище около села Давыдово является одним из самых интересных памятником на территории Тамбовской области. Здесь представлены памятники от энеолитического периода до древнемордовского времени (конец III тыс до н.э. – XI в. н.э.). Культурный слой очень насыщен.

Данное поселение интересно тем, что для мордовского населения не характерно наличие долговременных укрепленных поселений – таких, как Давыдовское городище. Обычно мордва жила в открытых поселках, а при опасности уходила в укрепленные крепости – тверди.

Во время раскопок найдено большое количество предметов: керамика, прядлица, украшения, предметы быта, кости животных и рыб, стрелы. Сегодня они хранятся в музеях и изучаются учеными. Проведенные экспедиции подчеркивают важность археологических раскопок. Найденные в экспедиции предметы были переданы в Липецкий краеведческий музей, где 18 ноября 2010 г. состоялось открытие экспозиции.

ИСТОЧНИКИ:

Фонды Тамбовского областного краеведческого музея
Фонды Моршанского историко-художественного музея.
ГАТО. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
ГАТО. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 140. Л. 43.
ГАТО. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 1. Л. 94-95.
ГАТО. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 600-а. Л. 115-116.
ГАТО. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 600-а. Л. 126.
ГАТО. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 297. Л. 145.
ГАТО. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 366. Л. 16.
ГАТО. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 600-а. Л. 66, 94, 114.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андреев С.И. Отчёт об охранных раскопках городища у с. Давыдово Моршанского района Тамбовской области в 2006 году // Архив ИА РАН. С. 3-46.
2. Андреев С.И. Отчёт об охранных раскопках городища у с. Давыдово Моршанского района Тамбовской области в 2007 году // Архив ИА РАН. С. 3-34.
3. Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1887. С. 45-64.
4. Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. М., 1999. С. 34-65.
5. Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65. С.44- 54.
6. Медведев А.Ф., Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел.VI-II-XIV вв. САИ. М., 1966. ВыП. Е1-36. С. 34-37
7. Повесть временных лет. СП.Б., 1996. С.34-35.
8. Чуистова Л.И. Археологические памятники Тамбовской области. Тамбов, 1983.

821.161.1.09

Наталия Федоровна Полякова

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» -
Тамбов, NataP068@yandex.ru

ХРОНОТОП ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ А.Н. ТОЛСТОГО «МИШУКА НАЛЫМОВ (ЗАВОЛЖЬЕ)»

THE CHRONOTOP OF LIFE WAY OF THE MAIN CHARACTER IN THE NOVEL BY A.N. TOLSTOY “MISHUKA NALYMOV (ZAVOLZHYE)”

Аннотация: В работе предпринимается попытка рассмотреть хронотоп жизненного пути главного героя в пределах родного географического пространства в малоисследованной повести А.Н. Толстого «Мишука Налымов (Заволжье)». Время и пространство в произведении исследуется системно. Доказывается, что хронотоп жизненного пути главного героя включает в себя ряд ключевых этапов: самодурство – унижение – очеловечивание – обретение друга – смерть. В статье рассматривается, как на каждой стадии развития главного героя его внутреннее пространство претерпевает изменения. Исследуется анимализация образа Мишуки, его сравнение с образом медведя. На этой основе выделяется характерная черта его внутреннего мира – двойственность, т.е. наличие в его внутреннем пространстве животного и человеческого миров, их борьба.

Ключевые слова: русская литература XX века, А.Н. Толстой, повесть «Мишука Налымов (Заволжье)», хронотоп жизненного пути, внутреннее пространство.

Abstract: The work shows the attempt to recognize chronotop of life way of the main character in the borders of native geographical space in the novel by A.N. Tolstoy "Mishuka Nalymov (Zavolzhye)", which is researched less. Time and space in the work is research in the system. It is proved that chronotop of life way of the main character has range of key moments: despotism - humiliation - becoming of a man - doom to become a friend - death. The article shows every stage of the development of the main character, his inner space has some changes. Animalisation of Mishuka's image is research, its comparative with bear's image. Character feature of his inner space is emphasized - double one, which means existence in his inner space animal and men worlds, its fighting.

Key words: Russian literature of the 20th century, A.N. Tolstoy, novel "Mishuka Nalymov (Zavolzhye)", chronotop of life way, inner space.

Исследователи не раз отмечали тот факт, что проза А.Н. Толстого (1883-1945) отразила его философские размышления о судьбе человека, его жизненном пути. Философичность прозы Толстого проявляется в использовании условно-символических образов, определяющих широким спектром пространственно-временных характеристик (дорога, встреча и пр.).

Литературное наследие писателя привлекало внимание литературоведов разных эпох (А.В. Алпатов, С.Г. Боровиков, А.Н. Варламов, В.В. Петелин и др.). Но в основном обращение исследователей к творчеству Толстого ограничивалось написанием биографических очерков, рассмотрением проблемы упадка дворянского и мещанского быта в ранних произведениях писателя, обращением к анализу его исторической прозы. И лишь в небольшом количестве работ рассматривается собственно поэтико-философское своеобразие творчества Толстого. А между тем обращение к изучению нравственно-этических поисков писателя в малоисследованной повести А.Н. Толстого «Мишука Налымов (Заволжье)» (1910) позволяет ликвидировать некоторые лакуны в современном толстоведении. Это и составляет актуальность исследования.

Понятие хронотопа ввел русский литературовед М.М. Бахтин, дав термину следующее определение – «взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе»¹. Основными функциями хронотопа являются сюжетообразующая и композиционная. В повести реализуется хронотоп жизненного пути Мишуки Налымова, который сливается с реальным пространственным путем-дорогой и имеет несколько стадий реализации: самодурство – унижение – очеловечивание – обретение друга – смерть.

В начале повествования жизненный путь Мишуки надолго остановился на стадии самодурства и разврата, отсутствие семьи склоняет его к утолению физических потребностей с девицами. Символичным является хронотоп дороги, лежащий через налымовский двор, что указывает на нахождение Мишуки всегда на дороге, но застывшим на одном месте. Спонтанный сдвиг застоявшегося на дорожном пространстве Мишуки приводит его к встрече с Верой Ходанской, что является второй стадией на жизненном пути главного героя, выраженной в желании иметь настоящую семью: «Ах, черт, девчонка какая, - думал он, - ах ты черт. Приемыш, отца-матери нет, норовит замуж выско치ть... Ах, черт!...»². Вера одинока, так же, как и Мишука, поэтому он видит в девушке родственную душу и тягается к ней. Но Мишука, способный только на грубые действия, зовя ее замуж, пытается овладеть невинной девушкой. Сергей заступается за девушку, дает Мишуке пощечину и вызывает на дуэль.

Аморальные действия главного героя стоит рассматривать с точки зрения наличия в образе анималистических характеристик, т.е. через авторское сравнение Мишуки с медведем, лесным хищником. Так, имя героя Мишука в славянском представлении является именем медведя. Образ главного героя и его движения также указывают на связь с царем лесной природы: Мишука «с отвислыми усами, с воловым, в три складки, затылком, и поглядывает, насупясь, на проезжающий тарантас»³, «его медвежьи глазки округлились»⁴, «Мишука

1 Бахтин, М.М. (1975), Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет, Москва: «Художественная литература». С. 234.

2 Толстой, А.Н. (1982), Собр. соч. в 10-ти томах. Т. 1, Москва: «Художественная литература». С. 180.

3 Толстой, А.Н. (1982), Собр. соч. в 10-ти томах. Т. 1, Москва: «Художественная литература». С. 173.

4 Толстой, А.Н. (1982), Собр. соч. в 10-ти томах. Т. 1, Москва: «Художественная литература». С. 178.

молча, медведем схватил Веру»⁵. Бытовой стиль жизни героя ассоциируется с существованием медведя в лесу: животный взгляд на окружающий мир, одинокость, дикость, грубость, мудрость, сила, самодурство. Можно сделать вывод, что внутренний мир Мишуки имеет двойственные черты, то есть включает в себя внутренний животный мир и внутренний человеческий мир. Внутренний мир тесно связан с природным пространством. Следует отметить, что до встречи с Верой жизненный путь Мишуки протекал под действием животного инстинкта. Девушка дала толчок для начала своего рода очеловечивания внутреннего мира главного героя.

Таким образом, третьей стадией жизненного пути Мишуки стало очеловечивание. Так как медведь является преобладающей фигурой животного мира, то в основе внутреннего мира Мишуки лежит доминирование над окружающими его людьми независимо от пространства, что и было на протяжении всей его жизни до конфликта с представителем молодого поколения. Поэтому Мишку, вселяющий всегда в окружающих людей чувство страха независимо от пространства (свое-чужое), растерялся, когда Сергей, более сильная личность, не испугался его, а оскорбил его и унизил на чужой для Мишуки территории. Не попадая раньше в подобную ситуацию, Мишку не нашел другого выхода как сбежать от соперника в свою усадьбу. Здесь активно реализуется оппозиция свое-чужое пространство. Сергей показал Мишке его невозможность безобразничать в чужом топосе, так как здесь есть хозяин. Помимо Сергея и Веры Мишкуе оказывают сопротивление слуги репьевской усадьбы – скотница, отказавшаяся отрезать сиськи у коров, и садовник, не поднявшийся при виде Мишке, несмотря на его приказ.

Мысль Мишуки «ну, уж накрою, ну, уж я накрою»⁶ подразумевает мщение всем жителям Репьевки, которые поворачивается в иное русло. Возвращение в личное усадебно-бытовое пространство на восходе солнца, которое символизирует начало нового дня, свидетельствует о наступлении нового периода в жизни Налымова. Пытаясь погасить обиду через привычный животный инстинкт, Мишку придается грубому развороту с публичными девицами, живущими в его усадьбе: «Мишку, не отвечая, подошел к Фимке и Броньке, взял их за загривки и стукнул друг о дружку. <...> А он подошел к Марье и хватил ее ладонью по жирной спине. <...> Затем началась возня и всевозможные игры. Мишку барахтался, хохоча под навалившимися на него кучей девушками, стаскивая их за ноги, за головы, катался, ухал»⁷. Последовавшая в этот же день вечерняя гроза знаменует наступление нового этапа в жизни Мишуки. Символичным является наличие дождя, который означает очищение, смывание грязи, духовное воздействие небес на мирскую сущность. Гром «воспринимается как карающая сила»⁸. Природные явления также способствуют реализации человеческих качеств во внутреннем мире героя: он погружается в свое закрытое, личное, внутреннее пространство. Мишку размышляет о происшедшем в Репьевке, фантазирует об отмщении, осознает свое одиночество. Эти рассуждения дают толчок к очищению внутреннего мира героя и его окружающего пространства от грязи: «Дождь хлестал в нарочно настежь раскрытие окна мезонина, где девушки, растрепанные

5 Толстой, А.Н. (1982). Собр. соч. в 10-ти томах. Т. 1, Москва: «Художественная литература». С. 184.

6 Толстой, А.Н. (1982). Собр. соч. в 10 т. Т. 1, Москва: Художественная литература. С. 191.

7 Толстой, А.Н. (1982). Собр. соч. в 10 т. Т. 1, Москва: Художественная литература. С. 192.

8 Под ред. Толстого, Н.И. (1995-2012) Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. Москва: Международные отношения. Т. 1. С. 558.

и растерзанные, всхлипывая, завязывали в узлы платьишко, бельишко, разные грошевые подарки»⁹. Грязь имеет метафорическое значение и подразумевает гарем, а также соответствующий ему разврат.

Четвертой стадией жизненного пути Мишуки становится обретение друга. В повести мотив встречи Мишуки и Сергея реализуется в чужом усадебно-бытовом пространстве для молодого человека, но своем для главного героя. Следует отметить, что внутренний мир Сергея также наделяется чертами животного мира, что указывает на сходство внутренних миров Сергея и Мишуки. Сергей так же, как и Мишутка, склонен к разврату: «схватил отчаянно завизжавшую красавицу Васёнку и стал вертеть ее, приплясывая...»¹⁰, «Сергей, положив измазанную сажей голову на колени красавице Васёнке, рассказывал страшные истории»¹¹. Так же, как и Мишутка, Сергей пытается овладеть Верой, несмотря на ее скорую свадьбу с его братом, и встречает сопротивление девушки. Поэтому сходство внутренних миров персонажей, бесстрашие и смелость Сергея способствовали обретению мира и дружбы между героями. Сергей представляет новое поколение, пришедшее на смену Мишутке, который смирился и принял эту смену.

Завершающей стадией жизненного пути Мишуки становится мучительная болезнь и смерть, описанные в последней двенадцатой части повести. Здесь особо ярко показана реализация всех пространств жизненного пути Мишуки: природного, животного, и человеческого. Мишутка полностью находится во власти природного пространства, так как, следя животной чуйке, предчувствует приближение смерти. Также Мишутка даже в последние дни своей жизни следует животному инстинкту – страсти к еде. «На нечистой скатерти стояли тарелки с едой. Усы Мишутки, щетинистые, тройной подбородок были замазаны жиром»¹². Но он, следя человеческому началу в свое душе, составил завещание и пытается искупить свою вину перед Верой, а также перед Клеопатрой, одной из публичных девушек, вписав их в свое завещание.

Также символичным является повествование в зимний вечер: «Зима – сезон года, когда, по народным представлениям, природа «умирает» <...>»¹³. Вечер означает окончание старого дня и переход в ночь. Всё это символизирует приближение конца жизненного пути главного героя и его смерть. Мертвый крокодил в банке, который также является хищником животного мира, тоже символизирует скорую смерть героя. Описание нечеловеческого внешнего вида Мишутки отражает его ужасный внутренний мир: «Облезлый череп его был исцарапан, желтые, словно налитые маслом, щеки закрывали глаза, еле видны сопящие ноздри»¹⁴. Значимым является нахождение Мишутки в кресле (личное место хозяина дома) до смерти. Это значит, что Мишутка, как хозяин, верен своей власти до конца и готов принять свою смерть. Только в последний момент перед смертью главный герой, сильный духом и телом, поддается: «Мишутка, глядя, как немощная собака, задышал часто, закатил глаза, захрипел»¹⁵. Даже на смертном одре Мишутка духовно оказался одинок. За всю свою жизнь он не смог найти себе друзей, которые бы искренне жалели и скорбели о его смерти. Настоящим и

9 Толстой, А.Н. (1982), Собр. соч. в 10-ти томах. Т. 1, Москва: Художественная литература. С. 194.

10 Толстой, А.Н. (1982), Собр. соч.: в 10 т. Т. 1, Москва: Художественная литература. С. 183.

11 Толстой, А.Н. (1982), Собр. соч.: в 10 т. Т. 1, Москва: Художественная литература. С. 184.

12 Толстой, А.Н. (1982), Собр. соч.: в 10 т. Т. 1, Москва: Художественная литература. С. 212.

13 Под ред. Толстого, Н.И. (1995-2012) Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. Москва: Международные отношения. Т. 2. С. 327.

14 Толстой, А.Н. (1982), Собр. соч.: в 10 т. Т. 1, Москва: Художественная литература. С. 211.

15 Толстой, А.Н. (1982), Собр. соч.: в 10 т. Т. 1, Москва: Художественная литература. С. 213.

преданным спутником жизни Мишуки была верная ему до конца собака Снежка, которая единственная горевала о его смерти: «Вдруг завыла диким голосом под столом белая сука»¹⁶. Несмотря на родственную связь с главным героем, Ольга Леонтьевна только перекрестилась, что указывает на ее равнодушное отношение к Мишке. Клеопатра, как и подобает чужому человеку, «глядела колюче на отходящего»¹⁷.

Таким образом, в повествовании хронотоп жизненного пути играет важную роль и выполняет сюжетообразующую и композиционную функции. Хронотоп жизненного пути главного героя имеет ряд переходящих друг в друга стадий, которые характеризуют сущность противоречивой натуры Мишуки Налымова: самодурство – унижение – очеловечивание – обретение друга – смерть. Хронотоп жизненного пути главного героя в своем развитии взаимодействует с другими пространственными составляющими: образом дороги, мотивом встречи, локусами дома, природы, внутреннего мира.

¹⁶ Толстой, А.Н. (1982), Собр. соч.: в 10 т. Т. 1, Москва: Художественная литература. С.212.

¹⁷ Толстой, А.Н. (1982), Собр. соч.: в 10 т. Т. 1, Москва: Художественная литература. С. 213.

Использованная литература

1. Бахтин, М.М. (1975), Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет, Москва: Художественная литература
2. Толстой, А.Н. (1982), Собр. соч.: в 10 т. Т. 1, Москва: Художественная литература
3. Под ред. Толстого, Н.И. (1995-2012) Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т., Москва: Международные отношения

Проф.д-р Христо Петрески

ФОТОГРАФИЈАТА, СЛИКАРСТВОТО И ФИЛМОТ КАКО ПРОПАГАНДА

РЕЗИМЕ

Темата на овој истражувачки и научен труд: "Фотографијата, сликарството и филмот како пропаганда" е комплексна специфична, постојано присутна и актуелна.

Всушност, пропагандата не избира средства, односно се определува за најсигурните, најмоќните и најсуптилните медиумски орудија и оружја, акции и кампањи, програми и проекти, пристапи и механизми.

А, целта секогаш е една и единствена: што побрзо информациите да пристигнат до целните групи и што полесно да допрат и продрат во нивната свест.

Преку манипулацијата и пропагандата - индиректно или директно се врши влијание и притисок од страна на државата и властта, како креатори на стратегиите, плановите и политиките, врз масовната и генерациски и статусно хетерогена популација.

За постоењето на медиумската пропаганда (во овој случај - преку фотографијата, сликарството и филмот) постојат бројни индивидуални и колективни причини, а последиците врз консументите, а посебно кај младите и ранливите категории се неодминливи, несогледливи и неизбришливи.

Пропагандата е процес кој долго трае и тешко се анулира, а и овој труд укажува на сферите и методите, главните носители, емитерите и примателите кај нас и во светот.

Клучни зборови: пропаганда, манипулација, фотографија, сликарство, филм

SUMMARY

The topic of this research and scholarly work: "Photography, Painting and Film as Propaganda" is a specific, complex, ever-present, and relevant one.

In fact, propaganda does not choose funds and it opts for the safest, most powerful and most subtle media tools and weapons, actions and campaigns, programs and projects, approaches and mechanisms respectively.

But the goal is always one and only: information is to reach the target groups as fastest as possible, and reach and penetrate into their consciousness as easiest as possible.

Through manipulation and propaganda - indirectly or directly - influence and pressure are exerted by the state and government as creators of strategies, plans and policies on the massive and heterogeneous population, including both generational and status aspect.

About the existence of media propaganda (in this case - through photography, painting and film), there are numerous individual and collective reasons, while the consequences on the consumers, especially among young people and vulnerable

groups, are unavoidable, unforeseeable and indelible.

Propaganda is a process that lasts long and is hard to be annulled, and this paper also points to the spheres and methods, the stakeholders, emitters and receivers in our country and throughout the world.

Keywords: propaganda, manipulation, photography, painting, film

1. Пропагандата во светски рамки (и на Исток и на Запад)

Во најраните човекови заедници пропагандата е користена како средство за сугестивно соопштување на некои битни информации, или пак, за наметнување на однесувањето на припадниците на заедницата во култните верски обреди. Тоа се правело и постигнувало со помош на симболи иrudimentarnите гласовни знаци, а подоцна и преку преданијата и легендите, кои се пренесувале од колено на колено.

Во античкиот период, на пример, пропагандната комуникација е сфаќана и прифаќана како легитимна и полезна реторичка вештина, додека пак, во средината на 20-от век се сметало дека пропагандата е научно заснована управувачка алатка и лост на владеачките кругови на модерните држави, преку која ефикасно можат да ги иницираат, насочуваат и контролираат сложените општествени процеси.

Притоа, треба посебно да се знае и нагласи дека свеста за оваа специфична форма на комуникација меѓу луѓето од секогаш постоела, се разбира, во различни форми и содржини и редовно и секогаш служела како начин за остварување на посебните интереси.

Тие интереси главно се групни и колективни, краткорочни или долгорочни, а негативните ефекти се понекогаш делумни и невидливи, односно подносливи и нетрајни, но најчесто последиците се далекусежни, неменливи и неизбришливи.

Значи, во прашање се поединци, или одредени општествени групи и слоеви, кога станува збор за манипулации и пропаганди од помал обем, додека пак, кога се во прашање национални и државни кампањи, па и меѓународни, подолгорочни, повеќенаменски и повеќегодишни активности - тие се поспецифични, поосмислени и помасовни.

Во секој случај, станува збор за серија од однапред предвидени, дозирани и прецизно испланирани методи и акции, често на мошне суптилен, невидлив и заткулисен начин, со распределеност при дејствувањето на стратуми и групи, па дури и на посебни и издвоени делови и сегменти.

Обично и популарно се вели дејствието ги оправдува средствата, па така ми во овој случај - многу често се губи чувството за вкус и мерка, зашти најбитни и единствени параметри за успехот на пропагандата се постигнатите ефекти.

Всушност, станува збор за цела пропагандна машинерија, која се состои од занења и искуства, планови и програми, стручни и верзијани лица, пробани и потврдени методи, предизвикан и добиени ефекти...

Но, овојпат, ние ќе се задржиме само на уметничката фотографија, сликарството и филмот како манипулација и пропаганда.

Поточно, на уметничката манипулација и пропаганда како дел од естетската, но и од политичката манипулација и пропаганда.

Се разбира, нема да навлегуваме во психолошките, социјални, етички и хумани сфери, зашто иако се сродни и поврзани тие прашања - тоа се други и комплексни теми, па во овој труд ќе се ограничиме главно на илустративните

примери од минатото и денес - во светот и кај нас...

2. Дефинирање на пропагандата, или што е тоа културна и уметничка манипулација и пропаганда

Самиот термин пропаганда потекнува од латинскиот збор пропагаре, што во превод значи ширење, односно распространување. Но, интересно е дека овој термин речиси не бил познат се до почетокот на 19-от век.

Според многу извори, појавата на овој поим во и со значењето кое и денес го подразбирааме - се поврзува со 1622 година и тоа за папата Грегор ЏВ и воспоставувањето на Congregatio de Propaganda Fide, како посебно тело на католичката црква. Ова тело било составено од кардинали и високи црквени достојанственици и имало задача "организирано и ефикасно да јашири католичката вера" и да ги регулира црковните односи посебно во некатоличките земји.

Зборот пропаганда се појавил во времето на реформацијата и користен е во верски цели, а подоцна и за политички, културни и други. Во ширењето на верата и сите реформаторски процеси и движења - пропагандата била главно средство за убедување и борба.

Па, исто така, и историјата од првата фаза на христијанството е исполнета со бројни примери на пропаганда, посебно во вид на симболи, како што е на пример крстот што ја означува идејата на и за пожртвување.

Во настојувањето, феноменот на пропагандата сепак попрецизно да се дефинира, многу модерни теории имаат усвоено неколку значајни определби и одредници, кои пропагандата ја сфаќаат како збир од посебни техники на и за комуникација со цел на помасовни влијанија или сугестији, преку манипулации со симболи и психологијата на масите, но и поединците.

А, она во и со што сите се согласуваат е фактот дека пропагандата вклучува интензивно користење на слики, слогани и симболи, кои влијаат на човековите, односно на нашите уверувања и емоции.

Тоа е смислена комуникација со точно определена точка на гледање, која има за цел примателот на пораката доброволно да ја усвои посакуваната позиција и убедување како да се лично негови и да делува во склад со тоа и со нив.

Повеќето теоретичари по комуникација се согласуваат дека она што ја разликува пропагандата од другите видови на човекова комуникација, е фактот што таа во секој случај секогаш е акт на предумисла, поврзана со општественото уредување како однапреддефинирана контролерза, односно начелно конфликтна ситуација, како еден вид на даденост.

Пропагандата може да биде идентификувана како смислен напор да се врши влијание на исходот на спорните ситуации, приискажувањето на наклонетоста кон преференцијата. Во таа смисла, пропагандата се разликува од другите промислени трансмисии на информациите, или од сличните церемонијални или чисто изразени активности.

Денес, современата пропагандна дејност, како специфичен облик на општествена комуникација, можеме да го дефинираме и како систематски обид и резултат да се врши влијание врз емоциите, ставовите, уверувањата и акциите на одедена целна групација и популација со цел за идеолошка, политичка, религиозна, или комерцијална индоктринација, по пат на контролирана трансмисија главно на еднострани пораки преку масовните или директните канали на медиумската

мрежа, средства и комуникација.

Притоа, не треба да се заборави и занемари ни свесната желба на поодделни автори на пропагандата дискретно и повремено да и се ублажи или целосно да и се отстрани негативниот предзнак и таа дури да се протолкува, презентира и прокламира како општествено посакуван, оправдан и прифатлив феномен.

Пропагандата во пекоративна смисла има погрдно, непожелно и негативно (непосакувано) значење, освен кога станува збор за економска пропаганда, која е во функција и со цел конкурентска борба, пласман и доминација на пазарот и во економскаста сфера. Но, и тогаш пропагандата често се служи со нечесни, систематски и неправедни (неправични) средства и методи на оцрнување на конкуренцијата, фаворизирање само на сопствените марки, брендови и производи со цел истиснување на ривалите од понудата и побарувачката, заземање монополски позиции и лавовски дел од колачот. Дури и тогаш и во такви услови, треба и мора да се разликува чистата и оправдана економска пропаганда од валканата, неоснована, неоправдана и неприфатлива трговско-пазарна манипулација.

Пропагандната комуникација, кога веќе мора да постои, може и треба да биде отворена, во форма на реклами пораки, односно отворени повици за дејствување во некоја одредена цел, но најчесто е прикриена, кога се обидува и успева да ги испорзува легалните начини на комуникација исклучиво за своите потреби.

Во процесот на комуникацијата, пропагандата може да делува како самостојно осмислена и реализирана пропагандна кампања за одредена цел (рекламна, политичка, хуманитарна и.т.н.), или со користење на легалните извори на информации, како што се медиумските мрежи, институциите од различни профили, а посебно политичките и информативните, кои создаваат и сервираат информации и вести, или соопштенија до и за јавноста, и тоа во најразлични видови и форми.

А, пропагандните средства претставуваат инструменти за пренесување на пропагандните пораки од испраќачите до примателите. Во теоријата и практиката овие средства обично се делат на електронски и печатени пропагандни средства.

Како пропагандни средства најчесто се користат фотографијата, плакатот, филмот, но и театарот, сликарството, како и другите изразни уметности.

Пропагандата претставува еден од облиците на општествената комуникација со цел да се влијае на однесувањето на заедницата во насока на одредено мислење или однесување. Тоа е планско ширење на посакуваните идеи, мислења, ставови и уверувања, кои можат да бидат политички, религиозни, културолошки, или некои други и слични, поради придобивање на јавното мнение, најчесто со користење на лаги и искривени вистини и факти.

Не случајно и со право се смета дека пропагандата е стара колку и човековата комуникација.

Попрецизно, пропагандата означува обид за обликување на перцепцијата и спознавањето, но и манипулирање со однесувањето на поединци, со цел да се генерира реакција која пропагандистите сакаат да ја постигнат.

Поимот пропаганда главно се користи во политички контекст, додека на подрачјето на економијата се повеќе се зборува за огласување, маркетинг, пиар и слично. Иако се до неодамна како рекламирно интермецо помеѓу емисиите се емитуваат ЕПП (економски пропагандни пораки).

Прв пат, надвор од црквата, терминот пропаганда се појавува и е употребен во 14-то издание на Британската енциклопедија (Encyclopaedia Britannica) во 1929 година.

Но, она што е најбитно и најтрагично, низ и преку монополизацијата на пропагандата во диктаторските режими - посебно во национал-социјализмот, Сталинизмот, Титоизмот и другите тоталитарни системи, поимот пропаганда има многу пежоративен карактер. Исто така, едностраниот, исклучив и црнобел приказ на информациите не е невообичаен ни во поразвиените стадиуми, демократии и држави. А, поради негативните конотации, поимот пропаганда во поново време е заменет или се уште се (за)менува со кованицата "односи со јавноста".

Југословенско-комунистичката пропаганда, или пропагандата на Комунистичката партија на Југославија е облик на пропаганда со бројни догми и митови во служба на државната идеологија на комунизмот и југоунитаризмот.

Но, изразени и доминантни се пропагандите и во Албанија, Бугарија, Романија, Русија, Кина, Куба, Северна Кореја... А, и денес пропагандата се користи во и за бројни политички цели.

Пропагандата е дел од маркетингот, т.е. претставува облик на комуникација со кој се пренесуваат информациите преку медиумите. Некои видови на пропаганда не информираат, некои не наговараат или забавуваат, други се нападни, здодевни, невкусни и навредливи, а поретки се тие кои се ненаметливи, непристрасни, привлечни, одмерени и прифатливи. Популацијата е публика на која и се сервираат најразлични (полу)истини, па таа беспоговорно треба да проголта се.

Во секој случај, пропагандата е дел од нашите животи, длабоко е проникната и проткаена, а пропагаторите прават се задаги освојат и привлечат разните слоеви и генерации. Иако пропагандата во различните историски епохи и различно е користена, сфаќана, наметнувана, прифаќана и толкувана, таа е неизбежен, неразделен и неодминлив дел од јавната комуникација и со своето планско, организирано и доследно делување оставила силен печат и врз човековата цивилизација.

И во современите (модерни) држави, и тоа во светски рамки (и на Исток и на Запад) преку пропагандата се иницираат, насочуваат и перманентно и ефикасно се контролираат сложените општествени процеси, движења и тенденции, односно преку оваа специфична форма на комуникација се остваруваат редовно и темелно посебните интереси на поединци, на одредени општествени групи, па и на цели државни заедници.

Пропагандата, како и се друго, постојано еволуира и се видоизменува, односно станува поразгранета и пораспространета (посеопфатна), посуптилна и попронклива, поагресивна и понаметлива, поамбициозна и пософистицирана...

Значи, таа е научно елаборирана и заснована, присутна е и овде и сега, па од реторичка вештина таа е материјализирана и станува конкретна и практична, поминувајќи и менувајќи најразлични облици, форми и содржини...

3. Пропагандата преку фотографијата, сликарството, филмот...

Уметноста како анти-хегемонистичка пропаганда ја истражува и точката на преклопување на уметноста и пропагандните механизми, во обид да се привлече критичкото внимание за последиците кои различните општествено-историски

ситуации ги имаат врз перцепцијата на односите меѓу уметноста и политиката.

Бројни се индивидуалните, но и заедничките (колективните) рефлексии, реакциите и критичките ставови кон институционализираните механизми и централизираните културни политики кои ги користат типичните стратегии на доминантните идеологии, обидувајќи се постојано да ги задржат и зачуваат своите позиции преку улогата, функцијата и значењето на уметноста.

Воспоставувањето на ставовите како единствен можен дискурс, во голема мерка се постигнува благодарејќи и на пропагандата. А, бидејќи уметноста од секогаш имала значајна моч во тие процеси - таа има и значајна политичка димензија. Уметноста може да биде средство за доминација на владеачката елита со посредство и манипулација на културата, но може да биде и сила која активно учествува и во рушењето, деконтаминацијата, деструкцијата и деконструкцијата на сето тоа.

Современите уметници се свесни дека нивната автономија е општествено условена, но тоа не значи дека тие не се, не можат и не треба да бидат независни и самостојни, автономни и слободумни, а пред се аполитични и креативни.

Но, без оглед која позиција и стратегија ќе ја одберат творците, останува отворено прашањето дали авторите можат да го издржат и возвратат притисокот и да ја сочуват температурата се до точката на топење, за да се изборат за својата позиција на автономност, објективност и критичност.

КОРИСТЕНА ЛИТЕРАТУРА:

- Bart, Rolan (2011): Svetla komora: beleška o fotografiji, Kulturni centar Beograda, Beograd
- Sontag, Suzan (2009): Suzan Sontag, O fotografiji, Kulturni centar Beograda, Beograd
- Todić, Milanka (2005): Milanka Todić, Fotografija i propaganda, Književna zadružna, Banja Luka
- Петрески, Христо (2015): Карневалите и карневализацијата, Феникс, Скопје
- Петрески, Христо (2015): Ликовната уметност е она што (не) се гледа, Феникс, Скопје
- Тренчовски, Горан (2008): Парс про Тото, Улис, Скопје
- Тренчовски, Горан (2015): Тези и аскези, Феникс, Скопје
- Тренчовска, Софија (2015): Една митопоетика, Македоника, Скопје
- Танасковска, Ели (2015): Културата и електронските медиуми, Феникс, Скопје
- Златко Танасковски: Заштита на иконите по македонските цркви и манастири, Соларис Принт - Скопје, 2012 година
- Urbani kulturni identiteti u savremenom kontekstu (zbornik), Srpski genealoski centar i Odeljenje za etnologiju i antropologiju Filozofskog fakulteta u Beogradu, Beograd, 2013
- Културни идентитети као нематеријално културно наслеђе (зборник), Српски генеалошки центар и Одељење за етнологију и антропологију Филозофског факултета у Београду, Београд, 2011
- Милинковиќ, Драган (2014): Економика на културата, Феникс, Скопје

811.161.1'282

Татьяна Махрачева¹ (Tatyana Makhrachova),
Сергей Махрачев² (Sergey Makhrachov)

¹ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» – г. Тамбов, МСУ „Г.Р. Державин“ – Свети Николе, mahrachova@mail.ru

²ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» – г. Тамбов, mahrachova@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ ГОВОРОВ: ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ КАРТЫ Л.117 ГОЛУБИКА)

STUDYING OF THE RUSSIAN DIALECTS: LINGVOGEOGRAPHICAL ASPECT (ON MATERIAL OF THE CARD L.117 BLUEBERRY)

Аннотация: В статье представлена авторская картографическая концепция, отражающая распространение названия ягоды голубика (лат. *Vaccinium uliginosum*) на территории русских говоров. Разные типы карт (лексическая и словообразовательная) дают возможность понять механизм номинирования ягоды, который функционирует в народной среде, и проследить территориальную закрепленность доминирующих корневых основ.

Ключевые слова: картографирование, название ягоды лат. *Vaccinium uliginosum*, русские народные говоры, русская диалектология, лингвогеография

Abstract: The author's cartographical concept reflecting distribution of the name of berry blueberry (*Vaccinium uliginosum* L.) in the territory of the russian dialects is presented in the article. Different types of cards (lexical and word-formation) give the chance to understand the mechanism of nominating of berry which functions in the national environment, and to track territorial fixedness of the dominating root bases.

Key words: mapping, name of berry of *Vaccinium uliginosum* L., Russian national dialects, Russian dialectology, lingvogeography

Изучение диалектных особенностей на лексическом уровне и представление этого материала в качестве одного из сегментов языковой картины мира русских способствует решению первоочередных задач филологии, детерминируемых современной научной парадигмой и нашедших выражение в триаде «язык – социум – культура». Рассмотрение диалектного материала с точки зрения этой триады в различных научных направлениях диктует выбор конкретных методов

(ср.: этнолингвистика, лингвогеография, диалектология, лингвокультурология). В последниедесятилетияXX-XXIвв.мывсечашефиксируемкачество приоритетного лингвогеографический метод, который позволяет не только фиксировать, демонстрировать языковое явление в проекции, но и дает все основания судить о его географической фиксации, определять границы распространения явления, его локализацию и т.п.

Эффективность этого метода становится особенно наглядной при использовании его в программах, которые объединены тематической и территориальной общностью, иными словами, при создании различных типов атласов. Масштабным проектом, не имеющим в отечественной лингвистике аналогов, является «Лексический атлас русских народных говоров», работа по созданию которого продолжается уже несколько десятилетий. Сама идея создания «Атласа...»¹ принадлежит проф. Попову И.А. и была высказана им еще в 70-е годы прошлого столетия на совещании по Общеславянскому лингвистическому атласу в Санкт-Петербурге. Реализация проекта началась гораздо позже, в 90-е годы XX вв. К настоящему времени уже вышел в свет пробный выпуск «Лексического атласа русских народных говоров», который продемонстрировал высокий научный и технический уровень подачи лексического материала, существенно дополнив сведения, имеющиеся в Диалектологическом атласе русского языка. В наши дни подготовлен первый том «Атласа», посвященный лексике природы, в котором значится вопрос за номером Л 117 «Голубика». В статье предлагается авторская концепция интерпретации ответов на данный вопрос, полученных от реципиентов, проживающих на территории распространения русских говоров. Манера подачи материала в статье соответствует традиции, выработанной «Атласом русских народных говоров», и представляет следующий алгоритм: 1) лексические карты; 2) комментарий к лексическим картам, который способствует прочтению карт; 3) иллюстрации, подтверждающие выбор номинаций, вынесенных на карту.

На карте представлена лексико-словообразовательная дифференциация названий голубики (лат. *Vaccinium uliginosum*), существующих в русских диалектах.

Первый уровень диалектного противопоставления образуют лексемы с корнями голуб- (голуба голубка, голубика, голубица, голубинка, голубника, голубиха, голубниха, голубина, голубяна голубянка, голубига голубнига, голубель и др.), гонобоб (гонобобель, гонобель), дур- (дурника, дурница, дураха, дурава), пьян-(пьяница, пьяника). Различия в корнях передаются на карте геометрическими знаками разной конфигурации.

Различное фонетическое оформление корневой морфемы (ср. голубика ~ гулобика, гонобель ~ гоноболь ~ гонуболь ~ гомоболь ~ ганабол, гонобобель ~ гонобоболь ~ конобо-бель ~ голобобель ~ комобобель и др.), в том числе акцентологические различия (ср. пьяница ~ пьяница, пьяника ~ пьяника, гоноболь ~ гоноболь, голубинка ~ голубинка и т.д.), а также различия, связанные с чоканьем (ср. голубица ~ голубича), расцениваются как нерелевантные для темы карты и специального графического выражения не получают. Не получают отражения на карте и различия в грамматической оформленности слова, в частности плюральные формы в наименовании голубики (ср. дурница ~ дурницы, дурочка ~ дурочки), которые картографируются как формы Sg.

¹ Атлас русских народных говоров. Пробный выпуск/ Ответственные редакторы И.А. Попов, Т.И. Вендин. Спб.: Наука, 2004. – 304 с.; 36 карт.

Адаптация иноязычной лексики гнезда гоноболь (гонобель, гонобоб, гонобой, гоно-бобля, голоболель и т.д.) в русских диалектах спровоцировала появление многочисленных фонетических, акцентологических и словообразовательных вариантов. Отражение на карте всех модификаций осложнило бы ее составление и прочтение, поэтому авторы сочли возможным объединить и передать на карте одним знаком (но с разной степенью его заливки) наименования со сходным звуковым регистром, а именно:

- » фонетические модификации лексемы гоноболь; ср.: гонобель (пп. 7, 8, 11, 95, 138, 139, 142, 184, 187, 189, 220, 226, 285, 286, 292), гонобаль (пп. 270, 369), гонаболь (п. 126), га-набол (п. 222), гонуболь (пп. 101, 190), голибель (п. 121), голоболь (п. 103), гомоболь (п. 177), гемоболь (п. 81), коноболь (п. 122) на карте не отражаются и передаются тем же знаком, что и лексема гоноболь;
- » лексемы гонобоболь (пп. 76, 105, 139), гонабобель (п. 388), гоноболь (п. 287), гоново-бель (п. 83), гонодобель (п. 387), конооболь (пп. 238, 242, 286), канобобель (пп. 281, 431), комобобель (п. 289), гоногобель (пп. 82, 246), гонобобол (п. 180), гонободоль (267), голобо-бель (п. 246), гонобобела (п. 288), гонобобля (пп. 242, 289), гобобель (п. 247) передаются на карте тем же знаком, что и лексема гонобобель;
- » лексемам гонобоп (п. 529), конообоб (пп. 265, 527), канабоб (п. 531), гононоп (п. 438), голобоб (пп. 7, 439, 475) на карте соответствует один знак, отсылающий к лексеме гонобоб;
- » ганабой (п. 904), конобой (п. 459), гольнобой (п. 274) переданы на карте одним и тем же условным знаком, соответствующим лексеме гонобой.

Второй уровень диалектного противопоставления образуют словообразовательные различия, связанные с аффиксальным оформлением лексем с корнями голуб- (голуба голубка, голубика, голубица, голубинка, голубника, голубиха, голубниха, голубина, голубяна голубянка, голубига голубнига, голубель и др.), дур- (дурника, дурница, дураха, дурава), пьян- (пьяница, пьяника). Словообразовательные особенности этих лексем передаются на карте разной заливкой соответствующего знака.

Единичные названия с картографируемыми корнями (ср. дурнина п. 219, дурки п. 597, дурничка п. 766, пьянки п. 325, голубянига п. 215, голубня п. 815, гонобар 376, гоноболец п. 121, гоноболешник п. 78 и др.) в соответствии с принятой в ЛАРНГ практикой передаются знаком той же конфигурации с вписанной в него звездочкой.

Единичные названия с некартографируемыми корнями (ср. синяга п. 184, синица пп. 9, 24, синька п. 714) с помощью специальных картографических средств на карте не отражаются, а подаются под звездочкой или с тильдой.

От картографирования отведены как неубедительные, не подкрепленные хорошим иллюстративным материалом или не отвечающие теме карты следующие лексемы:

- » болотница (п. 681), винная ягода (п. 169), зайчинная соль (п. 431), черница (п. 514);
- » лексемы гонобольник (пп. 70, 121, 167, 221) и гонобольняк (п. 121), словообразовательная структура которых указывает на то, что это кустики ягод;
- » лексемы баган (п. 273), багань (п. 171), которые имеют в данном регионе значение 'багульник'², 'болото' и 'мох, растущий в болотах'³.

² Тематический словарь тверских говоров. Авторы-составители: доктор филологических наук Т.В. Кириллова, кандидаты филологических наук Л.Н. Новикова, Т.В. Габлина, Е.В. Николаева. Тверь: ТвГУ, 2006. Т. 5. С. 13

³ Псковский областной словарь с историческими данными. Выпуск 1-20. Издательство Санкт-Петербургского университета, 1967-2008. Вып. 1 (А-бишика). 1967. С. 89.

Игнорируются также явно ошибочные лексемы, которые не отвечают на вопрос карты: бруска (п. 1036), жевика (п. 556), земляника (п. 509), коммуника (п. 117), косянига (п. 759) и костянка (п. 770), чёрная малина (п. 546), вороника (пп. 5, 9, 36) и деривационные варианты ворониха (пп. 17, 35) и вороница (п. 19).

Все эти лексемы неподдерживаются словарными материалами, прежде всего «Словарем русских народных говоров». Кроме того, эти названия употребляются в данных населенных пунктах, как правило, параллельно с картографируемыми лексемами. В диалектных словарях эти слова либо отсутствуют (ср. коммуника, косянига), либо являются наименованиями других реалий и потому не отвечают теме карты, ср.: бруска 'брюсника' Новг., Мурман⁴; вороника 'жимолость' Волог.⁵; вороница 'вороника черная' Арх.⁶; жевика 'ежевика сизая' Оренб., Чкалов., Сарат., Куйбыш., Ряз., Тамб., Ворон., Дон., Брян., Орл.⁷; костянка 1) 'костяника' Твер., Новг., Олон., Волог., Костром., Перм.; 2) 'дикая вишня' Калуж.; 3) 'толокнянка' Пск., Тобол.; 4) 'тыква с твердой кожурой' Чкал.⁸.

Материал карты свидетельствует о существовании в русских народных говорах следующих наименований голубики: голубика, голубица, голубинка, голубника, голубиха, голубниха, голубина, голубяна голубянка, голубига голубнига, голуба, голубка, голубель, гонобель, гонобель, гонобоб, гонобой, гоноболина, дурника, дурница, дураха, дурава, пьяница, пьяника.

Большинство этих лексем имеют ярко выраженные ареальные характеристики, в отличие от других, ареалы которых являются небольшими и даже точечными (ср., например, распространение таких лексем, как голубинка, голубина, голуба, голубка и др.).

Лингвогеографический анализ материала карты показал, что помимо общерусского названия голубика, в говорах широко представлены многочисленные словообразовательные варианты с суффиксами -иг(а), -иц(а), -их(а). Именно эти диалектные названия образуют основное противопоставление на карте, причем дериваты с этими суффиксами нередко выступают параллельно друг с другом (см. пп. 48, 121, 286, 476).

Корневые морфемы пьян- (пьяница, пьяника) и дур- (дурника, дурница, дураха, дурава) представляют два относительно небольших ареала.

Номинации с корнем пьян- (пьяница, пьяника) сосредоточены преимущественно в западном регионе, слабее выражены в центральном (владимирско-поволжские говоры) и спорадические фиксации отмечены в северо-западном (говоры Карелии) и южном (рязанские и калужские говоры) регионах. Наибольшая плотность распространения лексем, отмеченная на западе (псковские, новгородские, тверские и смоленские говоры), позволяет утверждать, что для этих мест наряду с общерусским названием характерно употребление пьяника или пьяница в значении 'голубика'.

Номинации с корнем дур- (дурника, дурница, дураха, дурава) образуют компактный ареал на западе, на территории Смоленской (смоленские говоры пп. 376, 423, 425, 427, 460, 463, 515-517, 535-537, 569-570, 597) и Псковской областей (пп. 219, 270), незначительный на юге (Орловская и Рязанская области) и несколько точечных: на севере (Республика Коми п. 7), юго-западе (брянские говоры п. 732),

4 Словарь русских народных говоров. М.-Л., Наука, 1965-. Т. 3. С. 205.

5 Словарь русских народных говоров. М.-Л., Наука, 1965-. Т. 5. С. 115.

6 Словарь русских народных говоров. М.-Л., Наука, 1965-. Т. 5. С. 115.

7 Словарь русских народных говоров. М.-Л., Наука, 1965-. Т. 9. С. 96.

8 Словарь русских народных говоров. М.-Л., Наука, 1965-. Т. 15. С. 90.

юго-востоке (пензенские говоры п. 681) и на востоке (территория Челябинска и Республики Башкортостана пп. 459, 511, 691).

Субстратная лексика образует значительный ареал, который простирается с севера через центральные регионы, включая северо-западный⁹, юго-западный и западный регион и заканчивается единичными фиксациями на юге (Рязанская и Тамбовская области). Характеризуя лексику данного гнезда, следует отметить, что наряду с гоноболь лексемы гонобель и гоноболь отмечены в словарях русского литературного языка, хотя в ряде случаев они сопровождаются стилистической пометой – обл. «Широко распространенное название голубики гонобель, – отмечает В.А. Меркулова, – в формальном отношении стоит совершенно особняком в названиях ягод. Многочисленные варианты этого названия указывают на затемненность этимологических связей в этом слове: чаще всего встречается форма гоноболь, затем гонобель, гонобоб, голобоб, гнобой»¹⁰. Исследователь полагает, что центром, откуда происходит движение этого слова, следует считать псковско-новгородские говоры с их формой гоноболь. М. Фасмер считает слово гоноболь сложным, состоящим из гон- 'гнать' и боль, со значением 'вызывающий боль', так как при сборе голубики обычно кружится и болит голова от одуряющего запаха багульника, растущего вместе с ней¹¹. Меркулова не разделяет точку зрения Фасмера, считающего эту форму табуистической, поскольку в названиях растений табуистическим заменам подвергались лишь наименования растений, использующихся в магии, каковым голубика никогда не была¹². Косвенным доказательством того, что слово на русской почве имеет затемненную этимологию, служат многочисленные искажения, которым оно подвергалось в говорах, вплоть до установления совершенно случайных созвучий. Все эти факты как будто говорят о том, что на русской почве это слово неисконно. По мнению В.А. Меркуловой, в основе слова гоноболь лежит финский (resp. Прибалтийско-финский) элемент, как и во многих других северорусских названиях ягод, и его вторая часть, вряд ли случайно, совпадает с общефинским названием брусники. Она полагает, что именно вепсские и карельские формы легли в основу новгородско-псковского диалектизма, при том, что в первой части слова гоноболь лежит элемент со значением 'опьяняющий, одуряющий'¹³.

Лексема голубель, вероятно, является результатом контаминационного переосмыслинения, попыткой найти внутреннюю форму. На карте лексемы голибель, голубеля, голуболь объединены и отсылают к знаку голубель. На семантическое родство лексем голубель и голубика указывает также единая цветовая заливка. Распространение данной лексемы закреплено только за северным, центральным и западным регионами.

Лингвогеографический анализ материала, представленного на карте, позволяет констатировать, что самой яркой оппозицией является общерусская лексика с корнем голуб-, которой противопоставлена субстратная лексика гнезда гоноболь. Однако в русских диалектах преимущественно западного региона

9 Мызников, С.А. (2007) Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб., Наука, 2007. С. 79-81.

10 Меркулова, В.А. (1967) Очерки по русской народной номенклатуре растений М., 1967. С. 223.

11 Фасмер, М. (1986) Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и доп./Под ред. и с предислов. Б. А. Ларина: в 4 томах. М., Прогресс, 1986. Тома I–IV. Т. I. С. 437.

12 Меркулова, В.А. (1967) Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы. Грибы. Ягоды. М., Наука, 1967. С. 223.

13 Меркулова, В.А. (1967) Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы. Грибы. Ягоды. М., Наука, 1967. С. 224.

растение *Vaccinium uliginosum* известно также под названием дурника, дурница или пьяница, пьяница.

Для расширения ареалов, а также для подтверждения полевых сведений авторы карты сочли возможным привлечь к картографированию материалы из современных региональных словарей говоров, атласов, которые содержат точные географические пометы.

Иллюстрации: Голубиль как черлика, только покрупней, на маленких веточках растёт на бугорках (п. 7). В лес по бруснику и по гоноболь ходим (п. 34). На кочках в болоте растёт ганаболь (п. 54). Теперь-то все закультурились, вот и говоря – голубица. Да в нас больше гоноболь. Варенье-то с гоноболя – не ахти (п. 70). От гоноболи всегда руки чёрные, грязные (п. 94). Гоноболь, пьяная ягода (п. 121). Галнабой, она растёт на золачки низка на самам мху, тоже лечебная, как черника чёрная (п. 274). Гонобобель собирать одно удовольствие: ягоды крупные, крепкие (п. 239). Гонобобель не везде растет, он свои места выбирает (п. 274). Пришли робята из леса, а у них и рты черные от голубицы (п. 38). У голубицы ягоды светлее и крупнее, чем у черницы (п. 62). Голубица дак голубая, дак говорят поэтому и название такое (п. 63). Голубиха-то слаще, черничи вроде как погорше (п. 84). Голубники раньше много было, теперь она редкая гостья (п. 187). От голубики опьянеть можно (п. 223). Говорят, голубянига-то вкусна ягода (п. 215). За рекой в лесу дурнина растет (п. 219). И дурникой, и пьяницей, и ганабобелем называли голубику (п. 270). Голубика тоже растот, её пьяница зовут и ганабель ещё (п. 226). В болота заёдёшь и пьяная голова от этих пьяниц, болит (п. 267). Голубику зовём мы пьяникой или дурникой (п. 425).

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас русских народных говоров. Пробный выпуск/ Ответственные редакторы И.А. Попов, Т.И. Вендина. Спб.: Наука, 2004. – 304 с.; 36 карт.
2. Меркулова, В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы. Грибы. Ягоды. М., Наука, 1967. 259 с.
3. Мызников, С.А. (2007) Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб., Наука, 2007. 394 с.
4. Псковский областной словарь с историческими данными. Выпуск 1-20. Издательство Санкт-Петербургского университета, 1967–2008.
5. Словарь русских народных говоров. М.-Л., Наука, 1965-.
6. Тематический словарь тверских говоров. Авторы-составители: доктор филологических наук Т.В. Кириллова, кандидаты филологических наук Л.Н. Новикова, Т.В. Габлина, Е.В. Николаева. Тверь: ТвГУ, 2006. Т. 5. С. 13.
7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и доп./ Под ред. и с предислов. Б. А. Ларина: в 4 томах. М., Прогресс, 1986. Тома I–IV.

ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

Карта №

